

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

ВЕПССКИЕ АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1469866

Петрозаводск
2013

УДК 811.511.1: 81'28

ББК 81

В 30

Научные редакторы:
доктор филологических наук *Н. Г. Зайцева*,
доктор филологических наук *С. А. Мызников*

Рецензенты:
кандидат филологических наук, доцент *Т. В. Пашкова*,
кандидат филологических наук *А. П. Родионова*

В30 **Вепсские ареальные исследования.** Сборник статей. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 193 с.

ISBN 978-5-9274-0584-8

В представленном сборнике рассматривается с различных сторон слово вепсской диалектной речи, которое в его фонетическом, грамматическом, семантическом оформлении является одним из наиболее ярких маркеров диалектных ареалов. В статьях сборника слово выступает как объект лингвогеографических исследований, как материал для изучения истории языка, как факт топонимической системы. Все названные аспекты имеют выход также и в решение проблем языковых контактов, субстрата в языке и культуре, в вепсский мифологический пантеон, в этническую историю края.

УДК 811.511.1: 81'28

ББК 81

*Сборник статей «Вепсские ареальные исследования» подготовлен
при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00081
«Лингвистический атлас вепсского языка»
и может быть полезен и интересен представителям различных наук*

ISBN 978-5-9274-0584-8

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2013
© Карельский научный центр РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013

Содержание

Предисловие	4
Вопросник «Лингвистического атласа вепсского языка»	7
<i>Н. Г. Зайцева.</i> Вепсский диалектный материал и некоторые грамматические аспекты вепсской диалектологии (на основе анализа грамматических проблем вопросника «Лингвистического атласа вепсского языка»)	46
<i>И. В. Бродский.</i> Некоторые особенности вепсских говоров (по материалам изданных образцов вепсской речи)	71
<i>С. А. Мызников.</i> Лингвогеографические исследования на основе лексических данных финно-угорских и русского языков в контактных ареалах	92
<i>О. Ю. Жукова.</i> Традиции причитывания у разных диалектных групп вепсов (лингвистический аспект)	113
<i>И. И. Муллонен.</i> Большие озера маленького народа: идентификация по размеру в вепсской топонимии	130
<i>Е. В. Захарова.</i> Вепсское прошлое Восточного Обонежья по данным топонимии	144
<i>А. И. Соболев.</i> Прибалтийско-финские кальки в топонимии юго-восточного Обонежья	155
<i>И. П. Новак.</i> Роль вепсского языка в становлении карельской альтернационной системы	166
<i>И. Ю. Винокурова.</i> Вепсский мифологический пантеон в свете некоторых этапов этнической истории народа (на основе вепсского диалектного материала)	174

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный сборник статей «Вепсские ареальные исследования» объединил исследователей, в поле зрения которых, так или иначе, находятся проблемы, связанные с языком, историей, культурой вепсского народа. Часть статей сборника инициирована проектом «Лингвистический атлас вепсского языка», выполняемым при поддержке РГНФ (2012–2014, № 12-04-00081; руководитель проекта – зав. сектором языкоznания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН доктор филологических наук Н. Г. Зайцева), и подготовлена в рамках названного проекта.

В центре внимания авторов статей выступают различного рода ареальные проблемы, имеющие выходы в диалектологию, лингвистическую географию, этимологию, ономастику, историческую фонетику, лингвофольклористику.

Первый условный блок статей (статьи Н. Г. Зайцевой, И. В. Бродского, С. А. Мызникова, О. Ю. Жуковой) связан непосредственно с лингвистикой. Здесь прежде всего следует выделить вопросник «Лингвистического атласа вепсского языка», работа над которым была начата еще в конце 1940-х гг. исследователями вепсского языка Н. И. Богдановым и М. М. Хямляйненом. Вопросник был завершен ими в 1958 г., но по различным причинам сбор полевого материала не был начат. И таким образом, вопросник пролежал более полувека. За это время появилось значительное количество исследований в области языка и культуры вепсского народа, а также словарей и образцов вепсской диалектной речи, которые потребовали серьезной переработки вопросника. Его новую редакцию, представленную на страницах данного сборника, осуществили петрозаводские и санкт-петербургские ученые Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен, С. А. Мызников, И. В. Бродский.

В статье Н. Г. Зайцевой сделан обзор всех лингвистических источников, в которых можно найти сведения по вепским диалектам и говорам: образцы вепсской речи, словари, атласы. Язы-

ковой материал по вепсским диалектам содержится и в трудах ученых, этимологических словарях, работах сравнительно-сопоставительного характера, где используются данные родственных языков. Н. Г. Зайцева, кроме того, представила анализ и обоснование некоторых грамматических вопросов, включенных в вопросник атласа.

Статья И. В. Бродского иллюстрирует возможности использования диалектного вепсского материала, которым располагает в настоящее время наука и который может служить и служит базой для лингвогеографических исследований в области вепсского языка. О. Ю. Жукова дополняет эти данные лексическими и грамматическими особенностями, позволяющими анализировать язык причинений.

С. А. Мызников в своей статье представляет своеобразную оценку опыта многочисленных лингвогеографических исследований отдельных языков и языковых групп, с помощью которых можно углубиться как в этимологию, так и в этническую историю народов, в их контакты и взаимовлияния. Основываясь на многих примерах, он демонстрирует возможности лингвистической географии, вносящей существенный вклад в исследование языков и культур народов. Анализ многих лексем, представленных в лингвогеографических источниках, в статье касается прежде всего вепсского материала.

Второй условный блок статей подготовлен на топонимическом материале (статьи И. И. Муллонен, Е. В. Захаровой, А. И. Соболева). Эта интереснейшая тема исключительно важна в исследовании семантического развития лексики, появлении инноваций в данной области, в изучении исторических языковых и культурных связей, этноязыковых процессов на территории Карелии и сопредельных областей с прибалтийско-финским населением, истории заселения края и т.д. Многие лексемы, законсервировавшиеся своеобразным способом в названиях мест, исчезли из лексиконов изучаемых языков, но функционируют в топонимических системах, представляя исключительный интерес для лингвистической географии, истории развития лексики.

В статье И. П. Новак на повестку дня выносится проблема чередования ступеней согласных в прибалтийско-финских языках,

рассматриваются ее рефлексы в вепсском языке. В русле сбора языкового материала и подготовки «Лингвистического атласа вепсского языка», содержащей некоторые моменты, связанные с исторической фонетикой вепсского языка, данное исследование актуально и проливает дополнительный свет на эту сложную проблему, которая особенно оживленно дискутировалась в XIX – первой половине XX в. в работах финских лингвистов.

Статья И. Ю. Винокуровой представляет на диалектном материале выводы и итоги изучения ряда вепсских мифологических персонажей, которые рассматриваются в этногенетическом аспекте, с точки зрения этапов этнической истории народа.

Подготовленный сборник вводит в научный оборот новый материал и его авторские трактовки и интерпретации, что может быть интересным для представителей разных наук.

ВОПРОСНИК «ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА ВЕПССКОГО ЯЗЫКА»¹

Идея «Лингвистического атласа вепсского языка» появилась в то же время, когда в Петрозаводске в Институте языка, литературы и истории под руководством профессора, члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха велась работа по составлению «Диалектологического атласа карельского языка»². Интерес к диалектологии финно-угорских языков у Д. В. Бубриха появился в конце 1920-х гг., когда он подготовил подробную инструкцию по сбору материала по мордовским диалектам. В мае 1928 г. Бубрих впервые приехал в Карелию, тогда же выходит в свет «Инструкция по собиранию материала по финско-карельским говорам», а позднее – первая и вторая редакции «Программы по собиранию материала для Диалектологического атласа карельского языка» [1937, 1946]. Примечательно, что редактором первого издания программы был исследователь вепсского языка М. М. Хямяляйнен, а в работе над вторым изданием принимал участие вепсолог И. И. Богданов.

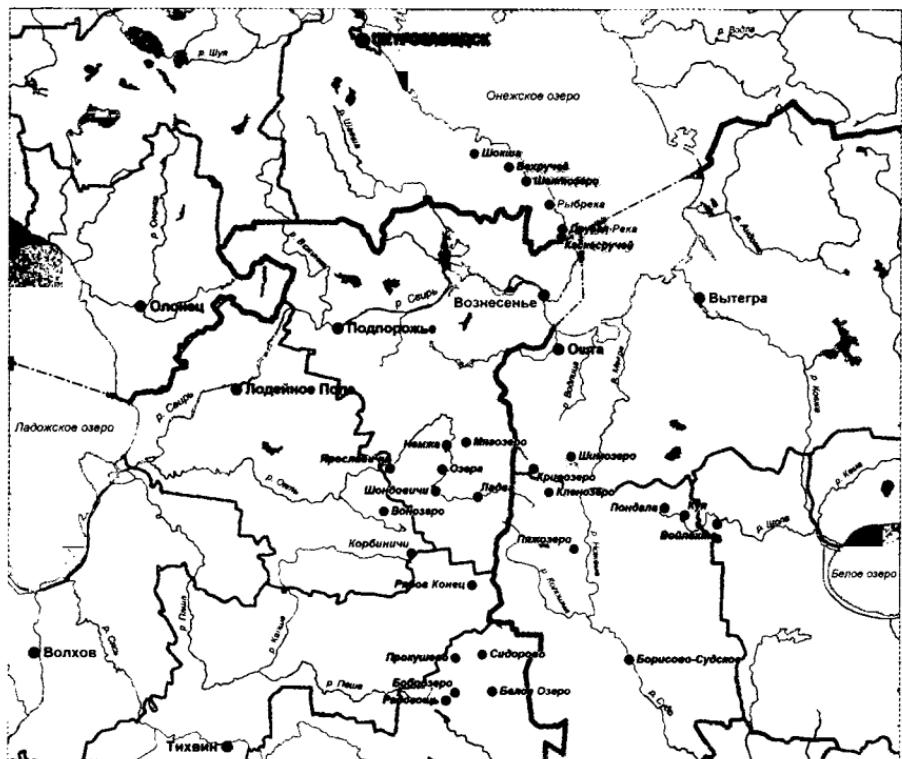
Эта работа вдохновила обоих лингвистов на создание вопросника по сбору материала для лингвистического атласа вепсского языка. Его пробный вариант был составлен ими и одобрен сотрудниками сектора языкоznания Института языка, литературы и истории в Петрозаводске, а также и размножен в 1958 г. Ученые даже начали процесс сбора материала, однако он был приостановлен, а впоследствии прекращен ввиду отсутствия кадров по выполнению темы.

Вопросник Богданова–Хямяляйнена включал инструкцию по сбору материала, вопросы по фонетике, грамматике, лексике вепсского языка. Он опирался на те сведения по вепсскому языку, которые были известны науке в конце 1950-х гг. Вопросник состоял из 332 вопросов, в которых вся лексическая часть была

¹ Вопросник подвергнут новой редакции и существенной доработке петрозаводскими и санкт-петербургскими учеными Н. Г. Зайцевой, И. И. Муллонен, С. А. Мызниковым, И. В. Бродским при поддержке гранта РГНФ-2012–2014 «Лингвистический атлас вепсского языка», № проекта 12-04-00081.

² Атлас был подготовлен в те годы, однако опубликован в силу ряда причин лишь в 1997 г. [Бубрих, Беляков, Пунжина, 1997].

сосредоточена под одним номером и включала 78 поисковых понятий. Он был ориентирован больше на сбор материала по фонетике вепсского языка. Фонетическая часть вопросника состояла из 210 вопросов и опиралась прежде всего на исследования по исторической фонетике вепсского языка Л. Кеттунена [Kettunen, 1922] и Э. А. Тункело [Tunkelo, 1946]. Многие вопросы фонетического характера, особенно связанные с проблемами мягкости согласных, утратили свою значимость, поскольку мягкость в диалектах выровнялась и не несет в себе, за редкими исключениями, особой диалектной маркированности.

Вариант карты-основы вепсской территории
для нанесения лингвистического материала
(подготовлен И. И. Муллонен)

Достаточно подробно в вопроснике Богданова–Хямляйнена представлена морфология вепсского языка. Вопросы по морфологии больше напоминают вопросник по сбору материала для написания грамматики вепсского языка, а не для выяснения проблем диалектной маркированности вепсской речи. К примеру, там была поставлена задача по выявлению всех падежных форм, всех форм глагола и т. д. Современные исследования грамматики вепсского языка [Зайцева М. И., 1981; Зайцева Н. Г., 1981, 2001; Zaitseva, 2001] позволяют более четко сформулировать круг проблем для лингвистических карт, нацелив его именно на те явления, которые выступают в качестве грамматических маркеров вепсских диалектных ареалов. Для нового вопросника подобрано 46 различных вопросов грамматического характера, которые определяют и характеризуют вепсские регионы и позволяют нанести их на лингвистические карты.

Диалектный словарь вепсского языка М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен 1972 г. также дал возможность пересмотреть и лексическую часть вопросника Богданова–Хямляйнена (в старом вопроснике было 78 вопросов по лексике), дополнить его новыми вопросами (всего в новом вопроснике 266 вопросов лексического характера), перестроить его в соответствии с тематическим кругами понятий, что более логично, а также в экспедиционных условиях способствует облегчению сбора материала.

Для каждого вопросника важно, каким образом разъяснены его вопросы, позволяющие получить ответ именно по той проблеме, на которую вопрос нацелен, чтобы были закартированы именования одного и того же понятия. Для «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков» (ALFE), в работе над которым автор данной статьи участвовала с начала и до самого ее завершения и издания, в вопросах были предусмотрены различного рода уточнения: например, для сбора именований серого цвета отмечалось, что принимаются во внимание прежде всего ответы на вопрос о цвете березовой золы, поскольку различных оттенков серого цвета достаточно много [ALFE, II, 2007, 269–270]. При составлении вопросника «Лингвистического атласа вепсского языка» коллективом авторов был избран несколько иной путь. Поскольку в научный оборот уже введен довольно обширный опубликованный

вепсский диалектный материал различного характера, то он позволяет предусмотреть наводящие варианты ответов по каждому вопросу для многих говоров вепсского языка. В этом случае значительно вырос объем предварительной работы при подготовке вопросника, связанный с поиском необходимого материала из опубликованных источников. Это позволило, в свою очередь, специалисту, владеющему вепсским языком, во время сбора материала в экспедиции наводящими вопросами ориентировать информанта в нужном направлении. Как показал опыт экспедиции в южновепсские регионы летом 2012 г., избранный метод облегчил сбор материала и дал возможность выявить достаточно полно особенности говора тех населенных пунктов, где собирался материал.

Таким образом, новый вопросник «Лингвистического атласа вепсского языка» включает 395 вопросов и отражает различные стороны функционирования вепсского языка, где учтены характерные черты каждого диалекта и говора, маркирующие их наиболее ярко³.

Экстравелингвистические вопросы

1. Сообщите следующие данные о себе.

Фамилия, имя, отчество.

Место рождения (подробно).

Год рождения.

Занятие.

Постоянный адрес.

2. Сообщите следующие данные об информанте.

Фамилия, имя, отчество.

Место рождения (подробно).

Год рождения.

Занятие.

Место жительства.

3. Сообщите следующие данные о селении, диалект которого Вы описываете:

³ Вступительная статья к публикации вопросника в данном сборнике подготовлена Н. Г. Зайцевой.

- Современное русское название (официальное и местное).
Сельсовет, район, область.
Современное и старое вепсское название.
4. Как называют себя Ваши информанты?
5. Как называют они свой язык?
6. Как называют их русские?

Фонетика

Вокализм (гласные)

Гласные первого слога слова

7. Что произносится в первом слоге слова murzei u или o?
murzei – morz’ain
8. Как произносится в первом слоге слова u, как краткий (u) или долгий (uu)?
luu – lu
suu – su
puu – pu
kuuz’ – kuz’
uuz’ – uz’
kuulišti, kuulišt’ – kulišti
9. Как произносится в первом слоге слова ü, как краткий (ü) или долгий (üü)?
küü – kü
püü – pü
püüta – püta
tüün’ – tün’
10. Как произносится в первом слоге слова i, как краткий (i) или долгий (ii)?
viiž – viž
pii – pi
hiir’ – hir’
hiil’ – hil’
tiineh – tineh, tinez
11. Происходит ли огубление е в первом слоге в словах типа?
leug – lüug (löug)

reun – röun (rüun)

hebo – höbo

12. Как представлено сочетание *ir* в первом слоге слова, как *ir* или как *er*?

ird – erd

kirvez – kervez

hirnoita – hernoita

kirbota – kerbota

bird – berd

13. Как представлено сочетание *ih* в первом слоге слова, как *ih* или как *eh*?

kihl – kehl

sihlaine – sihlaane, sehlaine

sihloita – sehloita

14. Происходит ли огубление *i* в первом слоге слова перед губными согласными?

libuda – lübuda

bipšta – büpšta

15. Что произносится в первом слоге слова: *ü* или *i*?

üks’ – iks’

kümne – kimne

tütär – titar

sügüz’ – siguz’, sigiz

kül’bet’ – kil’bet’

nügüde – nigide

küzuda – kizuda

lüpsan – lipsan

16. Что произносится в первом слоге слова: *ü* или *ö*?

kürz – körz

hürskaida – hörskaida

17. Что произносится в первом слоге слова: *ä* или *e*?

händikaz – hendikaz

jäniš – (däniš, gäniš) – jeniš

kägi – kegi

mänen – menen

18. Как произносятся личные местоимения мн. числа 1, 2, 3 лица?

мы: mö, mii, me

вы: tö, tii, te

они: hö, hii, he

19. Как произносятся личные местоимения ед. числа 1, 2, 3 лица?

minä (min'a) – mina, mä

sinä (sin'a) – sina, sä

hän – hen

Исторические и современные дифтонги первого слога слова

20. Что произносится в первом слоге слова на месте дифтонга eu: eu, öu, üu?

leug – löug, lüug

reun – röun, rüun

21. Какой дифтонг произносится в первом слоге слова: öu или üu?

löuta – lüuta

löun – lüun

höuneh – hüuneh

22. Какой дифтонг произносится в первом слоге слова: eī или iī, или как долгое ii, или ee?

leib – liib, leeb

hein – hiin, heen

sein – siin, seen

veič – viič, veeč

meid'en – miiden, meeden

23. Какой дифтонг произносится в первом слоге: ai или ei, ae?

aiž – eiž, aež

ait – eit, aet

kaik – keik, kaek

paid – peid, paed

24. Какой дифтонг произносится в первом слоге слова: äi или ei?

äi – ei

päiv – pei(v)

25. Какой дифтонг произносится в первом слоге слова: oi, ei, iī, oe?

koiv – keiv, kīiv, koev

poig – peig, piigv, poeg

toine – teine, tīine, toene

oiged – eiged, iiged, oeged

hoik – heik, h^üik, hoek

26. Какой дифтонг произносится в первом слоге слова: öi или üi (или ещё что-нибудь)?

söda – s^öin, s^üin' (siin')

möda – m^öin, m^üin'

vö – v^öihe, v^üihe

27. Какой дифтонг произносится: ui, i^j – в словах типа?

kuiv – k^jiv

muiged – m^jiged

huiged – h^jiged

luine – l^jine

28. Какой дифтонг произносится в первом слоге слова: äu, öu, ää (или как-то ещё)?

täuz' – töuz', tüuz', t'ääz'

räustaz – röustaz, räästaz

täudub – töudub, täädub

29. Что произносится в первом слоге слова на месте исторического звукосочетания al: al, al' или au, ou, uu, aa?

tal'v, tauv' – touv, tuuv

vauged – vouged, vuuged, vaaged

haugoida – hougoida

saubata – soubata, saabata

haug – houg (древа), haag

30. Что произносится в первом слоге слова на месте исторического звукосочетания ol: ol, ol', ou, uu, oo?

bol – bou, boo

ol'g – oug, uug, oog

nolda – nouda, nuuda, nooda

olda – ousda, uuda, ooda

31. Что произносится в первом слоге на месте исторического звукосочетания ul: ul, uu?

kuld – kuud

tulda – tuuda

kulda – kuuda

32. Что произносится в первом слоге на месте исторического звукосочетания el: el', öl, eu, üu?

sel'g – süug

(peld – pseud, pöud, püud)

pelvaz – pölvaz, pöuvaz, püuvaz, pööväz

velg – veug, vüug, veeg

33. Что произносится в первом слоге на месте исторического звукосочетания il: il, il', üu?

sild – süud

tilkta – tüukta

sil'm – süum

Гласные в непервых слогах слова

34. Что произносится на месте исторических звукосочетаний al, el: au, uu, üu?

madal – madau, madou, maduu, madaa

punaldan – punaudan, punaadan

käraldan – käraudan, käräädan

ajeldan – ajuudan, ajaadan

vihel'dan – vihuudan, vihoodan

ombeldan – ombuudan, ombooden

35. Что произносится в конце слова на месте исторического av: au, ou, aa?

ahav – ahau, ahou, ahaa

harav – harou, haraa

orav – orou, oraa

terav – terou, teraa

36. Что произносится во втором слоге слова, если в первом i: ä или a?

midä – mida, mid'a

igä – iga

pit'käd – pit'kad

sil'mäd – sil'mad, süumad

pidän – pid'an

idäb – idab

sigä – siga

37. Что произносится во втором слоге слова: a или ä в следующих словах?

liha – lihää

priha – prihä

vihand – vihänd

38. Что произносится во втором и дальше второго слога слова, если в первом слоге е: ä или a?

vedäda – vedada

sebäta – sebata

keräta – kerata

kevätz’ – kevaz’

emäg – emag

39. Что произносится во втором слоге, если в первом слоге дифтонг ei, ii: a или ä?

hiinän, heinän – heinan, hiinan

liibän, leibän – leiban, liiban

siinän, seinän – seinan, siinan

veibä, vüibä – veiba, viiba, vüiba

40. Что произносится во втором слоге слова, если в первом слоге ü: ü или u?

hüvüz’ – hüvuz’

sügüz’ – süguz’

lühud – lühud

vävü – vävu

41. Что произносится во втором слоге слова, если в первом слоге ü: ä или a?

tütär – tütar

kündän –kündan

lüpsäb – lüpsab

42. Что произносится во втором слоге слова, если в первом слоге ä: ä или a?

särbän – särban

tähkad – tähkad

lämad – lämad

vähä – väha

43. Что произносится во втором слоге слова, если в первом слоге ö: ä или a?

sömad – sömad

södä – söda

lödä – löda

mödä – möda

44. Что произносится в третьем слоге слова: ä или a?

külähä – küläha

ülähän – ülähan

hüvähä – hüväha

süvähä – süväha

emägäd – emägad, emagad

mänibä – mäniba

Выпадение гласных в конце и середине слова

45. Происходит ли в номинативе ед. числа выпадение конечного гласного в словах типа:

tina – tin

lina – lin

hala – hal

kara – kar

46. Происходит ли выпадение гласного i в середине слова?

rippuda – ripta

surduda – surtta

sambuda – sampta

tippuda – tipta

47. Происходит ли выпадение гласного звука перед звуком h?

kalaha – kalha

kodihe – kod’he

pezihe – pez’he

tegihe – teg’he

mängaha – mängha

otkaha – otkha

bohataha – bohatha

prostkaha – prostkha

Дифтонги непервого слога слова

48. Что произносится в непервых слогах слова в безударном положении: ai äi, ei, aa, ää?

pedai – pedei, pedaa

čapai – čapei, čapaa

mindai – mindei, mindaa
sindai – sindei, sindaa
kirjaine – kirjeine, kirjaane
ezmäine – ezmeine, ezmääne
päiväine – päiveine, päivääne
päčilpäi – päčilpei, päčilpää

49. Что произносится в непервых безударных слогах: oi, ei, ii, oo, oe?

kukoi – kukei, kukji, kukoo
ukoine – ukjine, ukoene
andoi – andji, andoe
pezemoi – pezemji, pezemoe

50. Что произносится в непервых слогах слова: ui или uu, ii, jj?

kouvuine – koivjine
pakuine – pakjine, pakuune
putui – putji, putuu
libui – libjji, libuu

Консонантизм

Мягкие или твердые согласные

Перед переднерядными гласными в вепсском языке согласные звуки смягчаются.

Согласные k, m, p, v, b смягчаются несколько менее, нежели, например, согласные l, s, n, t, r, что зависит, очевидно, от качества этих звуков.

Имеется несколько случаев остаточного явления твёрдости перед переднерядными гласными звуками, а также немотивированного смягчения звуков перед гласными заднего ряда.

51. Как произносится n в середине слова перед e: твёрдо или мягко?

pened – pen’ed, pin’ed
soned, sonod – son’ed
nene, neno – n’en’e(d) n’ened
uned – un’ed
kenen – ken’en, kenen

mäned, mänod – män’ed

paned, panod – pan’ed

52. Как произносится *r* перед *e*: твёрдо или мягко?

nored, norod – nor’ed

tütred, tütrod – tütr’ed

kored, korod – kor’ed

särez, säroz – sär’ez

53. Как произносится *n* в следующих словах: твёрдо или мягко?

naba – n’aba

nak – n’ak

nok – n’ok

nokta – n’okta

54. Как произносится после *i* конечное *n*: твёрдо или мягко?

ičiin – ičiin’

tatain – tatain’

mamain – mamain’

join – join’

pezin – pezin’

läksin – läksin’

tulin – tulin’

55. Как произносится *l* в середине слова перед *e*, твёрдо или мягко?

alemba, alomba – al’emba

molembad, molombad – mol’embad

koletada, kolotada – kol’etada

56. Как произносится *l* в середине слова в отдельных звукосочетаниях: твёрдо или мягко?

jäl’ged – jälged

pöl’gästuin – pelgästuun

el’gandan – elgandan

sel’g (süug) – selg

sül’kta – sil’kta

57. Как произносится *r* в конце отдельных слов: мягко или твёрдо?

hir’ – hir

jur’ – jur

tedr’ – tedr

sor’m – sorm

58. Как произносится в конце слова z: твердо или мягко?

čomuz' – čomuz

hüvüz' – hüvüz

süvüz' – süvüz

pahuz' – pahuz

Некоторые согласные в конце слова

59. Что произносится в конце слова: n или m?

härkın – härkim

pühkin – pühkim

südäin – südäim (südäm)

60. Что произносится в конце слова после s, š: t' или t?

mugošt – mugošt'

nagrišt – nagrišt'

vešt – vešt'

elošt – elošt'

61. Что произносится в конце слова: h или z?

herneh – hernez

veneh – venez

tineh – tinez-

vajeh – vajez

ägeh – ägez

Геминаты

62. Как в данном диалекте представлены k, t, p: геминатой или кратким согласным?

ikun – ikkun

mätaz – mättaz

lipaz – lippaz

63. Как представлены смычные k, t, p, g, d, b, аффрикаты с, č, z, ž: как одиночные или как удвоенные?

rikob – rikkob

tegeb – teggob

čapab – čappab

libub – l'ubbub

katab – kattab
radab – raddab
kacub – kaccub
ličeb – liččob
küzub – küzzub
läžub – läžžub

64. Что произносится в конце следующих слов: k – kk, p – pp, t – tt?

ak – akk
uk – ukk
pap – papp
sep – sepp
sat – satt
ot – ott

65. Как произносятся слова?

enčed – endižed?
kušed – kuššed, kuzižed?
vašed – vaššed, vaskižed?

66. Что произносится в словах: l или гемината ll?

hal, halan – hall(a)
kel, kelon – kell(o)
vil, vilan – vill

Выпадение и отпадение согласных и последующая ассимиляция

67. Сохраняется или выпадает v в словах?

kävub – kaub
vävu – väu
pövu – pöu
savu – sau

68. Сохраняется ли n в конце числительных?

kahcan – kahca
ühcan – ühca
kümnén – kümne

69. Сохраняется ли n в конце следующих слов?

murzäin – morzä, murzei, morz’aa
südäin – südän, südei
kuudain – kudam, kudan’, kudei, kudmoo

70. Что произносится в следующих словах: ks или s?

joksta – josta

küksta – küsta

ukst – ust: ei nägu ukst

sukst – sust: eile sukst

71. Что произносится в начале слов: j, d', g'?

järv – d'ärv, g'ärv

jüvä – d'üvä, g'üvä

jagada – d'agada, g'agada

jogi – d'ogi, g'ogi

jur' – d'uur', g'ur'

72. Что произносится в середине слов, j или d', g' или ноль звука?

astii – ast't'ad, astk'ad

agj – agjad, agd'ad

hibj – hibjad, hibg'ad, hibd'ad

pohj – pohjad, pohg'ad, pohd'ad

hibj – hibjad, hibg'ad, hibd'ad

kabj – kabjad, kabg'ad, kabd'ad

73. Как произносятся следующие слова?

kivi – tivi

kül'bet' – tüubet'

kül'bemoi – tüubemoi

Аффрикаты

74. Что звучит в словах, простой звук или аффриката?

kidžer – kižer

kidžu – kižu

kodžaita – kožaita

čundž – čunz'

Произношение отдельных звуков и звукосочетаний

75. Как произносится сочетание dn?

vodnaine – vonaine?

76. Как представлено сочетание tk в словах?

katketa – katteta

ratketa – ratteta

katkeb – katteb

katen' – kitten'

77. Как представлено сочетание ht:

koheta – kohteta

kohendab – kohtendab

78. Как представлено сочетание звуков в середине слов, как nn или nd?

sinna – sinne, sina, sinda,

tänna – tägne, täna, tända

79. Как представлено сочетание nd?

hond или honz'

kund или kunz'

80. Как произносятся в следующих словах звуки, как z, s или как ž, š?

lainzin – lainžin'

uinzin – uinžin'

lanksin – lankšin'

upsin – upšin'

81. Что произносится в следующих словах: с или č?

taci – tači

raci – rači

82. Что произносится в следующих словах: d или z?

kel'di – kel'zi

kändi – känzi

lendi – lenzi

vändi – vänzi

tärdi – tärzi

83. Что произносится в словах: v или b?

bibu – vibu

barbaz – varbaz

barbik – varbik

Морфология

Некоторые вопросы по именному словоизменению

84. Сохраняется или отпадает n в окончании генитива мн. числа?

Например, местоимения: meiden – miiden, miide; teiden – tiiden, tiide; heiden – hiiden, hiide

Эта собака – наша: пеце koir om meiden (miiden, miide)

Скажите:

Это наша школа:

Тот стол – ваш:

Та игра – их:

Это детские игрушки:

Это работа женщин:

Это следы медведей:

85. Как звучит комитатив в говоре? Укажите, каково окончание комитатива:

1) Окончание комитатива: ед. числа-пке или -ke; мн. числа -denke или -deke:

Скажите:

Иди со мной (с ним) – minunke, minuke?

Мальчик играет с собакой – koiranke, koirake?

Дети любят играть с животными – živatoidenke, živatoideke?

Пойдёмте с нами (с ними) – meidenke, meideke?

2) Окончание комитатива в говоре: -dme, -me, -mu

Скажите:

Иди со мной (с ним) – mindaime, mindaamu?

Мальчик играет с собакой – koiradme, koiramu?

Дети любят играть с животными – živvatoidme, živatoomu?

Пойдёмте с нами (с ними) – meidme, meidmu?

86. Как звучит окончание партитива ед. числа в словах с основой на i и партитива мн. числа: как d или d'?

pertid – pertid'

kül'betid – kül'betid'

lapsid – lapsid'

heboid – heboid', hebood'

nituid – nituid'

aitoid – aitoid'

Скажите:

У нас нет кошки

В доме нет печки

На берегу растёт много берёз

В доме много окон

87. Что является окончанием адессива в ед. числе: *l*, *-i* или удлинение конечного гласного основы?

koivul – koivou, koivuu

hüväl – hüväu, hüvüu

koiral – koira, koiruu

hebol – hebou, hebuu

völ – vöu, vöü

Скажите:

У женщины есть дети

У хорошей хозяйки в доме порядок

Бросать сено вилами

На покосе было много людей

На горе росла берёза

88. Как произносится в говоре окончание адессива мн. числа или адессива ед. числа *-l* после основы на *i*: твёрдо или мягко (или может закончиться на долгий гласный)?

päčil – päčil', päčii

kül'betil – kül'betil', kil'betii

mägil – mögil'

sil'mil – sil'mil'

aitoil – aitoil', aitool'

heboil – heboil', hebool'

molembil – molembil'

89. Что употребляется в окончании аллатива: *-le*, *-lo* или *-l'e*?

akale, akalo – akal'e

hüväle, hüvälo – hüväl'e

koivule, koivulo – koivul'e

küle, külo – kül'e

hebole, hebolo – hebol'e

völe, völo – vö'l'e

pertile, pertilo – pertil'e

semnele, semnelo – semnel'e

90. Что является окончанием абессива: *-tta*, *-ta*, *-tä* или *-ti*?

Скажите:

Рыбак вернулся домой без рыбы – kalata, kalati

Без лодки по озеру не поедешь – veneheta, venheti

Брат остался без денег – dengoita, dengoiti

91. Что является окончанием терминатива: -hasai, -hassai, -hassei, -hasaa и т.д.?

mahasai – mahassai (mahassei, mahassaa)

lävähäsai – lävähässai

vodhesai – vodhessai

sohosai – sohossai

vöhösai – vööhössai

koivhusai – koivuhussai

pühüsai – pühüssai

92. Как оформляется окончание аппроксиматива ед. числа: -nnoks, -nloks, -nnost, -nno и т.д.?

Скажите:

Дети приехали к реке – jogennoks, jogennost, d'ogenno, jogelest

Девочка подбежала к берёзе – koivunnoks, koivunnost, koivunno, koivulest

93. Как оформляется падеж пролатив: окончанием -dme, -dmu, -mu или его значение передается послеложной конструкцией: партитив + послелог möto?

Скажите:

Мы шли по дороге – tedme, tedmu, ted möto

Плыть по воде на лодке – vetme, vetmu, vet möto

По камням тяжело идти – kividme, kivimu, kivid möto

94. Согласуется ли определение с определяемым словом в комитативе, аппроксимативе, терминативе?

Скажите:

С большим мячом – surenke mäčinke, suren mäčinke, surtme mäčime

К чужой бане – verhannoks kül'betinnoks, verhan kül'betinost

До тёмного леса – pimedahasi mechasaaai, pimedaha mechasai

Скажите:

Мальчик играл с маленьким щенком

Мы подошли к старому дереву

До ближайшей деревни было сто километров

95. Какой суффикс употребляется в абессивных отыменных прилагательных в ед. числе на -toi: -toi, -toint, -toin', -tom?

Скажите:

Бездомный щенок – koditoi, koditom

Беспомощный человек – abutoi, abutom

Бездетная семья – lapsiitoi, lapsitom

Безводная земля – vedetoi, vedetom

96. Употребляется ли в наречиях суффикс: -čki, -či или -iči?

hibusiči или hibusički (за волосы друг друга)

modoči или modoči (лицом друг к другу)

kohtaiči или kohtaiči (против друг друга)

abuiči или abučki (на помощь друг другу)

kulakoiči или kulakočki (кулаками друг друга)

97. Употребляется ли в говоре предлог ilma(n) «без»?

Как говорят: hebota или ilma(n) hebota?

Скажите:

Как мне жить без мамы?

Без щенка грустно играть

Без реки трудно жить

98. Как произносится послелог: karte, karhikš, kartte?

Ребёнок поступил по-взрослому

Он говорит по-нашему

Сделай по-моему

Он работает по-твоему

99. Употребляется ли послелог vuit't'e, itte или он стал суффиксом -utte, -ütte, -itte со значением «как он, по его подобию, по-своему»?

Например: Ты такой же, как он – hänen vuitte (hänejitte)

Я говорю, как он

Сделано ли всё по-моему?

Мальчик идёт как отец.

100. Как говорят: мой отец ~ minun tat или tatam, tatain?

Скажите по-фински:

Моя мать –

Мой отец –

Твоя мать –

Твой отец –

Его мать –

Его отец –

Прочие вопросы словоизменения

101. Как произносится сравнительная степень от прилагательных
vanh–vanhemb, vanhamb «старше»
hüvä–paremb, paramb «лучше»?

Скажите:

Это озеро мельче нашего
Брат старше меня на пять лет
Этот стол лучше того

102. Как произносится jäniš (jeniš) и variš в номинативе мн. числа
(jänišad, jänišed)?

Скажите:

На поляне прыгали зайцы
На дереве сидят вороны

103. Как произносится в номинативе мн. числа указательное местоимение se: как n'e, n'ed или sed? Или возможны обе формы?

Скажите:

Этот берег – эти берега
В этой деревне – в этих деревнях
Эти дороги – на этих дорогах

104. Как произносятся местоимения со значением «каждый»: kaikutte, kaikutne, kaikuine; «какой»: mitte, mite, mitne?

Скажите:

1) Какое сегодня число?
В который день мы поедем в город?
К какому дню надо быть готовым?
Какого мальчика не было сегодня?
2) Каждый делает свое дело.
У каждого свои заботы
Каждому по его делам
Каждого не узнаешь сразу

105. Какой отыменный суффикс употребляется в следующих словах: -ik, -išt, -žom?

Березняк –
Ельник –
Малинник –
Черничник –
Молодежь –

Глагольное словоизменение

106. Как звучит в следующих глаголах конечный гласный основы в 3 лице ед. числа презенса?

tuleb – tulob

jokseb – joksob

nägeb – nägob

pezeb – pezob

tegeb – teggob

imeb – imob

ličeb – ličob

107. Как звучат окончания 1, 2 лица мн. числа презенса?

Например: Мы придём – mö tulem (tulemei, tulemaa)

Скажите:

Мы прочитаем

Вы прочитаете

Мы знаем

Вы знаете

Мы сделаем

Вы сделаете

108. Как звучит форма 3 лица мн. числа презенса?

Например: Hö tehtas (tehtaze, tegeba) necen radon homen.

Скажите:

Они принесут ягод

Они пойдут в лес

Они дадут воды

Они накормят птиц

109. Как звучит форма 3 лица мн. числа имперфекта?

Например: Hö toiba (tod'he) vet.

Скажите:

Они прочитали книги

Они отдали все книги в школу

Они взяли книги домой

110. Происходит ли выпадение показателя имперфекта i у глаголов в форме 3 лица ед. числа имперфекта? Или можно сказать и так, и так?

Например: mäni – män', tuli – tul'...

Скажите:

Он читал

Он ушёл

Он вёл

Он знал

Он купил

111. Как звучит отрицательная форма имперфекта ед. числа?

Например: minä en tulend (en tulen, en tulnu).

Скажите:

Я не сделал

Ты не сделал

Он не сделал

Я не принёс

Ты не принёс

Он не принёс

112. Как звучит отрицательная форма 3 лица мн. числа имперфекта?

Например: hö ei tulnugoi (ei tuunu, ei tuldud, eba tulend, eba tulnugoi)

Скажите:

Они не принесли

Они не сделали

Они не уехали

Они не отдали

113. Есть ли в говоре отрицательный претерит на -ške? Говорят ли здесь следующим образом и понятно ли Вам?

Jumal meile lapsid ei andiške

Mina siš en kuliške

Mina en nägiške händikahid

Tänavon (tävoduu) en oliške adivoiš

114. Употребляются ли в данном населённом пункте формы повелительного наклонения 3 лица мн. числа?

Например, как говорят: tog(a)ha, laske todas, okha todas

Образуйте форму императива 3 л. мн. числа от глаголов:

söda

panda

lugeda

ištta

tacta

varastada

115. Как произносится отрицательная форма глагола *olda* в 3 лице ед. числа презенса: *iile*, *eile*, *iilä*, *eule* или еще как-нибудь?

Скажите:

Нет мяса

Нет молока

Нет рыбы

116. Как произносится отрицательная форма глагола *olda* в 3 лице ед. числа имперфекта: *iilend*, *elend*, *ei olend* или еще как-нибудь?

Скажите:

Не было денег

Не было хлеба

Не было воды

117. Как звучит в форме императива ед. числа 2 лица лично-числовое окончание возвратного спряжения: мягко или твёрдо?

ištte – *išt't'e*

seište – *seišt'e*

pande, *pando* – *pand'e*

verde, *verdo* – *verd'e*

118. Как звучит отрицательная форма императива 3 лица мн. числа?

Например: Пусть не моются этим мылом – *Algoi peskoiš* (*algi peskiiže*) *necil muilal*.

Скажите:

Пусть не одеваются в светлую одежду

Пусть не причёсываются этим гребешком

Пусть не купаются в холодной воде

119. Есть ли в говоре остатки потенциала, кроме глагола *linneb*?

Возможны ли в говоре выражения и насколько они понятны (попросить объяснить), как приведенные ниже:

Voinen tulda

Andnen hänele

Tulnob südäimele hüvütt

Bude tat ii pästne, ka väges vet

120. Как звучит форма I инфинитива возвратного спряжения? Каков суффикс в конце формы?

Например: Нам надо умыться – Meile tarbiž pestas (pestase, pestaze, pestakse, pestaste)

Скажите:

Нам надо (pidab, tarbiž, tariž, tari):

записаться

одеться

сесть

причесаться

сделаться

съездить

121. Как произносится причастие актива имперфекта ед. числа, например: lähtnu, lähtnut, lähtend?

Скажите:

Отставший мальчик

Ушедший человек

Исчезнувший котёнок

Уплывшая лодка

122. Как звучит форма причастия актива имперфекта мн. числа: *например, «ушедшие»* – lähtnuded, lähtenhed и т.д.?

Скажите:

Намокшие варежки – märtkunuded, märktenhed

Порвавшиеся сапоги – rebinuded, rebinhed

Упавшие листья – langenuded (langenehed) lehtesed

123. Как образуется причастие пассива имперфекта?

Как говорят:

lödud – löded

pandud – panded

jagadud (g'agadud, d'agadud) – jagetud, jagetet

lükäitud – lükäited

paimetud – paimeted

varastadud – varastet

kirjutadud – kirjutet

124. Как произносятся глаголы с основой на *е* в условном наклонении, например: tuližin, tuleižin, tuližiin.

Как говорят:

lanksiži – lankteiž(i)

oliži – oleiž(i)

joksiži (d'oksiž(i), g'oksiž(i) – jokseiž(i)

mäniži – mäneiž(i)

ličiži – ličeiž(i)

125. Употребляется ли в следующих случаях частичный или целостный объект?

Скажите:

Мальчик ест хлеб и пьет молоко

Мальчик съел хлеб и выпил молоко

Мальчик носит воду, покупает в магазине хлеб, сахар и чай

Мальчик носил воду, покупал в магазине хлеб, сахар и чай

126. Как оформляется прямое дополнение при глаголе 3 лица мн. числа и в безличных предложениях?

Презенс:

Они покупают хлеб

Бабушка печет пироги

Коровы едят траву

Имперфект:

Они наловили рыбы

Бабушка испекла пироги

Дети выпили молоко

В безличных предложениях:

Коров гонят пастись в лес

Поле пашут весной

Баню топят вечером

Сено ксят летом

127. Употребляется ли в качестве подлежащего партитив? Зависит ли употребление от места подлежащего в предложении?

Дети играли на улице (lapsed, lapsid)

На улице играли дети.

Мужчины шли по дороге (mužikad, mužikoid)

По дороге шли мужчины

128. Как говорят:

У меня нет топора (лодки, любимой собаки, платка, молока)

В деревне нет лошадей (коров, свиней, кур)

129. Как в говоре скажут:

(русский несовершенный вид)

Я пишу письмо (kirješt, kirjeižen)

Ты делаешь домашнюю работу (kodiradod, kodiradon)

Отец ведет ребенка в садик (last, lapsen)

Дед удит рыбу (kalad, kalan)

(русский *совершенный вид*)

Я написал письмо (kirjeižen, kirjeine)

Ты сделал домашнюю работу (kodiradon, kodirad)

Отец отвел ребенка в садик (lapsen, last)

Дед отдал рыбу кошке (kalad, kalan)

ЛЕКСИКА

Растительный мир

130. Дерево pu, mechaane

131. Значения лексем, обозначающих сосну:

1) pedai

2) hong

3) mänd

4) pihk

132. Ива raid

133. Липа lehmuz, nin', nin'pu, nin'veza

134. Можжевельник kadag, kadagi, kadagpu

135. Ель kuz', kuuz', kuzhaine

136. Клен vahtar'

137. Береза koiv, keiv, kijivuh

138. Крапива sehlišt, sehliskod, čihlaine, čirikod

139. Красная смородина sestrikaine, käbedad sestrikad

140. Черная смородина čigičaine, ojačigičaine, hajubol, hajučeine, hajupenzaz, mustad sestrikad

141. Ягода (общее именование) marj, bolad

142. Брусника bol, nabolad

143. Клюква garbol, garič, garbüü

144. Морошка и ее именования murašk, murmad, mirikeine:

1) просто морошка

2) незрелая морошка (umbikod)

3) перезревшая морошка

145. Голубика d'onikaine, jonikaine, gilingeine, kukičud, lölikad

146. Шиповник *kukoinkarang*
 147. Камыш, рогоз *rogo, rogohiin, ozrikhiin, umbezjur'*
 148. Хвощ полевой *orauhänd, oravanhänd, kažinhänd, kägoin'hiin*
 149. Хвощ болотный *kortehein, korteh, kortez, kortezhiin*
 150. Водоросли речные, озерные *hiinik, nä'l'ud, šol'l'od, vedehižen tukad*
 151. Гриб-трутовик *käzn, garun, pakl, tervazkäzn*
 152. Именования грибов:
 1) общее именование пластинчатых грибов *sened*
 2) общее именование непластинчатых грибов *babukad*
 3) волнушка *bounuh*
 4) сыроещка *krasuh(ad)*
 5) рыжик *lepač*
 6) подберезовик *sobabuk*
 7) Подосиновик *oraugäh*
 8) мухомор *kärbässen'*
 153. Заболонь *mänd, pind*
 154. Смола-живица *ruga, terv*
 155. Насечки на сосне для добывания смолы (*rovaižed*)

Животный мир

Птицы

156. Дятел *krikoi, tik, torolind, kä'r'g'*
 157. Воробей *paskač, borovič, hereč, herelind, pasklind, rugišpaskač*
 158. Трясогузка *ojalinduine, vagolinduine*
 159. Глухарь *mecoi*
 160. Глухарка *emämecoi, koppal*
 161. Сова *hir'pulo, hübj*
 162. Ласточка *päskhaine, sarakoine, saraklinduine, jumalanlinduine*

Рыбы

163. Подлещик *lipak, litik, lahnalituine*
 164. Малёк, мальки *moleine, moled, pisk, vizud*
 165. Щука *haug*
 166. Язь *säunäz*

167. Налим madez, madeh
168. Окунь ahven, ahn'
169. Форель lohi
170. Лещ lahn
171. Пескарь

Дикие животные

172. Летучая мышь öl'apakaine, ölipak, öpäräne, öpäl'l'ak, eläpakeine
173. Лось los', hirb'
174. Куница näd
175. Норка hähk
176. Росомаха ahmoi
177. Медведь kondi
178. Лиса reboi
179. Волк händikaz, händik

Насекомые, пресмыкающиеся, черви

180. Божья коровка papinlehmeine, g'umalanlehmeine
181. Кузнечик čir'g'äine, čirjeine, kasthaine, koskheine, lepakasthaane, skoc'k'
182. Стрекоза kelikorend, keričeine, keričpä, korondič, vezikorond
183. Навозный жук sitbubark, sitbubarik, sitbukark, sitbumbak, sitböböröi, sitprön
184. Паук häpei, hämähouk, baukoi, hamäne, hämäšaag, hämäč
185. Паутина häpeiverk, merd, siim, verk
186. Змея kü, mado, gad
187. Лягушка löč, lopakoine, lötoi, samba
188. Головастик čibirik, kurč, škurling
189. Ящерица šihlik, šižlik
190. Червь дождевой čunz', söt

Метеорологические явления. Астрономия

191. Молния malang', maland', samalduz, lämoi samaldab
192. Туман tuman, sumeg
193. Дуть (о ветре) puhuda, dölta

194. Ветер tullei, tuljaane, döl, ahav
 195. Волна ald, lainiž, laineh
 196. Идет мокрый снег uhodab, rändoičeb
 197. Снег с дождём ränd
 198. Моросять sumotada, sumorost'a, čibadoitta, čimerta, himotada
 199. Запад päilaskm
 200. Восток peinuuzm, päivanuuzm, päivnouzm, päävoo (päivoi) nouz'
 201. Север pohjoine
 202. Юг suvi, keskpäi
 203. Северо-Запад lodeh, öbok
 204. Радуга g'umalanbembüü, jumalanvembel', or'ei-kar'ei, vezikar'
 205. Промежуток времени kodv, aigkeskust
 206. Промокший ligonu, kastnus, märktunu
 207. Грязь redu, pačak
 208. Пыль tomu, pölü, tuhu
 209. Мусор murdod, rujod

Ландшафт

210. Место, местность taho, sija
 211. Источник, родник lähte, purde, uhring
 212. Пролив soum', kaiduz, kagl
 213. Перекрёсток (дорог) ristte, tesar, rostan'
 214. Ложбина, низина notk, laks
 215. Гора, возвышенность tägi, mättaz, sel'g
 216. Крутой обрывистый берег pern, pengr
 217. Какие значения имеет слово org:
 1) дремучий лес
 2) овраг
 3) низина
 4) (orgjine) ручеёк
 218. Какие значения имеют слова kend, kendäk:
 1) берег озера, реки
 2) край болота
 219. Край леса mecröun, mecröun, tüveduz (край болота, подсеки)
 220. Чаща, густой ельник kujo, mecakišt, räde, vid'a
 221. Место, где много бруслики bolžom, bolkišt, bolpaik, bolsija

222. Топь, трясина *nova*, *nola*, *poze*, *vedekaz so*

223. Ил *niled*, *nima*, *ližm*

224. Какие значения имеет слово *kara* (*kar*). Обратите внимание на внешний облик слова (есть ли во всех случаях и значениях на конце слова *-a*?):

1) щель

2) отверстие, дыра

3) небольшой залив, бухта

Наречия со значением пространства

225. Близко *läheli*, *lähen*, *rindal*, *laptas*

226. На улице *irdal*, *poloo*, *vereil*

227. Насквозь *läbi*, *rat'k*

228. Длиннее *pidemb*, *pit'kemb*

Наречия со значением времени

229. Долго *hätken*, *pit'kha*, *rištan*

230. Позавчера *endobišpäivan*, *endeglašt*, *endegl'ä*

231. Поздно *möh*, *möhä*, *mehä*, *möhei*

232. Скоро *pigei*, *teravas*

233. Вдруг *äkkid*, *ühtnägoi*, *ühtnäghu*, *teravas*

234. Всегда *ühtei*, *ka*, *gol'u*

Человек. Части тела

235. Человек *ristit*, *ristikanz*, *mez'*

236. Женщина *ak*, *naine*, *murzei*

237. Мужчина *tužik*

238. Девушка *neižne*, *neidine*, *devočk*

239. Юноша, парень *priha*

240. Колено *pol'v(eh)*, *komb*

241. Лодыжка, щиколотка *koč*, *kezraine*

242. Сустав *niveleh*, *luč*, *ustav*

243. Горсть, пригоршня *kamahl*, *kahmal*, *kahmaa*

- 244. Кровь veri, čak
- 245. Лицо roža, mod
- 246. Сердце südäin, südäm, heng
- 247. Поясница vödam, vösija
- 248. Волосы tukad, hibused, šimakad

Болезни, состояния, с ними связанные

- 249. Мозоль tagl, bolozim, bolozn', mozol'
- 250. Грыжа kil, purend
- 251. Оспа rok, paharubi, rubed
- 252. Болеть kargištada, porotada, kibištada, helištada
- 253. Натереть (ногу) hust'a, host'a, herotada, tähkata (jaug)
- 254. Мифическая болезнь, исходящая от леса: meckibu, nenakibu, mecanena

Эмоциональные, физические состояния, действия, с ними связанные

- 255. Плач väru, voik, itk, värkand
- 256. Плакать voikta, itkta, värišta, värkta
- 257. Сердиться, рассердиться vertta, verduda, rändüda, sänduda, käregata, kurktuda
- 258. Чувствовать rižada, tunduda, mujada

Прилагательные, характеризующие человека

- 259. Милый, любимый airmaz, libed, melaz, izo
- 260. Завистливый, жадный kadeh, aušni, žadni, zavistnee
- 261. Злой raha, käred
- 262. Маленький pen', pičuine, pučuine, puču, mučuune
- 263. Чужой laptahine, laptaliine, čurahiiine, veraz
- 264. Незнакомый, непривычный vaskmaine, vaskm'aine, tedmatoi, tundmatoi
- 265. Красивый čoma, käbed, bask, rähä

Прилагательные общего характера

- 266. Мягкий pehmed, hobed
- 267. Скользкий libed, niled
- 268. Тяжёлый löumein, jüged
- 269. Горячий hul, palab

Родственные отношения

- 270. Мать mamoi, mam
- 271. Отец bat't', tat
- 272. Родня sugu, heim, heimod, ičhižed, rodn'
- 273. Невестка mil'l', mind', nado, nevesk
- 274. Семья kanz, pereh
- 275. Крёстная мать ristimam, kristimam
- 276. Крёстный отец ristiža, ristitat, kristitat
- 277. Старшая сестра čiža, čičkoo, čikuško, vanhemb sizar
- 278. Старший брат veik, veikuško, vanhemb vel'l'
- 279. Сестра sizar, sizar', s̄izar'
- 280. Брат vel', vel'l'
- 281. Первенец, первый ребенок в семье ezmäine laps', ezičuine, ezmäčuine

Социальные отношения

- 282. Здравствуйте tervhen, čorom, voidik, zdorovo
- 283. Свадьба sai, svadib, svad'b
- 284. Жених oluh, mel'hiine, ženih
- 285. Невеста neičiine, nevest

Мифологические, конфессиональные наименования

- 286. Бог Jumal, Sünd (какова разница в значении у данных слов и есть ли она?)
- 287. Колдун, знахарь noid, tedai, koodun
- 288. Молиться mol'das, mol'daze, risttas, loita
- 289. Гадать gadaida, arboida
- 290. Гадалка, ворожея arboi, bobičii

Абстрактные понятия, наименования

291. Слово sana, vajeh, vajez. Есть ли разница в значении у данных слов?

Sana

Vajeh, vajez

292. Жёлтый keud, pakuine

293. Красный rusked, käbed

294. Тёмный muza, must

295. Зелёный viher, vihand, zelenaine, zel'on

Трудовая деятельность

296. Деревянный молот, колотушка pal'l', malat, kurik

297. Трепалка, льномялка vidim, vizuum, tapim, tapin

298. Кузница raja, kuznic, kuzlenic

299. Кузнец sep, pajanik, kuznec

300. Ивовое корыё (для дубления кожи) dub, raju

Ткачество

301. Ткацкий стан stahaagod, stavad

302. Мотовило, воробы kerilaud, keribab, kerimaažed, bipšimpu

303. Цевка käm, kämu

304. Вьюшка, на которую наматывается пряжа с воробов torvik, turik

Полеводство, подсечное земледелие

305. Подсека (общее наименование) haumeh, houmeh, kas'k, palo, razagat

306. Палить подсеку poltta palo, poltta kas'k, verta, hut't'a

307. Пар (в севообороте) kezand, herema

308. Вешала для сушки снопов arz', ard, haz'g, hazj

309. Хлеб (на корню) vil'l', leibad, tera. Какова разница в значениях слов?

Vil'l'

Leibad, liibäd

Tera

310. Жнивье säng, rahnotiž
 311. Цеп čap
 312. Било цепа čapinkel'
 313. Рукоятка цепа čapinvarz'

Животноводство

314. Пастбище omaluine, umalaine
 315. Тёлка lähtein, lähtam, lähtmeine
 316. Ягнёнок kargič, uhiine, vodnaine, busiine
 317. Баран bošak, oinaz, boran
 318. Бычок häčoi, härgäine
 319. Навоз hereg, hero, here

Сенокошение

320. Кока vikateh, vitakez, litouk
 321. Косить nitta, nit't'a
 322. Копна sat
 323. Какие значения имеет слово kego:
 1) стог
 2) скирда
 324. Какие значения имеет слово sabr?
 1) зарод
 2) стог
 3) определите разницу между словами kego, sabr, sova
 325. Прошлогодняя трава kulo, kulohiin, kulačud, muloine hein
 326. Бруск (точильный) seraine, sereine, tahkkivud, tahk, tahkkoon'e, housaane
 327. Точить (косу, топор, нож) serata, viigotada, hijoda, tahkata
 328. Отава atau, atav

Охота

329. Помост на деревьях для охоты на медведя parang, labaz
 330. Силок vihk, rida, rihmaane
 331. Капкан kläps, kapkan, raudad

Рыболовство

- 332. Косяк, стая рыб güük, jouk, parveh
- 333. Берестяной поплавок kibrik
- 334. Леска sima, ongirihm, lega
- 335. Деревянная дощечка, которая определяет размер ячей kaludim, lastaane
- 336. Удилище ongirag, ongivic, kokirag
- 337. Грузило kivez, g'ügenduz, jügeduz
- 338. Верша (из прутьев) čoum, merd
- 339. Мотня невода ema, čup

Жилище

- 340. Дом, изба (общее наименование) horomad, pert', kodi
- 341. Чердак lagi, pertinsüdäin, čuhu
- 342. Порог künduz, kindez, narvaane
- 343. Жараток в русской печи lezi, hil'mät
- 344. Пламя (в печи) leskuz, lämoo

Хозяйственные постройки, их части

- 345. Хлев lävä, läu, tanaz, tannas, tanh
- 346. Сеновал heinuz, tanhaaženpä, his
- 347. Кормушка в хлеву для скота soim, jasel'
- 348. Каменка в бане küduk
- 349. Баня kül'bet', kil'bet'

Домашняя утварь

- 350. Полотенце для рук käziruzu, käzipaik, pühkiruz, pihkiruz
- 351. Лукошко komšiine, burak, mastin
- 352. Корзина puzu
- 353. Кадушка lač; kerandez

Одежда

354. Рукавицы kindhad, alaižed
355. Валенок kan'g, katank, katanik, villak, valenc
356. Нижняя женская рубашка, сорочка räcin, räčin', räcin
357. Укажите значения слова ema, emä:
1) стан, нижняя часть женской сорочки
2) мотня невода
3) самка

Питание

358. Закваска rand, muigotez, muigetiš
359. Оладья из гороховой муки, взбитая со снегом luminik, lumenik
360. Сканец, сканцы korostad, suusnad
361. Уха len', lem', lemuz
362. Дрожжи droždid, sepid
363. Кусок хлеба supal, palaane
364. Вытопки от масла ahkud, šakšud, rahtod
365. Жидкость, остающаяся при сбивании масла pöhtimaid, pihtimaid, pestimaid
366. Обед long', louna, päilong', pabetk

Транспорт

367. Сани korj, regi
368. Дровни
369. Лодка karbaz, ruhd', roikad, veneh, soim. Указать различия в типах лодок:
Karbaz
Ruhd'
Roikad
Veneh, venez
Soim
370. Дуга в лодке bembel', kareg, kare

Глаголы

- 371. Бросать, бросить čuta, lükäita, fisnida, tačta, likäita, roida
- 372. Говорить разговаривать pagišta, lodeita, basida
- 373. Сказать virkta, sanuda
- 374. Делать säta, rata, tehta
- 375. Догнать küksta, sabutada
- 376. Обещать, посулить sul'da, toivotada
- 377. Окликнуть kirgouta, heikasta, kriknida
- 378. Прогнать ajada, häta, küksta, gonda
- 379. Потерять hajotada, kadotada
- 380. Разорвать ratkeita, rebitada
- 381. Резать (хлеб) leikata, čapta, vil'da
- 382. Спрятать peitta, hut'ta
- 383. Торопиться rigehtida, kiruhtida, toroptaze
- 384. Черпать amurta, amunta
- 385. Пусть так olgha, okha, laske
- 386. Устать surduda, väzuda, šuštuda

Наречия, послелоги, вопросительные слова

- 387. Зря lah'h'a, uhtei, tändoo
- 388. Как kut, mit'
- 389. Оба molombad, mougotid
- 390. Очень (ударил) jalos, kovas, lujas, diki, pahoin, ani
- 391. (Принеси) для (меня, для тебя) nähte, täht, tähte, varoin, varhuin.
Указать, по возможности, управление:
 - Minun täht (tähte)
 - Minun (или meiden?) nähte
 - Minuhu varoin, varhuin
- 392. Про кого-либо, о ком-либо kenen nähte, tähte, polhe, polin. Указать, по возможности, управление:
 - Minun tähte
 - Meiden nähte
 - Minun polhe
 - Minuhu poliin
- 393. В обнимку kaburiš, sebati, sebački
- 394. Где kus, kugou, miš
- 395. Даже eskai, ani

Н.Г. Зайцева
(Петрозаводск)

ВЕПССКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ МАТЕРИАЛ И НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЕПССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

(на основе анализа грамматических проблем
вопросника «Лингвистического атласа вепсского языка»)¹

Вепсские диалектные материалы многократно использовались в работах исследователей, которые оперировали фактами прибалтийско-финских языков, однако трудно утверждать, что проблемы вепсской диалектологии можно считать изученными. Напротив, в полном объеме все диалектные данные даже и не определены. Не исследованы переходные зоны, нет четкого представления об отличиях в области фонетики, грамматики лексики; не названы главные маркеры диалектной речи ареалов. Все это не дает возможности в полном объеме сформулировать пути исторического сложения диалектов, тенденции их современного развития. Возможно, данную проблему поможет более основательно решить «Лингвистический атлас вепсского языка»², сбор материала для которого по специальному вопроснику начат коллективом исполнителей в 2012 г. Цель данной статьи – сделать обзор известных науке источников диалектных материалов, а также высказать предварительные замечания по отдельным грамматическим аспектам вепсской диалектологии, для которых предусмотрен сбор языкового материала в вопроснике «Лингвистического атласа вепсского языка».

В вепсском языке наукой принято выделять три диалекта: северновепсский, или прионежский, средневепсский и южновепсский. На северновепсском говорят жители, населяющие территории вдоль юго-западного берега Онежского озера

¹ Вопросник «Лингвистического атласа вепсского языка» см. на с. 7–45 наст. сб.

² Проект «Лингвистический атлас вепсского языка»: РГНФ 2012–2014, № 12-04-00081, руководитель проекта зав. сектором языкоznания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН доктор филологических наук Н.Г. Зайцева. Статья подготовлена при поддержке названного проекта.

(Прионежский район Республики Карелия). Часть носителей названного говора живет в г. Петрозаводске. Здесь можно найти прекрасных знатоков диалекта в его первозданном виде, поскольку влияние письменной нормы языка, распространяемой и внедряемой в последние два десятилетия через прессу и радио, не ощущается, слишком краток период ее функционирования.

Средневепесский диалект принято делить на восточные и западные говоры. На восточном говоре говорят жители Вологодской области. Но и здесь следует выделить еще куйско-пондальские (населенные пункты Кужа, Пондала, Войлахта), пяжозерские (д. Пяжозеро) и шимозерские (куст деревень не существующего ныне Шимозерского сельского совета Вытегорского района Вологодской области; носителей данных говоров можно найти сейчас в с. Ошта Вытегорского района Вологодской области, а также в Республике Карелия и некоторых деревнях в окрестностях р. Ояти) говоры, которые в некоторых отношениях существенно отличаются друг от друга и от западновепесских говоров. Диалектные различия их настолько основательны, что дают возможность пересмотра диалектного членения вепсской речи. Можно надеяться, что лингвогеографическое исследование вепсского языка, которое в настоящее время и предпринимается, прольет дополнительный свет на данные проблемы.

Западные говоры средневепесского диалекта, или их еще принято называть приоятскими, распространены на территории Ленинградской области в Подпорожском (значительная часть), Тихвинском, Лодейнопольском районах. Их крупные поселения – это деревни Ладва, Немжа, Шондовичи, Озера, Пелдуси, Курба, Ярославичи, Вонозеро.

В Бокситогорском районе Ленинградской области живут представители южновепесского диалекта. Самые крупные их поселения – Радогощь, Сидорово, Боброзеро, Белое Озеро, Прокушево³.

Можно выделить три направления исследований, в которых выступает вепсский диалектный материал:

³ В статье И.В. Бродского, помещенной в данном сборнике, подробно перечислены все известные науке вепсские пункты, откуда собирался когда-либо языковой материал.

1. Прежде всего, это *образцы* вепсской речи.

Образцы вепсской диалектной речи можно обнаружить в работах финских ученых XIX в., поскольку первыми многократные поездки в различные регионы проживания вепсов совершили именно финские языковеды, этнографы, фольклористы. Ценность их работ, несомненно, велика, так как памятники вепсской письменности весьма скучны [см.: Зайцева, 2001, 5–6] и материал для сравнения в некоторой исторической перспективе существует в науке лишь благодаря языковедам Финляндии, их интересу к языку вепсов. Финские лингвисты, проявлявшие в XIX в. особый интерес к компаративной и исторической лингвистике, открыв вепсский язык, активно использовали его в своих трудах, называя его даже «северным санскритом» и проецируя на него некоторые моменты исторической фонетики и грамматики прибалтийско-финских языков [см. напр.: Setälä, 1891]. Среди первых исследований по языку вепсов следует назвать работу Э. Леннрота, в которой он, как позднее и некоторые другие исследователи, называет вепсский язык «северно-чудским» [Lönnrot, 1853], а также работы А. Алквиста «Исследования по северно-чудскому языку» [Ahlqvist, 1861], Х. Уйфалви «Грамматика северно-чудского языка» [Uifalvi, 1875], Й. Синнеи «О вепсском языке» [Szinnyei, 1881], Я. Базилиера «Вепсы Исаевской волости» [Basilier, 1890]. Конечно, эти первые работы, содержащие регистры вепсских слов и приложения текстов, а также краткие грамматические очерки, относительно написания диалектного материала должны восприниматься критически, поскольку записывались на слух, и на них чувствуется сильное влияние финского языка. Самые первые образцы речи содержит названная выше работа Э. Леннрота. В ней имеются приложение из 7 сказок, перечень пословиц, поговорок и загадок, а также перевод на вепсский язык шестой главы Евангелия от Матфея. Это самые крупные образцы фольклора на вепсском языке, которые были записаны в полевых условиях. Заметим, что запись языка сказок содержит большое количество глухих согласных, которые следует воспринимать, скорее всего, как дань финскому языку. В текстах Леннрота не указаны информанты, их возраст. Тем не менее если это записи 1842 г., то информанты могут быть родом из второй половины XVIII в., т.е. это образцы речи, датируемые

двумя с половиной веками назад. Приведем небольшой отрывок текста одной из сказок: «*Jäi sors talveks. Kana sanob: "Kut silei sors eläda?"*. *Sors sanob: "Näl'gha kolen, söda ei le ni-mitä".* *Netsä kana sanui sorsale: «"Openda sä mintäi çjumaha, mä sintäi talven sötan..."»* [Lönnrot, 2002, 16]. «Осталась утка на зиму. Курица говорит: "Как ты, утка, жить будешь?". Утка отвечает: "Умру с голода, есть нечего". Эта курица сказала утке: "Научи меня плавать, а я тебя зиму прокормлю...»». Как свидетельствует отрывок текста, в нем в отдельных случаях нет звонких согласных (*ni-mitä, sorsale, mintäi*). Действительно ли тогда еще не до конца совершился процесс озвончения глухих согласных, свойственный вепсскому языку, в соответствии с которым согласные, находящиеся между гласными звуками или в сонорном окружении, озвончались: напр. *mägi* «гора», ср. финск. *mäki*; *vezi* «вода», ср. финск. *vesi*; *kodi* «родной дом», ср. финск. *koti* и т.д. [Tunkelo, 1946, 533]? Или же это было влияние финского языка на записывающих вепсскую речь, в котором в соответствующих позициях выступал глухой согласный? Думается, что, скорее всего, здесь имеет место второе предположение, поскольку вепсы уже тогда проживали сформировавшимися островками, а явление озвончения является общей характерной чертой всех вепсских диалектов. Образцы речи имеются и в перечисленных выше первых исследованиях вепсского языка А. Алквиста, Н. Базилиера, Й. Синнеи, которые во многом базировались на образцах речи Э. Леннрота.

Позднее финские исследователи первыми выпустили целую серию образцов вепсской речи, которые выполнены квалифицированно и представляют диалектное функционирование вепсского языка в конце XIX – первой половине XX в. Л. Кеттунен был одним из лучших знатоков южновепсского диалекта, поскольку он значительное время прожил в южновепсских деревнях, о чем оставил подробные дневниковые записи, опубликованные в книге «*Tieteen matkamiehenä*» [«Путешественником в науку»; 1945, 272–410]. Он опубликовал образцы южновепсской речи в двух томах [Kettunen, 1920, 1925], которые дают представление о функционировании фольклора на территории южных вепсов, поскольку опубликованные тексты представляют в основном устное народное творчество. Тексты содержат подробные сведения об информан-

так, их возрасте, месте записи. Причем, как свидетельствует проведенный нами анализ, в речи южных вепсов по сравнению с нынешним периодом не произошло сколько-либо заметных перемен.

Несколько позднее Л. Кеттунен вместе с другим финским лингвистом П. Сиро [Kettunen, Siro, 1935] выпустили образцы вепсской речи, записанные ими во время экспедиции 1934 г., в которых представлен более широкий вепсский ареал: южновепсские, средневепсские и северновепсские тексты. В целом в сборнике содержится речь вепсов из 21 населенного пункта. Большая часть текстов носит, как и во многих опубликованных в Финляндии текстах, фольклорный характер, однако имеются и беседы на свободные темы⁴.

В 1951 г. были опубликованы образцы вепсской речи, которые ввели в научный оборот большой материал по языку средних и северных вепсов [Setälä, Kala, 1951]. Это самый представительный по объему сборник, в котором указаны пункты сбора материала, определены жанры сюжетов, сообщены данные об информантах (в отдельных случаях имеются полные сведения об информанте в их вепсском звучании: Fešahine Vladimir, 16 vot (лет); Nastasija Rodionovna, 43 vot; иногда дано только имя: Tita). В сборнике представлены материалы практически по всем крупным населенным пунктам северных вепсов: Шокша, Шелтозеро, Матвеева Сельга, Рыбрека, Каскесручей. Из средневепсского ареала имеются образцы речи из Сяргозера, Шимозера, Пяжозера, Нажмозера, Ладвы, Шондович. Сборник содержит большое количество фольклорного текста: сказки, песни, причитания, заговоры, пословицы и поговорки, что может представить большой интерес для фольклористов и лингвофольклористов. В 1982 г. вышел в свет сборник текстов Р. Пелтоля и А. Совиярви [Peltola, Sovijärvi, 1982], который значительно пополнил сведения по северновепсскому диалекту. В нем содержится практически полный спектр диалектного материала из всех даже мелких пунктов проживания северных вепсов. Сборник целиком посвящен вепсскому фольклорному наследию.

⁴ Подробный лингвистический анализ части текстов средневепсского диалекта указанного сборника образцов вепсской речи (NVM) можно найти в статье И. В. Бродского, помещенной в данном сборнике, с которой он начинает серию статей, полезную для вепсской лингвогеографии.

В отечественной науке количество изданных сборников диалектной вепской речи не столь велико: имеется лишь две книги образцов вепской речи. Это прежде всего работа М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен [1969], в которой представлен язык средних и южных вепсов. Образцы содержат большое количество сведений о материальной и духовной культуре вепсов, вепском фольклоре, обладают исключительно полными сведениями об информантах. Отметим, что в них совсем нет текстов, записанных у северных вепсов, что является неким пробелом в отечественной науке. И. И. Муллонен подготовила и опубликовала в книге «Язык и народ. Тексты и комментарии» [2002] образцы речи жителей с. Ладва Подпорожского района Ленинградской области (средневепсский диалект). Тексты носят характер бесед с уроженцами названного села разного возраста на различные темы этнографического характера.

Более современную фольклорную речь северных и средних вепсов, нежели представленную в сборниках образцов речи, опубликованных финскими лингвистами, содержит книга «Вепсские народные сказки» Н. Ф. Онегиной и М. И. Зайцевой [1996].

Совсем свежей публикацией является книга, подготовленная Н. Г. Зайцевой и О. Ю. Жуковой «Обернись-ка милой кукушечкой» [2012], которая вводит в научный оборот диалектные материалы одного фольклорного жанра – вепсских причитаний, до настоящего времени мало известных науке. Сборник содержит подробную информацию о каждом опубликованном тексте, информанте, месте и времени записи. Регистр пунктов записи представленных материалов обширен: 19 вепсских регионов [см. перечень пунктов в приложении: с. 207–208].

Некоторые диалектные материалы в настоящее время выложены в виде Корпуса вепсского языка в Интернете по адресу: vepsian.krc.karelia.ru⁵;

2. Диалектный материал содержится в словарях. Это прежде всего раритетный «Словарь вепсского языка» М. И. Зайцевой и

⁵ Корпус вепсского языка; адрес: vepsian.krc.karelia.ru. Проект выполняется при поддержке программы фундаментальных исследований РАН «Корпусная лингвистика»: «Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам народов России». Руководитель проекта доктор филологических наук Н.Г. Зайцева.

М. И. Муллонен [1972], в котором имеется материал практически по всем вепским регионам. Наиболее полно в словаре представлен говор с. Пондала Бабаевского района Вологодской области, поскольку именно он положен в основу словаря. Всего в словаре есть лексика из 31 пункта, из них 18 средневепских, 7 южновепских, 6 северновепских. Меньше всего в силу ряда причин, которые существовали на то время, в словаре материалов из северновепского диалекта. Тем не менее образцы вепской речи, изданные в Финляндии, помогают покрыть данный пробел.

Большой вепский диалектный материал содержится на страницах «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепского и саамского языков» [2007], который был подготовлен коллективом авторов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Все диалектные материалы для словаря были собраны в полевых условиях в конце 1980-х гг. и демонстрируют состояние диалектной речи на этот период. В словаре имеются иллюстрации из 6 вепских пунктов: северновепские – Шелтозеро, Каскеслучей; средневепские – Ошта (в ней собраны тексты у выходцев из шимозерского куста деревень), Войлахта, Озера; южновепские – Сидорово. Словарь является своеобразным лингвогеографическим пособием по избранным языкам; его сведения иллюстрируют схождения и расхождения сравниваемых языков и диалектов в области лексики. В словаре использован понятийно-тематический принцип, сопровождающийся русскоязычным регистром понятий, поэтому его привлечение при исследовании диалектов, представленных в словаре прибалтийско-финских и саамского языков, не вызовет особых затруднений.

Следует отметить еще небольшой словарь учителя П. Успенского, который был составлен на основе северновепского диалекта в начале XX в. и издан в 1913 г. Автор словаря пишет в предисловии: «Зная из практики, как облегчается труд учителя при условии знания им местного языка, я принялся за составление настоящего словаря...» [Успенский, 1913, 3]. Словарь построен по типу разговорника, в котором предусмотрены тематические группы лексики, например: люди, части человеческого тела, одежда и обувь и т. д., а также дан алфавитный регистр лексем. Каждая словарная

статья обладает небольшими грамматическими сведениями: ед. и мн. число существительных, инфинитив и 1 лицо презенса глаголов, некоторые сведения по словообразованию. Словарь ценен «углублением возраста» сведений по северновепсскому диалекту.

Этимологические словари родственных языков также содержат вепсский материал, правда, в них далеко не всегда указан диалект, нет иных экстралингвистических данных: пунктов сбора, фамилий информантов, времени сбора и т. д.;

3. Лингвогеографические исследования языков.

Лингвистический атлас Европы [ALE, I, 1989; ALE II, 1990 и т. д.] содержит на отдельных картах сведения по вепсскому языку, так как для него сотрудниками сектора языкоznания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН М. И. Зайцевой и Н. Г. Зайцевой был собран в свое время материал по вопроснику в 6 вепсских населенных пунктах. Однако эти сведения в атласе обезличены, поскольку авторство отсутствует, а ответственные за карельский и вепсский языки только на первых порах участвовали в совещаниях по ALE, впоследствии редакторы атласа по своему усмотрению стали использовать сведения из названных языков, и сложно утверждать, что вепсские материалы на картах атласа выглядят достоверно. Кроме того, и все материалы по прибалтийско-финским языкам в ALE представлены исключительно спорадически, поскольку на фоне индоевропейских языков они выглядели экзотическими островками.

Достаточно полно диалектные материалы вепсского языка отражены на страницах трехтомного «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков» [ALFE, I, 2004; II, 2007; III, 2010], который был издан международным коллективом авторов из Финляндии, Эстонии, России (Карелия). При подготовке данного большого труда велась кропотливая работа по заполнению в полевых условиях вопросников в 7 вепсских населенных пунктах (северновепсские: Шелтозеро, Каскесручей; средневепсские: Озера, Войлахта, Шимозеро; южновепсские: Сидорово, Кортлахта). В атласе использованы материалы и из других говоров и диалектов, если ими располагали авторы атласа, о чем свидетельствует и перечень вепсских пунктов в I томе атласа [ALFE, 2004, 81]. И хотя в атласе была поставлена в том

числе задача выяснения «...положения южноэстонского и вепсского языков в языковой семье...» [ALFE, I, 60], каких-либо особо значимых выводов пока не сделано, поскольку многочисленные языковые карты атласа еще не нашли в науке глубокого осмысления и оценки. Кроме того, за пределами атласа остался большой вепсский диалектный материал, который можно интерпретировать как результат самостоятельного развития вепсского языка. Для авторов атласа важнее были именования тех понятий и их сравнение, которые были характерны для более крупных прибалтийско-финских языков: финского, эстонского, карельского. Например, для вепсских территорий не актуальны именования каких-либо морских обитателей, водорослей, поскольку вблизи вепсских территорий не было морей, и поэтому на подобных картах вепсский язык остался белым пятном. В этом отношении показательной является карта, например, посвященная лексике морских водорослей [ALFE, II, 2007, 512–513], именования которых отсутствуют в языке вепсов. В вепсском языке имеется достаточно много вариантов названий речных и озерных водорослей, которые здесь не учтены, так как представляли собой именования несколько иного семантического пласта.

Как свидетельствует проведенный выше обзор, вепсский язык располагает достаточно большими коллекциями опубликованных материалов. Кроме того, в фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН содержится более 400 часов магнитофонных записей различного характера. Весь имеющийся диалектный материал дает возможность подойти к выполнению такой темы, как «Лингвистический атлас вепсского языка».

Таким образом, в основу нового вопросника, по которому начат сбор диалектного материала в 2012 г., положены некоторые идеи специалистов по вепсскому языку Н. И. Богданова и М. М. Хямяляйнена. Большая часть (266 вопроса из 395) вопросов нового вопросника посвящена лексике. Тем не менее в поле зрения исследователей находятся и наиболее характерно маркирующие вепсскую диалектную речь фонетические и грамматические явления. В предложенной статье подвергнуты предварительному анализу некоторые вопросы по диалектной грамматике вепсского языка, исследо-

вавшиеся автором данной статьи ранее более или менее подробно [Зайцева, 1981, 2001], и сделаны выводы об обоснованности их включения в новый вопросник.

Конечно, диалектные данные лексического характера для карт атласа более иллюстративны и наглядны, но в грамматических особенностях можно найти некие глубинные диалектные расхождения, которые проливают дополнительный свет на формирование диалектов. Принято считать, что диалекты вепсского языка не столь многообразны, а их различия не служат препятствием к пониманию представителями диалектов друг друга. Вместе с тем грамматика свидетельствует о появлении и развитии отдельных инноваций, которые довольно значительно отдалили диалекты друг от друга. С этой проблемой пришлось столкнуться в период возрождения письменности и развития литературных традиций вепсского младописьменного языка, которое предпринимается с конца 1980-х гг. Оказалось, что многие явления грамматики достаточно сложны для объединения и приведения их к единой орфографической норме. Южные вепсы, например, несмотря на активное использование в младописьменном языке отдельных диалектных особенностей лексического и грамматического характера, оказались выброшенными из процесса сложения единого литературного языка в связи с особенностями их речи. С этой точки зрения остается сожалеть о том, что лингвистический атлас вепсского языка стал составляться на два десятилетия позднее начала процесса возрождения языка и культуры вепсов, это не дало возможности при отборе материала более наглядно сравнить и оценить данные всех диалектов и говоров.

Современная грамматика вепсского языка представляет собой результат взаимодействия трех факторов: 1) наследия прибалтийско-финского языка-основы; 2) следствия контактов с соседними народами и языками; 3) самостоятельного развития вепсского языка [Зайцева, 2001, 228]. Каждый из названных факторов не всегда одинаково представлен в диалектах, и это составляет характеристику того или иного говора или диалекта.

Как свидетельствуют работы грамматического характера, диалектных различий значительно больше в словоизменении

глагола, нежели в словоизменении имен⁶. На именном словоизменении оказались прежде всего те фонетические сдвиги, которые повлияли как на основу имен, так и на именные словоизменительные форманты. Влияние фонетических сдвигов в каких-то моментах было на уровне небольших расхождений, которые не повлияли на глубинную структуру явлений: например, варианты окончаний элатива имеют по диалектам формы *-späi*, *-spei*, *-sprää*; терминатива *-ssai*, *-sai*, *-ssei*, *-sei*, *-ssaa* и т. д. Подобные моменты не принимались во внимание при отборе материала для атласа вепсского языка, так как вряд ли смогли бы выразительно выглядеть на его картах.

Вепсский язык характеризуется достаточно существенным смягчением согласных звуков перед гласными переднего ряда: *l'äv'ä* «хлев», *l'ühud* «короткий», *än'ed* «голоса» и т. д. Это явление позиционно, поэтому при сборе материала для атласа смягчение в данном случае даже не отмечается, эти моменты оговорены в предисловии. Между тем в диалектах имеются случаи, которые закрепились за отдельными грамматическими формами, став дополнительными маркерами форм и диалектов, характеризующих говоры. Так, в окончании формы аллатива в средне- и южновепсском диалектах, как показывает предварительный анализ имеющихся образцов речи, а также полный сбор диалектного материала для атласа в южновепсских говорах, звук *-l* в составе окончания никогда не смягчается, а окончание звучит как *-le*, *-lo* и даже как *-la* (*pertile* «дому», *änele* «голосу», *akalo* «женщине», *tanhala* «двору»), в то время как в северновепсском диалекте оно всегда значительно смягчено: *akal'e*, *pertil'e*, *äpel'e*. Причины подобного явления трудно объяснимы и в данном случае стали характерной особенностью северновепсского диалекта.

Свои изменения в оформление грамматических показателей именного словоизменения внесла вокализация согласного *-l*. Вследствие перехода в средневепсском и южновепсском диалектах *-l* в гласный звук изменилось качество окончаний падежей адессива и ablative. В южновепсском диалекте произошло уд-

⁶ Подтверждение этой мысли можно получить из приложения «Образцы вепсской диалектной речи с поморфемным описанием слов», которое помещено в конце данной статьи.

линиение конечного гласного основы: *lavaa* (< **laval*), *lavaapää* (< **lavalpäi*) «на полу; с полу»; в средневепсском диалекте на месте соединения конечного гласного основы и изменившегося варианта окончания возник дифтонг, который по говорам обладает различным качеством: *lavaau*, *lavaupäi*, *lavou*, *lavoupäi*, *lavuu*, *lavuupäi* и т. д. при основе *lava-*. При этом наблюдается не только переход окончания адессива *-l* в *-u*, но и дальнейшее влияние *-u* на основу имени, которая подвергается значительному разрушению: *lava-l>lava-u>lavo-u>lavu-u*. Среди этих вариантов выделяется северновепсский диалект, сохранивший прежние окончания адессива и ablative *-l*, *-lpäi* (-lpei), а также и основу имени неизменной. Данное явление можно считать своеобразным маркером северновепсских говоров, противопоставляющим их средне- и южновепсским. Но и в двух последних группах говоров нет единообразия. Южновепсский диалект, характеризующийся наличием большого количества долгих гласных вторичного происхождения [Kettunen, II, 1922, 6–17], в окончании адессива имеет удлинение конечного гласного основы имени: *lavaa* «на полу», *pertii* «на доме», *aidaa* «на изгороди», что также маркирует данный ареал. Отметим, что для младописьменно-го вепсского языка выбраны в этом отношении именно факты северновепсского диалекта, который сохранил более древнее положение вещей, и его факты более логичны для создания правил орфографии.

В области именного словоизменения имеется еще одна маркирующая диалекты особенность: *двойственность* развития послеложной конструкции, превратившейся в падежную форму позднего образования, включающую в себя партитив и послелог, который на почве северновепсского диалекта имеет в настоящее время форму *möto* «по». Двойственность заключается в возникновении падежных форм со значениями:

1) линейности движения и его продольности, которую мы определяем как падеж *пролатив* с окончанием *-(d)me* (-tme, -dmtu, -mu), например: *tedme* «по дороге», *vetme* «по воде», *tecadme* «по лесу»;

2) совместности действия, которую мы определяем как падеж *комитатив* также с окончанием *-(d)me* (-tme, -dmtu, -mu), например: *koiradme* «с собакой», *lastme* «с ребенком», *veljemu* «с братом».

Это двойственное семантическое направление развития одной послеложной конструкции объединило между собой небольшую локально ограниченную группу восточных средневепских говоров (куйские, пондальские, войлахтинские) и а также все говоры южновепсского диалекта. В других восточных говорах средневепсского диалекта (шимозерские, пяжозерские), а также в западных говорах и в северновепсском диалекте комитативное значение передается совершенно иной формой, которая тоже имеет позднее послеложное происхождение с окончанием *-nke*: *koiranke* «с собакой», *sizarenke* «с сестрой», *rajonke* «с песней». Это явление обнаруживает серьезную грамматическую неоднородность восточных говоров средневепсского диалекта, очевидно, указывая на какие-то иные возможные пути их формирования, которые тяготели к южновепским территориям. В северновепсском диалекте пролатив отсутствует, а на его месте и в настоящее время употребляется послеложная конструкция: *dorogad möto* «по дороге», *meacad möto* «по лесу». Вполне возможно, что северновепсский диалект сохранил данный послелог, находясь под влиянием карельского языка, которое можно наблюдать и в некоторых иных случаях.

Таким образом, выяснение проблем оформления комитатива и пролатива, включенное в грамматическую часть вопросника, вполне оправданно, поскольку дает возможность выявить некоторые факты формирования диалектов, их контактирования друг с другом и соседними языками.

Грамматика глагола обладает большим количеством особенностей, которые могут служить маркерами диалектной речи. Например, особое оформление глагольных основ на *-e* в северновепском диалекте, где в 3 лице ед. числа презенса *e>o* (*pakita* «просить»: *pakičen* – 1 лицо ед. числа, но: *pakičob* – 3 лицо ед. числа; *tehta* «делать»: *tegen* – 1 лицо ед. числа, но: *teggob* – 3 лицо ед. числа; *tulda* «прийти»: *tulen* – 1 лицо ед. числа, но: *tulob* – 3 лицо ед. числа и т. д.), став дополнительной характеристикой этой формы, а также и своеобразным маркером северновепсского диалекта. Данное явление перехода *e>o* некоторые ученые объясняли наличием в прибалтийско-финском праязыке двух *e*: отодвинутого назад и продвинутого вперед, что, как предположил в свое время финлянд-

ский исследователь Э. Н. Сетяля, автор «Исторической фонетики прибалтийско-финских языков» [Setälä, 1899], и его поддержал исследователь исторической фонетики вепсского языка Э. А. Тункело [Tunkelo, 1946, 666–668; см. также: Kettunen, II, 1922, 31], было вызвано законом гармонии гласных – словам переднего вокализма был свойствен продвинутый вперед и соответственно словам заднего вокализма отодвинутый назад -е. Позднее с утратой гармонии гласных в ряде говоров вепсского языка под действием закона аналогии переход *e>o* обобщился. В более поздних исследованиях по исторической фонетике прибалтийско-финских языков данная точка зрения не получила дальнейшего развития.

Исследователи карельского языка, где существует подобная закономерность, выделяют даже особый тип основы 3 лица ед. числа с ауслаутом на -о-, -ö- [Зайков, 2000, 52]. Вполне возможно, что представители северновепсского диалекта, которые подвергались сильному влиянию карелов и в некоторых иных сферах [см. напр.: Винокурова, 1996, 116], испытывали заметное влияние карельского языка в образовании указанного выше явления. Именно под влиянием карельского языка, вероятно, оно закрепилось за формой 3 лица ед. числа презенса индикатива, став ее дополнительным признаком, а также маркером северновепсского диалекта.

Эта же форма 3 лица ед. числа презенса в северновепсском диалекте обладает еще одной закономерностью, которая, надеемся, найдет свое место на картах «Лингвистического атласа вепсского языка»: в ней смычные согласные *k*, *t*, *p*, *g*, *d*, *b* перед лично-числовым окончанием -*b* удваиваются, и, таким образом, основа 3 лица отличается от основ иных лиц, например: *teggob* «он сделает», *lübbub* «он поднимется», *kattab* «он закроет», *veddab* «он ведет» и т. д. Эти случаи наличия удвоенности взрывных согласных в форме 3 лица являются, очевидно, рефлексами чередования ступеней согласных⁷, поскольку исторически в окончании 3 лица ед. числа слог был открытым. Относительно чередования ступеней согласных в вепсском языке в свое время

⁷ Некоторые моменты этой сложной проблемы с анализом и сравнением карельского и вепсского материала обсуждаются в статье И. П. Новак, помещенной в наст. сб.

шла достаточно бурная дискуссия. Отсутствие чередования степеней согласных в вепсском, а также ливском языках снижало исторический «возраст» данного явления, которому Э. Н. Сетяля отводил место уже в финно-угорском языке-основе [Setälä, 1899]. Вероятно, в вепсском языке, находившемся на периферии прибалтийско-финского ареала, полная система чередований не сложилась, а имело место лишь количественное чередование взрывных согласных. Возможно, данное явление следует считать влиянием родственных языков, в первую очередь карельского, который привнес в отдельные моменты грамматики вепсского глагола свои нюансы. Тем не менее, не вдаваясь глубоко в данную дискуссию, констатируем факт существования удвоения согласных в обсуждаемом диалекте. И хотя никаких условий (в этом случае имеется в виду открытость слога) для наличия явления в вепсском языке уже нет, поскольку слог в форме 3 лица ед. числа закрытый, все-таки удвоение согласных существует и, более того, его частотность в северновепсском диалекте возрастает. В настоящее время здесь удваиваются и аффрикаты, например: *kuccub* «зовет», *liččob* «запихивает», и – пока нерегулярно – некоторые другие согласные звуки: *immob* «сосет», *sannub* «говорит», *tullob* «придет». Полагаем, что названное явление в северновепсском диалекте приобрело иной уровень развития, перейдя из фонетики в грамматику, где стало маркировать форму 3 лица ед. числа. В нашем же случае оно указывает на некоторые дополнительные сведения о сложении северновепсского диалекта, внеся в копилку признаков черту, которая будет характеризовать его особым образом на картах лингвистического атласа. На картах «Диалектологического атласа карельского языка», наиболее близкого вепсскому языку, геминация в этом случае не представлена [см.: Бубрих, Беляков, Пунжина, 1997, карта 139: «*nägöu*, *nägob*, *nägöö*】. П. М. Зайков посвятивший глаголу в карельском языке монографическое исследование, не писал также об этом явлении, хотя из примеров в его работе можно обнаружить в презенсе 3 лица ед. числа единичные случаи геминации: *linnah mäppööbi* «чтобы в город шел» [Ведлозеро: см.: Зайков, 2000, 52]. Но в этом случае чувствуется значение потенциала, и, вполне возможно, что к явлению геминации

в презенсе 3 лица ед. числа индикатива данный пример отношения не имеет. Подобные случаи геминации широко известны ингерманландским говорам финского языка [см.: Елисеев, 1975, 144]. Имеем ли мы в этом случае в прионежском диалекте вепсского языка рефлекс общего наследия восточных прибалтийско-финских языков или это действие закона аналогии? Или же это явление свидетельствует о некоторых особенностях развития диалектной системы вепсского под влиянием карельского языка?

Остановимся еще на одном ярком моменте грамматики глагола: смешении пассивных или неопределенно-личных и лично-числовых форм 3 лица мн. числа презенса и имперфекта индикатива. Данный процесс практически полностью завершился в пользу употребления исторически пассивных форм в северновепсском диалекте, очевидно, не без влияния карельского языка [Зайцева, 2001, 232].

Среди глагольных форм особый интерес вызывает отрицательная форма 3 лица мн. числа имперфекта индикатива, которая в диалектах вепсского языка обладает четырьмя различными вариантами показателей, например, глагол *toda* «принести»: *ei tonugoi*, *eba tond*, *ei todud*, *ei tonuhi*. Уже сам перечень наглядно показывает, насколько различны их основные варианты, но имеются еще и фонетические различия. Первый из названных вариантов с формантом *-nugoi* (*ei tonugoi*) представляет собой результат самостоятельного развития вепсского языка. Второй вариант (*eba tond*) является прибалтийско-финским наследием. Форма *ei todud* существовала в вепсском языке, но ее унификация для употребления в значении актива и пассива совершилась в северновепсском диалекте не без влияния карельского языка. Редкая для вепсского языка форма *ei tonuhi* представляет собой явное влияние ливвиковского наречия карельского языка на войлахотские и на ныне уже не существующие сяргозерские говоры средневепсского диалекта [Зайцева, 2001, 232–235]. Карта с такими пестрыми данными, а также с комментариями к ним может пролить дополнительный свет на особенности и пути зарождения грамматических инноваций, внесших свой вклад в развитие диалектов.

Любопытны моменты, связанные с рефлексивным спряжением в вепсском языке и историческими путями его сложения. Уже сами показатели рефлексивности инфинитива разнообразны: например, *pesta-s*, *pesta-kse*, *pesta-ste*, *pesta-ze*, *pesta-zhe* «мыться». Думается, что нанесение подобного материала на карту, его этимологический и прочий анализ также могут свидетельствовать о развитии диалектных особенностей вепсского языка.

Таким образом, вепсские диалекты обладают достаточно большим материалом, накопленным в процессе исследования вепсского языка в образцах речи, словарях, атласах. Этот материал характеризуется даже некоей исторической перспективой – при отсутствии памятников письменности имеются образцы речи, записанные уже в первой половине XIX и самом начале XX в. Все это позволит более наглядно составить карты «Лингвистического атласа вепсского языка» различного характера – фонетические, грамматические, лексические, проследить процесс сложения диалектов вепсского языка, их историю и современное состояние.

ЛИТЕРАТУРА

Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997.

Вепсские народные сказки. Петрозаводск: Карелия, 1996.

Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX–начало XX века). Петрозаводск: ПетрГУ, 1996.

Елисеев Ю. С. Финский язык // Языки финно-угорского языкоznания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975.

Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: ПетрГУ. 2000.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л.: Наука, 1969.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь венского языка. Л.: Наука, 1972.

Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепсском языке (История и функционирование форм слова). Петрозаводск: Карелия, 1981.

Зайцева Н. Г. Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2001.

Корпус вепсского языка/vepsian. krc. karelia.ru

Обернись-ка милой кукушечкой. Вепсские причитания / Сост.: Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012.

Программа по собиранию материала дляialectологического атласа карельского языка / Под ред. М. М. Хямляйнена. Петрозаводск, 1937.

Программа по собиранию материала для dialectологического атласа карельского языка. Второе издание, дополненное при участии Н. А. Анисимова, Е. Н. Симаковой, Н. И. Богданова / Под ред. В. И. Алатырева. Петрозаводск, 1946.

Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков / Под общей ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007.

Успенский П. Русско-чудский словарь. С некоторыми грамматическими указаниями. СПб, 1913.

Язык и народ. Тексты и комментарии. Тексты разговорной речи прибалтийско-финских языков и диалектов русского языка на Северо-Западе России / Под ред. А. С. Герда, М. Савиярви, Т. де Граафа. СПб, 2002.

Ahlqvist A. Anteckningar i Nord-tschudiskan // Acta societatis scient. Fennicae. N 6. Helsinki, 1861.

Atlas Linguarum Europe. I. Neimegen, 1989; II. Neimegen, 1990 и т.д. [=ALE].

Atlas Linguarum Fennicarum. I, II, III. Helsinki, 2004, 2007, 2010 (=ALFE).

Basilier Hj. Vepsäläiset Isajevan volostissa // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. N 8. Helsinki, 1890.

Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä. I-II. Helsinki, 1920, 1925.

Kettunen L. Lõunavepsa häälikaljugu. I. Konsonantid. II. Vokaalid. Tartu, 1922.

Kettunen L. Tieteen matkamiehenä. Helsinki, 1945.

Kettunen L., Siro P. Näytteitä vepsän murteista // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. N 70. Helsinki, 1935.

Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska språket. Helsinki, 1853.

Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska språket. Juminkeko, 2002.

Peltola R., Sovijärvi A. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki, 1982.

Setälä E. N. Yhteissuomalainen äännehistoria. I-II. Helsinki, 1899.

Setälä E. N., Kala J. N. Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. N 100. Helsinki, 1951.

Szinnyei J. A veps nyelvról // Nyelvtudományi közlemenek. N XVI. Budapest, 1881.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. 228. Helsinki, 1946.

Ujfalvi Ch. E. Essai de Grammaire vêpse ou tschoude du nord. Paris, 1875.

Viitso T.-R. Äänisvespa murde väljendustasandi kirjeldus // Keele modelleerimise probleeme. 2. Tartu, 1968.

Zaitseva M. Vepsän kielen lauseoppia // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. N 241. Helsinki, 2001.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Образцы вепской диалектной речи с поморфемным описанием слов

В приложении даны в качестве образца вепские диалектные тексты, которые иллюстрируют фонетические, грамматические и лексические особенности всех трех диалектов вепского языка. Главная задача приложения – это поморфемное описание каждого слова, которое дает возможность сравнить состояние грамматических морфем во всех трех диалектах вепского языка.

При определении грамматических форм использована система их выделения, принятая исследователями грамматики вепского языка, при которой аккузатив как падеж в вепском языке не выделяется, поскольку он не обладает никаким собственным формальным показателем, а на его месте выступают номинатив либо генитив; указана несогласованность определения с определяемым словом в послеложных падежах позднего происхождения (например *sure-n kive-nke* «с большим камнем», где определение обладает формой генитива, а существительное – формой комитатива).

В отдельных случаях трудно было определиться, какая форма употреблена в тексте. Это более всего касается местоимений, формы которых выглядят особенно «изношенными». Так, например, в форме личного местоимения типа *min-i* «мне» практически невозможно отделить корневую морфему от окончания, кроме того, определиться и уверенно сказать, выступает ли в этих случаях падежное окончание *-i* или сокращенный вариант притяжательного суффикса 3 лица ед. числа, который здесь изначально употреблялся (ср. в пондальской группе говоров средневепского диалекта: диалектах – *min-a-in'* «у меня»).

При определении сложных глагольных (перфекта, плюсквамперфекта) и отрицательных форм, которые включают в себя два или более слова, характеристика приведена при первом слове словоформы, а в последующих словах словоформы дана отсылка к первому слову (например, *ei tonugoi* «не принесли» в поморфемной нотации представлено следующим образом:

ei
v.pl.imp.ind.neg.3p; to-nu-goi
(см. ei)

Северновепсский диалект, с. Шелтозеро, Прионежский район, Республика Карелия (Вепсские народные сказки, 1996, 51):

Vastaz-i-he sageda-s meca-s kondi rebei-nke.
refl.v.sin.imp.ind.3 p.; s.sin.iness.; s.sin.ines; s.sin.nom.; s.sin.komit.
Встретился в густом лесу медведь с лисой.

I küzzu-b kondi:
konj.; v.sin.prez.ind.3 p.; s.sin.nom.
И спрашивает медведь:

– Nu kut elä-d, rebei?
konj.; adv.; v.sin. prez.ind.2 p.; s. sin. nom.
Hy как живешь, лиса?

– Elä-n, näge-d, kut starai-mjì
v.sin.prez.ind.1 p.; v.sin.prez.ind.2 p.; adv.; refl.v. prez.sin.ind.1p.;
Живу, видишь, как стараюсь

ič-in hända-l
refl.pron.sing.1p.; s.sin.ades.
своим хвостом

sinu-hu nähte tropaiže-n pühkta i puuka-d en pakiče.
s.sin.iness.; postp.; s.sin.gen.; v.linf.; konj.; s.sin.part.; v.prez.sin.ind.
для тебя тропинку расчистить и платы neg.1p.
не прошу.

– Ka d'o minu-spei pauk otta, – sanu-b kondi,
partik.; adv.; s.sin.elat.; s.sin.nom.; v.linf.; – v.prez.sin.ind.3p.; s.sin.nom.
– Да неужели с меня плату брать, – говорит медведь.

Jesli mina ole-n neci-š iče-mjì meca-s
konj.; pron.sing.nom.; v.prez.sin. ind.1p.; pron.sin.ines.; refl.pron.pl.1p.; s.sin.ines.
Если я являюсь в этом нашем лесу

kut car', kaik min-dai varei-ta-ze.
adv.; s.sin.nom.; pron.sin.nom.; pron.sin.part.; v.prez.pass.(3p.)
как царь, все меня боятся.

Ka i üh-t väge-d-se mi om!
partik; konj.; num.part.; s.sin.part.-part.; pron.sin.nom.; v.prez.sin.ind.3p.;
Так и одной силы-то сколько есть!—

hvali-že kondi.
refl.v.prez.sin.ind. s.sin.nom.
3p.;
хвалится медведь.

I lähtt-i-he ühtes orgi-i-d möto šlägei-ma-ha.
konj.; v.imp.pass.(3p.); adv.; s.pl.part.; post.; inf.III.ines.
И пошли вместе по лесу болтаться.

Mäno-ba i kut-se ainast-i-he muurhaiž-i-de mätha-le.
v.prez.pl.ind.3p.; konj.; adv.- refl.v.imp.pl. s.pl.gen.; s.sin.all.
partik.; ind.3p.;
Идут и как-то наткнулись на муравейник.

Rebji i sanu-b:
s.sin.nom.; konj.; v.prez.sin.ind.3p.
Лиса и говорит:

—Nuvai, kondi, rupišta iči-iž silma-d i kacuhta,
interj.; s.sin.nom.; v.sin.imper.2p.; refl.pron.sis.pl.nom. konj.; v.sin.imper.
n.2p.; 2p.

—Ну-ка, медведь, прищурь свои глаза и посмотри,

kut muurhaiž-e-d iče-ze surče-d kive-d kandiš-ta-ze.
adv.; s.pl.nom.; refl.pron.pl.3p.; adj.pl.nom.; s.pl.nom.; v.pass.prez.3p.
как муравьи с себя величиной камни носят.

Hän siid ühte-n silm-an rupištaškanz', ka toiže-l näggo-b:
pron.sin. adv.; num.gen.; s.sin.gen.; v.imp.sin.ind. konj.; num. v.prez.sin.
nom.; 3p.; ades.; ind.3p.
Он тут один глаз прищурил, а другим видит:

proud	om.	Tabaz-i-he	hän	lapi-i-l	kive-he,
s.sin.nom.;	v.prez.sin.	refl.v.imp.sin.	pron.sin.nom.;	s.pl.ades.;	s.sin.ill.,
	ind.3p.		ind.3p.;		

kudamb siid-žo rindal venj-i, mugažo iče-ze surtte.
 pron.sin.nom.; adv.-part.; adv.; v.imp.sin. adv.; refl.pron. adj.sin.
 ind.3p.; sin.3p.; nom.
 который тут же рядом лежал, тоже с себя величиной

Siid	hän	mi-n	kändl-i-he,	mokič-i-he.
adv.;	pron.sin.nom.;	pron.sin.gen.;	refl.v.imp.sin.ind.3p.;	refl.v.imp.sin.ind.3p.;
Тут	он	так	тужился,	мучился,

nu	a	udoli-da	nikut	ii	voi-nu
конj.; konj.;	v.Iinf.;		adv.;	v. sin.imp.neg.in d.3p.;	(см. ii)
ну	а	одолеть	никак	не	смог.

Средневепсский диалект. С. Вахтозеро: записано в с. Ошта Вытегорского района Вологодской области М. И. Муллонен, Н. Г. Зайцевой (Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН, м/з.1305/8):

Kalliž	kand'jeihude-m,	rodimj	roditel'	mameihude-m,
adj.sin.nom.;	s.sing.nom.1p.;	adj.sin.nom.;	s.sin.nom.	s.sin.nom.1p.
Дорогая	меня носившая,	родимая	родительница	моя матушка,

spasibo sin-i, hüvä-n dumeiže-n-se dumei-d',
 s.sin.nom.; pron.sin.all.; adj.sin.gen.; s.sin.gen.-partik.; v.imp.sin.ind.2p.
 Спасибо тебе, хорошую думушку надумала,

kogoz-i-toi sina i keraz-i-toi!
refl.v.imp.ind.2p.; pron.sin.nom.; konj.; refl.v.imp.ind.2p.
собралась ты и сподобилась.

Ken-ak sin-ei tegeškande-b korkta-n da kodiže-n-se?
pron.sin. pron.sin.ades.; v.prez.sin.ind.3p.; adj.sin.gen.; konj.; s.sin.gen.-
nom.-
partik.;
Кто же тебе сделает высокий да домик-то?

Ken-ak sin-dei krepiskande-b led-ho da mahude-he-
 pron.sin. pron.sing.part.; v.prez.sin. adj.sin.ill.; konj.; s.sin.ill.-
 nom.- ind.3p.; partik.
 partik;
 Кто же тебя закопает в песчаную да земельку-
 то?

Olo-p tol'ko mina gänu izo da tütar-se
 v.perf.sin. adv.; pron.sin. (см. olo-n); adj.sin.nom.; konj.; s.sin.nom.-
 ind.1p.; nom.; partik.
 Осталась только я милая да дочь-то.

Sokol-poigeine-se ei kirjuta kirjev-i-d kirjeiž-i-d-ne.
 s.sin.nom.- v.prez.neg. (см. ei) adj.pl.part.; s.pl.part.-
 s.sin.nom.-partik.; ind.3p.; partik.pl.
 Сокол-сынок-то не пишет пестрых писем-то.

Kut-ak mina sin-dei da ološkande-n?
 adv.-partik.; pron.sin.nom.; pron.sin.part.; konj.; v.prez.sin.ind.1p.
 Как же я тебя да обиходжу?

Ala-ške sen päle-se käregande
 v.neg.imper.2p.-partik; pron.sin.gen.; post.-partik. (см. ala-ške)
 He сердись-ка на это-то.

Mina sanu-n nece-n sin-i
 pron.sin.nom.; v.prez.sin.ind.1p.; pron.sin.gen.; pron.sin.all.;
 Я говорю это тебе

sure-n avaro-n abideiže-nke, sure-n da goreiže-nke-se.
 adj.sin.gen.; adj.s.gen.; s.sin.komit.; adj.sin.gen.; konj.; s.sin.komit.-partik.
 с большой горькой обидушкой, с большим да горюшком-то.

Южновепесский диалект. Д. Керчаково, Бокситогорского района Ленинградской области (М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, 1969, 202).

Mii-den deroun Kerčak om jogo-u, berega-u,
 pron.pl.gen.; s.sin.nom.; s.sin.nom.; v.prez.sin.ind.3p.; s.sin.ades.; s.sin.ades.;
 Наша деревня Керчаково находится на реке, на берегу,

edou ol-i deroun sur', kaks'küme perti-d.
adv.; v. imp.s.ind.3p.; s.sin.nom.; adj.sin.nom.; num.nom. s.sin.part.
раньше была деревня большая, двадцать домов.

Derouna-lon ol-i-ba pöudo-d, kazvo-i rugiž, nižu, kagr.
s.sin.appr.; v. imp.pl. s.pl.nom; v. imp.sin. s.sin.nom.; s.sin.nom.; s.sin.nom.
ind.3p.; ind.3p.;
Около были поля, росла рожь, пшеница, овес.
деревни

Minu-n deda-u kanz ol-i sur' diki,
pron.sin.gen.; s.sin.ades.; s.sin.nom.; v. imp.sin.ind.3p.; adj.sin.nom.; adv.;
У моего деда семья была большая очень,

kaks'küme mes-t, laps-i-d' söt-i-ba eriže.
num.nom.; s.sin.part.; s.pl.part.; v. imp.pl.ind.3p.; adv.
двадцать человек, детей кормили отдельно.

Mä läks-i-n' Kijaiž-he mehele. Mii-den
pron.sin.nom.; v. imp.sin.ind.1p.; s.sin.ines.; adv. pron.pl.gen.;
Я вышла в Кийно замуж. Около нашей

derouna- ol-i Agj.
lon
s.sin.appr.; v. imp.sin.ind.3p.; s.sin.nom.
деревни была [деревня] Конец.

Agja-s edou el-i-ba čuhar-i-d, Kijaiže-s basi-i-ba
s.sin.ines.; adv.; v. imp.pl.ind.3p; s.pl.nom.; s.sin.ines.; v. imp.pl.ind.3p.;
В Конце раньше жили чухари, в Кийно говорили
ше

mii-de kartte.
pron.pl.gen.; post.
по-нашему.

Tauvu-u mužika-d rado-i-ba paseka-s,
s.sin.ades.; s.pl.nom.; v. imp.pl.ind.3p.; s.sin.ines.;
Зимой мужчины работали на лесоразработках,

parz-ii-d čapo-i-ba, ved-ii-ba.
s.pl.part.; v.imp.pl.ind.3p.; v.imp.pl.ind.3p.;
бревна рубили, возили.

Mä rado-i-n paseka-s tata-mu i velje-mu.
pron.sin.nom.; v.imp.sin. s.sing.ines.; s.sin.komit.; konj.; s.sin.komit.;
ind.1p.;
Я работала на лесоразра- с отцом и с братом.
ботках

Kevado-u mö paši-i-mai ma-n, künd-ii-mai,
s.sin.ades.; pron.pl.nom.; v.imp.pl.ind.1p.; s.sin.gen.; v.imp.pl.ind.1p.;
Весной мы обрабатывали землю, пахали,

ägest-ii-mai, semenz-ii-mai.
v.imp.pl.ind.1p.; v.imp.pl.ind.1p.
боронили, сеяли.

Hiin-an kosi-i-mai vitakho-u, kuivat-ii-mai i
v.sin.gen.; v.imp.pl.ind.1p.; s.sin.ades.; v.imp.pl.ind.1p.; konj.;
Сено косили косой, сушили и

keg-ho pan-ii-mai.
s.sin.ill.; v.imp.pl.ind.1p.
в стог складывали.

Список сокращений

abl. – ablativ,
ades. – adessiv,
adj. – прилагательное,
adv. – наречие,
all. – аллатив,
appr. – аппроксиматив,
elat. – элатив,
gen. – генитив,
ill. – иллатив,
imp. – имперфект,
imper. – императив,
ind. – индикатив,
ines. – инессив,

inf. – инфинитив,
interj. – междометие,
komit. – комитатив,
konj. – союз,
nom. – номинатив,
neg. – отрицательный,
num. – числительное,
p. – лицо,
part. – партитив,
partik. – частица,
pass. – пассив,
perf. – перфект,
pl. – мн. число,

postp. – послелог,
prez. – презенс,
pron. – местоимение,
refl. – возвратный,

s. – существительное,
sin. – ед. число,
v. – глагол.

И. В. Бродский
(Санкт-Петербург)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕПССКИХ ГОВОРОВ ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАННЫХ ОБРАЗЦОВ ВЕПССКОЙ РЕЧИ¹

В настоящее время, когда разворачивается работа над «Лингвистическим атласом вепсского языка», всякая информация о современном или историческом состоянии его говоров становится особенно ценной. Сбор языкового материала проводится по специально составленному вопроснику, включающему многие десятки вопросов по лексике, фонетике и грамматике языка.

Использование печатных материалов по вепсскому языку, содержащих многочисленные издания образцов речи, представляются нам не менее важными, чем синхронные данные, полученные в результате опроса информантов. Основным недостатком работы с печатными материалами является невозможность получения данных о многих явлениях, т. е. результаты такой работы в любом случае являются фрагментарными. Тем не менее она необходима – и не только для верификации сведений, поскольку качество владения языком резко падает в последние десятилетия, вплоть до исчезновения многих явлений; нельзя забывать о десятках исчезнувших и обрусевших вепсских населенных пунктов, сведения о речи населения которых сохранились лишь в печатном виде.

Объем существующих материалов по вепсскому языку велик и охватывает более чем полуторавековой период – от диссертации Лендрота и замечательной работы его ученика Алквиста по вепсскому языку до наших дней. Нам недоступно, по-видимому, лишь одно издание образцов вепсской речи, но мы надеемся учесть его

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта «Лингвистический атлас вепсского языка»: РГНФ 2012–2014, № 12-04-00081.

данные позднее. Оставшиеся издания, представляющие собой как отдельные книги, так и статьи, дают сведения примерно о восьмидесяти вепсских говорах, относящихся ко всем трем живым диалектам, а также к вымершим диалектам исаевских вепсов и жителей Куштозера, говору Кегсак (Керчаково).

Часть образцов речи анонимна, т. е. информант не определен. К сожалению, это характерно для наиболее старых работ. Тем не менее уже с начала XX в. почти во всех случаях фиксируется не только место записи, имя информанта и его возраст, но и происхождение – в том случае, если он родом из другого населенного пункта (например, в случае выхода девушки замуж в другую деревню). Это важно, так как речь переселенца отражает говор того населенного пункта, где он родился, речь его новой родины также оказывает влияние, но, как правило, незначительное.

Отметим, что наука располагает ныне практически без исключения всеми языковыми данными существующих диалектов. Кроме того, имеются либо очень хорошие, либо фрагментарные данные по многим исчезнувшим на сегодняшний день говорам. Уникальна в этом смысле статья Я. Басилиера по речи исаевских вепсов [Basilier, 1890], ныне полностью ассимилировавшихся. Она иногда вызывает скепсис исследователей в связи с тем, что представленные в ней некоторые особенности исаевской вепсской речи резко отличают ее от других диалектов языка и не могут быть каким-либо образом верифицированы. Тем не менее не учитывать статью Басилиера мы не можем в силу ее уникальности. Точно так же спорны и уникальны данные по некоторым другим уже не существующим населенным пунктам (например, по Куштозеру). Без учета этих источников картина вепсских диалектов была бы непростительно обеднена.

Ниже приведен перечень основных населенных пунктов, по которым имеются языковые материалы различного качества (список пока недостаточно полный, так как некоторые источники до сих пор не учитывались).

I. Средневепсский диалект

1. Войлахта (Voilaht) БРВО-Ср. СВЯ.
2. Вонозеро (Enar'v, En'arv) ЛРЛО-Ср. СВЯ, NVM, VV.

3. Каргиничи (Karhil) ПРЛО-Ср. СВЯ, VV.
4. Корбиничи (Korbal) ТРЛО-Ср. СВЯ, NVM.
5. Корвала (Korboil) ТРЛО-Ср. VV.
6. Кривозеро (Väräsär') BPVO-Ср СВЯ.
7. Кузра (Kuzr) ПРЛО-Ср. (?) VV.
8. Куя, Кийно (Kuja, Kajisti) BPVO-Ср. СВЯ, BHC, VV.
9. Ладва (Ladv) ПРЛО-Ср. СВЯ, BHC, ÄVN, NVM, NÄKM, VV.
10. Мягозеро (Mäggär') ПРЛО-Ср. VV.
11. Нажмозеро (Nažamjärv) ПРЛО-Ср. (?) NÄKM, VV.
12. Немжа (Nemž) ПРЛО-Ср. VV.
13. Ниргиничи (Nirgl) ПРЛО-Ср. СВЯ.
14. Нойдала (Noidal) ТРЛО-Ср. СВЯ, VV.
15. Нюрговичи (Nürgoil) ТРЛО-Ср. (?) NVM, VV.
16. Озёра (Järved, Järvenküla) ПРЛО-Ср. СВЯ, BHC, NVM, VV.
17. Пёлдуши (Pecoil) ПРЛО-Ср. СВЯ, BHC, NVM, VV.
18. Пелкаска (Püutkask) BPVO-Ср. СВЯ, VV.
19. Пондала (Pondal) BPVO-Ср. СВЯ, BHC, VV.
20. Пяжозеро (Päžar') BPVO-Ср. СВЯ, NÄKM, VV.
21. Ребов Конец (Rebagi) ТРЛО-Ср. NVM, VV.
22. Сарозеро (Sarjärv) ПРЛО-Ср. (?) VV.
23. Сяргозеро (Särgjärv, Särgär') BPVO-Ср. СВЯ, NÄKM.
24. Харагиничи (Haragl) ПРЛО-Ср. VV.
25. Чидово (Čidoi) ТРЛО-Ср. NVM.
26. Чикозеро (Čikl) ПРЛО-Ср. СВЯ, NÄKM, VV.
27. Шимозеро (Šimgär') BPVO-Ср СВЯ, ÄVN, NVM, NÄKM, VV.
28. Шондовичи (Šond'jal) ПРЛО-Ср. (?), NÄKM, VV.
29. Ярославичи (Vilhal, Vil'häl) ПРЛО-Ср. СВЯ, VM, NVM, VV.

II. Южновепсский диалект

30. Амосова Гора (Omozmägi) БРЛО-Юж. VV.
31. Белово (Belämägi) БРЛО-Юж. VV.
32. Белое Озеро (Vaagär') БРЛО-Юж. СВЯ, VV.
33. Бережна (Berežn) БРЛО-Юж. VV.
34. Боброзеро (Maigär') БРЛО-Юж. СВЯ, VV.
35. Бочево (Bočoo) БРЛО-Юж. VV.
36. Бушаково, Бушаково (Bušak) БРЛО-Юж. VV.
37. Кортлахта (Kortlaht) БРЛО-Юж. СВЯ, NEV I, NVM, VV.
38. Лахта (Laht) БРЛО-Юж. NVM, VV.

39. Макарово (Makoo) БРЛО-Юж. VV.
40. Максимова Гора (Maksimägi) БРЛО-Юж. VV.
41. Остров (Sar') БРЛО-Юж. VV.
42. Пожарище (Pozariš) БРЛО-Юж. VV.
43. Прокушево (Šidjärv) БРЛО-Юж. СВЯ, ВНС, NEV I, VV.
44. Радогощь (Arskaht') БРЛО-Юж. СВЯ, NEV I, NVM, VV.
45. Сидорово (Sodjärv) БРЛО-Юж. СВЯ, ВНС, VV.
46. Сюря (Sürij) БРЛО-Юж. VV.
47. Тедрово (Tedroo) БРЛО-Юж. NVM, VV.
48. Tutuk БРЛО-Юж. VV.
49. Федькино (Fedramägi) БРЛО-Юж. NEV I, NVM, VV.
50. Чайгино (Čaigl, Čaigii) БРЛО-Юж. СВЯ, NEV I, NVM, VV.

III. Северновепсский диалект

51. Ванхимсельга (Vanhimsel'g) ПРРК-Сев. ÄVN, VV.
52. Вехкоя (Vehkei, Vehkai) ПРЛО-Сев. ÄVN, VV.
53. Володарское (Kukagd') ПРЛО-Сев. ÄVN, VV.
54. Гимрека (Himdegi) ПРЛО-Сев. ÄVN, VV.
55. Горнее Шёлтозеро (Mägi) ПРРК-Сев. ÄVN, VV.
56. Другая Река (Toiždög) ПРРК-Сев. VV.
57. Еремишта (Jeremišt) ПРРК-Сев. VV.
58. Залесье (Mecantaga) ПРРК-Сев. СВЯ, ВНС, VV.
59. Ишанино (Išan') ПРРК-Сев. VV.
60. Kakkarv ПРРК-Сев. ÄVN.
61. Каскесручей (Kaskez) ПРРК-Сев. СВЯ, ÄVN, NÄKM.
62. Криково (Krik) ПРРК-Сев. VV.
63. Матвеева Сельга (Matvejansel'g, Matfejansel'g) ПРРК-Сев. ВНС, ÄVN, NÄKM.
64. Огеришта (Ogerišt) ПРРК-Сев. VV.
65. Озровичи (Ozrei) ПРРК-Сев. ÄVN, VM, VV.
66. Ропручей (Ropei) ПРРК-Сев. ÄVN.
67. Розмега (Roz'me) ПРРК-Сев. ÄVN, VV.
68. Рыбрека (Kal'eg, Kal'eig, Kaladögi) ПРРК-Сев. СВЯ, ВНС, NÄKM, VV.
69. Тихоништа (Tihoništ) ПРРК-Сев. ВНС.
70. Урицкое (Pervakat, Pervakei) ПРЛО-Сев. СВЯ, ÄVN, NVM, VV.
71. Габшема (Hapšom) ПРРК-Сев. VV.

72. Шелтозеро (Šoutarv) ПРРК-Сев. СВЯ, ВНС, NÄKM, VV.
73. Шокша (Šokš) ПРРК-Сев. СВЯ, ВНС, ÄVN, NÄKM, VV.
74. Горное Шелтозеро (Üližagj) ПРРК-Сев. VV.

IV. (75) Исаевский диалект [Basilier, 1890].

V. (76) Керчаковский говор [ОВР].

Важнейший факт, мимо которого мы пройти не можем, касается технической стороны получения записей. Старые работы (до Второй мировой войны) почти полностью базируются на синхронных графических записях исследователей без использования ими звукозаписи; во всяком случае, тексты, рассмотренные в данной статье, были записаны без применения звукозаписывающей техники. В связи с этим их точность и адекватность могут быть поставлены под сомнение.

В этой и последующих статьях мы опишем индивидуальную речь информантов из разных населенных пунктов в ее наиболее интересных особенностях, используя различные печатные источники. Явления, характерные для диалекта (говора) в целом, мы отмечаем, но подробнее не рассматриваем; тем не менее они могут учитываться в дальнейшем в итоговых выводах. Кроме того, при этом мы берем во внимание и значимость явления для картографирования. Например, как правило, формы глаголов в единственном числе презенса и имперфекта индикатива во всех случаях совпадают (mäneb, /j/en kacu, käski и т. п.), потому нами не выделяются; точно так же во всех случаях совпали формы 3 л. мн. числа имперфекта индикатива (pan'ba, mänība и т. п.).

В предлагаемой статье анализу подвергнута лишь часть текстов сборника образцов вепсской речи Л. Кеттунена, П. Сиро «Näytteitä vepsän murteista» [=NVM], относящаяся к средневепсскому диалекту. Этот сборник содержит длинные тексты, записанные от информантов в различных средневепсских деревнях; там же дано некоторое количество пословиц, загадок, частушек, заговоров с указанием места фиксации, но без конкретного информанта.

Транскрипция оригинала сохраняется, за исключением л, замененного везде на Й (для картографирования это не существенно).

Näytteitä vepsän murteista (NVM) (Записи лета 1934 г.).

Средневепсские говоры (в издании с. 19 и далее).

1. Noidal. Lukoi Ogn'ova (Lämoi), 46 лет.

Фонетические особенности:

ai сохраняется: aigal, saiba, neitšukain'e;

ei сохраняется: neitšukain'e;

формант -räi в виде -pai: d'erevn'aspai;

Особенности в словоизменении:

форма комитатива ед. числа sinulon;

формы II аппроксиматива ед. числа pertiželost, hänelost;

формы 2 л. мн. числа презенса индикатива otamai, sidomai;

отрицательная форма 1 л. мн. числа презенса индикатива ema besedoitše;

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива nuttas;

форма 3 л. ед. числа презенса индикатива (возвратное спряжение) punose;

личные формы 3 л. мн. числа имперфекта индикатива – как m'äniba, так и mänd'he, elet'he;

форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива (возвратное спряжение) punal'hez;

отрицательная форма 3 л. ед. числа имперфекта индикатива ei roht'ind;

отрицательная форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива eba käskent;

форма 2 л. мн. числа императива algät mängät.

Особенности лексики:

личное местоимение «они» – hei;

‘женщина’, ‘баба’ – mamš.

2. Noidal (Rebagj). Marja Rogosina, 63 года.

Фонетические особенности:

au > ou: jougan;

al в конце слов, где l – показатель, > ou: hänou;

el в конце слов, где l – показатель, > ou: lavou;

Особенности в словоизменении:

форма комитатива ед. числа urändnikajke;

формы II аппроксиматива ед. числа pordhižennost, drugunnost;

в качестве показателя эгрессива ед. числа выступает **-npäi**: papi-nompäi läksi; mätompäi;
форма терминатива surmhasai;
отрицательная форма 3 л. мн. числа презенса индикатива eba voi;

личные формы 3 л. мн. числа имперфекта индикатива – как astuiba, tulība, так и magadaškat’he;
отрицательная форма 3 л. ед. числа имперфекта кондиционала hän ī voiš.

Особенности лексики:

личное местоимение «они» – hei.

3. Noidal. Palag Sergeil, 43 года.

Фонетические особенности:

ai сохраняется: kaiken, naida;

ei сохраняется: seitšmen, neižn’e;

формант **-päi** в виде **-pa i:** prihalpa i.

Особенности в словоизменении:

форма комитатива ед. числа mužikanke, prihaŋke;

форма II аппроксиматива мн. числа koldunoid’enost;

в качестве показателя эгрессива ед. числа выступает **-npäi**: alahampäi;

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива eletas;

отрицательная форма 3 л. мн. числа презенса индикатива eba kazva(n), eba voil’en;

отрицательная форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива ī voin;

Особенности лексики:

личное местоимение «я» – mä;

личное местоимение «они» – hei;

‘женщина’, ‘баба’ – mamš.

4. Noidal. Onton Virzof, 63 года.

Фонетические особенности:

ai сохраняется: kaik, vazain’e;

ei сохраняется: seitšmen, при этом отрицательный глагол в 3 л. имеет вид ei либо ī;

al в конце слов, где **I** – показатель, > **au**: mamau;

el в конце слов, где **I** – показатель, > **ou**: edou, tauvou;

формант **-päi** в виде **-paai**: l'ehmaižespai;

Особенности в словоизменении:

форма комитатива tatake, vel'l'ek;

форма II аппроксиматива ед. числа n'evestalost;

форма 1 л. мн. числа презенса индикатива kulemai;

форма 2 л. мн. числа презенса индикатива andatai;

отрицательная форма 2 л. мн. числа презенса индикатива emai voi, emai voiŋ;

отрицательная форма 3 л. мн. числа презенса индикатива eba anda, eba andan; eba jaga;

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива (возвратное спряжение) pid'oit'eləsɔi;

отрицательная форма 1 л. ед. числа имперфекта индикатива en varastan, en kiŋgitelən;

отрицательная форма 3 л. ед. числа имперфекта индикатива hän ei mänen, tat ī spor' in;

форма 2 л. мн. числа имперфекта индикатива ol̩mai;

форма 3 л. ед. числа плюсквамперфекта индикатива (возвратное спряжение) hän jo ajelnus oli;

Особенности лексики:

личное местоимение «мы» – mei;

личное местоимение «они» – he либо hei.

5. Korbal (N'urgoil). Marfa Simanova, 57 лет.

Фонетические особенности:

ai сохраняется в ударном положении или переходит в **ei**: kaik, но deɪ, səihe;

ai > **ei** или **ei** в безударном положении: mindei, nītšukei'ne, но tanhēitši;

ei > **ī**: hīl', kītī, nītšukei'ne;

oi в ударном положении сохраняется: oigenzid';

äi > **ei**: mužik jei, sijoupei;

al в конце слов, где **I** – показатель, > **ou**: sijou, mijou;

el в конце слов, где **I** – показатель, > **ou**: hänou;

il в конце слов, где **I** – показатель, > **iu**: mamšiu;

оl в конце слов, где l – показатель, > ou: ukou;

формант -päi в виде -pei: sijoupei.

Особенности в словоизменении:

форма комитатива b'esed'n'ikaļke;

отрицательная форма 3 л. ед. числа имперфекта индикатива ī
pästand;

Особенности лексики:

личное местоимение «они» – hī;

‘женщина’, ‘баба’ – mamš.

6. Korbal. Nataija Jakovlevna, 60 лет.

Фонетические особенности:

ai сохраняется: sindai, sarnain'e;

ei > ī: hīd', mīl'e;

oi сохраняется: ukoin'e.

Особенности в словоизменении:

форма II аппроксиматива mamšinnost;

отрицательная форма 2 л. мн. числа презенса индикатива en
katskoi mī;

отрицательная форма 1 л. ед. числа имперфекта индикатива en
sadut.

Особенности лексики:

личное местоимение «мы» – mī;

личное местоимение «они» – hī;

‘женщина’, ‘баба’ – mamš.

7. Korbal. Filanova Fen'a, 60 лет.

Фонетические особенности:

ai сохраняется в ударном положении: kaik;

ai > eei, ei: kolēitas, sind'ei;

ei > ī: hīnad;

формант -päi в виде -pei: kagraspei, mužikaspei;

Особенности в словоизменении:

формы комитатива kūdaļk'e, hobedaļk'e;

форма II аппроксиматива tütrēlnost;

форма так называемого III терминатива tāhässei;

форма 2 л. мн. числа презенса индикатива man'itarei;

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива (возвратное спряжение) *t'egesoī*;

отрицательная форма 3 л. ед. числа имперфекта индикатива *ī jand*;

форма 3. л. ед. числа имперфекта (возвратное спряжение) *sobi-hez, t'egihez*;

форма 1 л. мн. числа имперфекта индикатива *jagoīmei*;

личные формы 3 л. мн. числа имперфекта индикатива – как *mäniba, jagoiba*, так и *semet'he*.

Особенности лексики:

личное местоимение «они» – *hī*;

‘женщина’, ‘баба’ – *mamš*.

8. Korbal. Oksen'a Ivanovna, 30 лет.

Фонетические особенности:

ai в ударном положении сохраняется: *kaik*;

ai в безударном положении > *ei*: *l'ebeit'e, nītšukein'e*;

ei > *ī*: *hīl', kītta, lībad, sīšt'i*;

el в конце слов, где *l* – показатель, > *eu*: *hānēu, ühtēu*;

ol в конце слов, где *l* – показатель, > *ou*: *hebou*;

формант *-päi* в виде *-pei*: *koirudēspei*.

Особенности в словоизменении:

формы комитатива *sinuјke, luhuz'īd'eke*;

форма пролатива *lavadme*;

форма терминатива *sinuhussei*;

Особенности лексики:

личное местоимение «они» – *hī*;

‘женщина’, ‘баба’ – *mamš*.

9. En'arv. Vas'ka Vas'ilevitš, 55 лет.

Фонетические особенности:

ai в ударном положении сохраняется: *kaiken*;

aīi в безударном положении > *ei*: *ozeida, tatein*;

al в конце слов, где *l* – показатель, сохраняется: *doragal*;

el в конце слов, где *l* – показатель, сохраняется: *perskel*;

формант *-päi* в виде *-pei*: *edēlēspe.i*.

10. En'arv. Onusja Karpouna, 81 год.

Фонетические особенности:

ei > ī: hīnād;

äi > ei: pei, ezmei;

el в конце слов, где l – показатель, сохраняется: sügūzel;

формант -päi в виде -peī: l'igospeī.

Особенности в словоизменении:

В речи информанта преобладают активные по происхождению личные формы 3 л. мн. числа презенса индикатива: vedaba, ägestaba, однако тут же наравне с ними используются пассивные по происхождению формы: künttäs, s'emetas.

11. Vilhal. Johor Pešampoig, 63 года.

Фонетические особенности:

aii в ударном положении > ei: ķeika, eižan;

ai в безударном положении > ei: lapeižel, mindei;

äi > ei: jei, pejal;

ol в конце слов, где l – показатель, > ou: hebou.

Особенности в словоизменении:

формы комитатива akanket, havadonket;

форма II аппроксиматива hebonost;

форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива (возвратное спряжение) ištuihoiš.

Особенности лексики:

личное местоимение «они» – hī.

12. Vilhal. Ūdoi Mikointütär, 40 лет.

Фонетические особенности:

el в конце слов, где l – показатель, > ou: edou.

Особенности в словоизменении:

форма III терминатива putšcižessei;

форма перфекта индикатива (возвратное спряжение) min'a rod'nus.

13. Petsoil. Darja Oreškovantütär, 40 лет.

Фонетические особенности:

au > **ou**: loutšan;

ou > **ū**: nūz’;

äi сохраняется: päi;

al в конце слов, где **l** – показатель, > **ou**: homentsou;

формант -päi сохраняется: vazaižaspäi.

Особенности в словоизменении:

форма комитатива kanoid’eked;

форма 3 л. ед. числа имперфекта индикатива (возвратное спряжение) tar’itšihez

14. Petsoil. Stepan Boitsov, 46 лет.

Фонетические особенности:

ai в ударной позиции сохраняется: kaik;

ai в безударной позиции > **äi**: dumäiba, homäitš;

ei > **ī**: hīl’, lībäd;

ou > **ū**: kūme;

al в конце слов > **ou**: jumou, kerdou.

Особенности в словоизменении:

форма комитатива vel’l’id’eke;

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива – как zavod’iba, так и vel’l’esēd el’etaz;

форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива (возвратное спряжение) jagoimoiš.

Особенности лексики:

личное местоимение «они» – hī.

15. Petsoil. Mikit Semenovitš Bogomolov, 42 года.

Фонетические особенности:

ai в безударной позиции > **äi**: soudatēin’e;

au > **ou**: voukt’it’;

ei > **ī**: lībäd, nīžn’e;

oi сохраняется: kroikoi, toin’e;

ou > **ū**: kūme;

äi сохраняется: jäi, päivou;

al в конце слов, где **l** – показатель, > **ou**: lihou;

el в конце слов, где **l** – показатель, > **ou**: eräsou, hänou;

äi в конце слов, где I – показатель, > ou: päivou; формант -päi сохраняется: pil'vespäi.

Особенности в словоизменении:

форма комитатива ед. числа nítšenjked, soudatajked, но minujke; форма пролатива dorogadme;

формы II аппроксиматива ед. числа kodinnost, karannost;

форма 2 л. мн. числа презенса индикатива mänemäi, samäi;

форма 3 л. ед. числа презенса индикатива (возвратное спряжение) punoudasę;

отрицательная форма 3 л. ед. числа имперфекта индикатива ī roh't'int;

форма 3 л. ед. числа имперфекта индикатива (возвратное спряжение) loihez, pörzihez;

форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива (возвратное спряжение) ot'ihoiš;

форма 3 л. ед. числа презенса кондиционала lajktęiž.

Особенности лексики:

личное местоимение «мы» – mī;

числительное «три» в форме kol'm.

16. Järvīš. Z'ina Romanovan Svenan (sic!), 11 лет.

Фонетические особенности:

aii в безударном положении > ei либо ei: babhein, šapkein'e, но nítšukein'e;

ei > ī: kīt't'a;

ai в конце слов, где I – показатель, > ou: akau;

al в конце слов, где I – показатель, > ū: edū;

ol в конце слов, где I – показатель, > ou: ukou.

Особенности в словоизменении:

форма 3 л. ед. числа имперфекта индикатива (возвратное спряжение): kolot'ihe.

17. Ladv. Nikon Ivanampoig, 73 года.

Фонетические особенности:

ai в безударном положении > aij: vazain'e;

ei > ī: pītäse;

oi в ударном положении сохраняется: voik;

oi в безударном положении > ei: andei;

ou > ū: kūmes;

äi сохраняется: päjas;

формант -päi в виде -pei: minuspei.

Особенности в словоизменении:

формы комитатива havadojke, kanēideke;

форма 2 л. мн. числа презенса индикатива olimei.

18. **Ladv. Natoi Jūnantütär'**, 71 год.

Особенности в словоизменении:

отрицательная форма 3 л. ед. числа имперфекта индикатива ī mänend;

отрицательная форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива ī mändud.

19. **Ladv. Marja Pavelantütär'**, 8 лет.

Фонетические особенности:

ai в безударном положении > ei: akein'e;

au > ou: jougad;

ou > ū: ūgel;

al в конце слов, где I – показатель, > ou: mužikou.

Особенности в словоизменении:

форма 3 л. ед. числа имперфекта индикатива (возвратное спряжение) loihez.

20. **Ladv. Griša-uk**, 63 года.

Особенности в словоизменении:

форма 3 л. мн. числа императива (возвратное спряжение) prapat'kahazoi.

21. **Pecoil. Fedor Jeftimpoig**, 29 лет.

Фонетические особенности:

ei в ударной позиции > i: sīžut'ihe, sīštes;

ou в ударной позиции > ū: kūmandēn;

al в конце слов, где I – показатель, > ou: mijou; tšomou varzou;

el в конце слов, где I – показатель, > ū: edū.

Особенности в словоизменении:

форма адитива ед. числа kazakohopäi;

форма 3 л. ед. числа имперфекта индикатива (возвратное спряжение) sīžut'ihe;

форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива (возвратное спряжение) saihezoi.

22. Šimg'ärv. Kol'a Fil'ampoig, 13 лет.

Фонетические особенности:

j > g' в начале слов и после согласных: g'ogirand;

ei в ударной позиции > ī: hīl';

äi в ударной позиции > ei: peivän;

al в конце слов, где l – показатель, > ou: Ivanou;

el в конце слов, где l – показатель, > ū: ehtkoitšū, hänū, toižū;

äl в конце слов, где l – показатель, > ou: peivou;

формантант -räi в виде -rei: püspei, kodihapei.

Особенности в словоизменении:

форма комитатива poiganke;

форма пролатива trubadme;

форма II (!) аппроксиматива ед. числа Ivananno, то есть формы I и II аппроксимативов совпадают;

формаа адитива kodihapei;

форма партитива личного местоимения hän – hänt;

форма 1 л. ед. числа имперфекта индикатива en otand;

форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива tšapoiba или män'ibad.

Особенности лексики:

личное местоимение «они» – hö.

23. Šimg'ärv. Mar'g'a Fedorant'ütar, 82 года.

Фонетические особенности:

j > g' в начале слов и после согласных: g'ät'ibad.

Особенности в словоизменении:

формы II аппроксиматива itšezenno или emagannost;

форма терминатива homenchesei;

отрицательная форма 3 л. ед. числа имперфекта индикатива ei andand;

форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива *sanuibat*, *g'ät'ibad*;
отрицательная форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива *hö*
ī *ottut* или *hö eba voigoi*.

Особенности лексики:

личное местоимение «они» – *hö*.

24. Šimg'ärv. Ondrīn' Ogoi, 55 лет.

Фонетические особенности:

j > **g'** в начале слов и после согласных: *g'oug*;

aii > **ei** в любой позиции: *keik*, *aveiži*;

au > **ou**: *g'oug*;

äi > **ei**: *peivou*;

öu > **üu**: *püuvast*, *püud*;

al в конце слов, где **l** – показатель, > **ou**: *akou*, *g'ägibabou*;

el в конце слов, где **l** – показатель, > **ü**: *toižü*;

ol в конце слов, где **l** – показатель, > **ü**: *ukü*, *hebü*;

äl в конце слов, где **l** – показатель, > **ou**: *peivou*;

формант **-päi** в виде **-peī**: *sigoupe.i*.

Особенности в словоизменении:

форма комитатива *poigaňke*; *astu minunked*;

форма I, II аппроксимативов совпадает: *poigannü*, *barbeqienno*;

формама эгрессива *bařbeižennooupei*;

формаа терминатива *tšashušei*;

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива *ajamei*;

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива *kutsutēi*;

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива (возвратное спряжение) *laskesei*;

форма 2 л. мн. числа имперфекта индикатива *kadotatēi*, *olotēi*;

форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива *ajoibad*;

отрицательная форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива *hö*
ī *eht't'ut*, *ī tūdut*, *ī nähtut*;

форма 3 л. мн. числа имперфекта индикатива (возвратное спряжение) *soupšihezoi*,

ad'ivošihezoi, *pan'ihezoi*.

Особенности лексики:

личное местоимение «они» – *hö*.

В следующих разделах данные о принадлежности текстов отдельным информантам отсутствуют.

Arvoituksia (c. 129)

Noidal

Фонетические особенности:

формант **-päi** в виде **-pai**: metsaspa i;

-i как показатель адассива сохраняется: suksel;

oi на стыке основы глагола и показателя множественности **-i** > **I**: vouktid'.

Korbal

Фонетические особенности:

ai > **ei**: ozeida;

au > **ou**: vouktal;

формант **-päi** в виде **-pei**: metsaspei.

Особенности в словоизменении:

форма пролатива järvədmu, dorogadme;

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива (возвратное спряжение) katsusoi.

Vil(')hal

Фонетические особенности:

ai > **ei** в безударном положении: roudein'e, kagrein'e, ozeida;

ai > **ei** в ударном положении: tēignas;

au > **ou**: roudeine, jougoitoi;

ei > **I**: i voigoi, hīnregi, sīnas;

äi > **ei**: pejal;

el в конце слов, где **I** – показатель, > **ou**: kahtou pardou.

Особенности в словоизменении:

показатель экватива **-ttę**: juguttę, surttę;

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива (возвратное спряжение) katsusoi, kuzęsoi.

Petsoil (Pecoil)

Фонетические особенности:

ai > **äi**: kanäin'e, keräin'e;

au > **ou**: jougas;

ei > **I**: nītšukaš';

al в конце слов, где **I** – показатель, > **ou**: vouktou;

el в конце слов, где **l** – показатель, > **ou**: keskou;

ul в конце слов, где **l** – показатель, > **ou**: savou;

формант **-päi** сохраняется: lähtkespäi.

Особенности в словоизменении:

форма пролатива jadmed, madmed;

форма 3 л. ед. числа презенса индикатива (возвратное спряжение) voidasę;

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива (возвратное спряжение) katsusoi, kuzęsoi.

Ladv

Фонетические особенности:

ai > **ei**, по крайней мере, в безударной позиции: nītšukein’e;

au > **ou**: kukoi loulub;

ei > **ī**: ī voigoi, nītšukein’e;

формант **-päi** в виде **-pei**: pil’vudęspei.

Особенности в словоизменении:

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива kustas, joksętas.

Šimg’ärv

Фонетические особенности:

aii > **ei**: eidan, tēivheižūpei;

ei > **ī**: kīttas;

al в конце слов, где **l** – показатель, > **ou**: mustou;

el в конце слов, где **l** – показатель, > **ū**: g’ärvudū;

ul в конце слов, где **l** – показатель, > **ū**: pitšū;

формантмант **-päi** в виде **-pei**: tēivheižūpei.

Особенности в словоизменении:

форма пролатива lavadme;

форма I аппроксиматива iknannou;

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива (возвратное спряжение) kuzęsoi.

Lauluja, hokuja y. m. (c. 138)

Korvoil

Фонетические особенности:

ai сохраняется: käbedain’e, šarfain’e;

au сохраняется: jaugat.

Особенности лексики:

личное местоимение «вы» – te.

Noidal

Фонетические особенности:

ai сохраняется: aidain'e, paikain'e;

al в конце слов, где **l** – показатель адессива, сохраняется: tšomal prihal.

Особенности в словоизменении:

форма пролатива pol'aŋkaš'tme;

форма 1 л. мн. числа презенса индикатива šurgumai.

Особенности лексики:

личные местоимения мн. числа в виде mī, tī, hī.

Noidal – Rebagj

Фонетические особенности:

ai сохраняется: kaik, ojain'e;

au > ou: jougoid'mö;

al в конце слов, где **l** – показатель, > **ou**: tšomou prihou;

el в конце слов, где **l** – показатель, > **ou**: pedajjurou, vädräižou, mägoupa i;

показатель **-päi** в форме **-pa i:** mägoupa i.

Особенности в словоизменении:

форма пролатива kujoš'tmö, jougoid'mö;

формы 1 л. мн. числа презенса индикатива el'amai, koləmai, mänemai;

отрицательная форма 3 л. мн. числа презенса индикатива eba pästä;

отрицательная форма 2 л. мн. числа императива algat tšapkat;

лично-притяжательные суффиксы употребляются с существительными (!): kodišain, pert'išain.

Korbal

Фонетические особенности:

ai сохраняется или переходит в **ei**: aidain'e, но kalein'e, nītšukein'e;

ei > i: hīn', sīžup, t'edrīn'e;

öu > üü: püüdos;

al в конце слов, где **l** – показатель, сохраняется или переходит в **ou:** kerdal, но hijamou;

el в конце слов, где **l** – показатель, сохраняется: härmel, kaikutsel;

показатель **-päi** в форме **-pei:** ehtindaspei, paganaspei.

Особенности в словоизменении:

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива bas'itas (слово, характерное для южновепсского диалекта, употреблено в грамматической форме, бытующей в средневепсском диалекте);

форма 3 л. мн. числа презенса индикатива (возвратное спряжение) gul'eisoi, spravl'esoi.

Petsoil (Pecoil)

Фонетические особенности:

ai сохраняется или переходит в **äi:** paid, но paikad;

ei > i: kítab;

al в конце слов, где **l** – показатель, > **ou:** Mišou, Proškou, tšomou prihou;

ul в конце слов, где **l** – показатель, > **ou:** savou.

Особенности в словоизменении:

форма пролатива kaŋghid'me.

Järvíš

Особенности в словоизменении:

форма 1 л. ед. числа имперфекта индикатива (возвратное спряжение) t'egimoi.

Ladv

Фонетические особенности:

ai > ei в безударном положении: kanein'e, koirein'e, prihein'e;

al в конце слов, где **l** – показатель, > **ou:** tšomou prihou;

el в конце слов, где **l** – показатель, > **ü:** peskaižü.

Šimg'ärv

Фонетические особенности:

ai > ei: ɿitha;

ei > ī: rīguižējked.

Особенности в словоизменении:

форма комитатива мн. числа rīguižējked.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

ВНС – Вепсские народные сказки / Сост. Н. Ф. Онегина, М. И. Зайцева. Петрозаводск: Карелия, 1996.

ОВР – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. М.: Наука, 1969.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972.

Basilier 1890 – *Basilier H. Vepsäläiset Isajevan volostissa* // JSFOu. 1890. 8. S. 43 – 84.

KKK – Käte-ške käbedaks kägoihudes. Вепсские причитания / Сост. Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012.

NEV I – *Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä*. I. Helsinki, 1920.

NVM – Näytteitä vepsän murteista / Keränneet ja julkaisseet L. Kettunen ja P. Siro // MSFOu. LXX. Helsinki, 1935.

NÄKM – Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista / Keränneet E. N. Setälä ja J. H. Kala, julkaisut E. A. Tunkelo // MSFOu. C. Helsinki, 1951.

VV – Vepsa vanasõnad. I – II. Tallinn, 1992.

ÄVN – Äänisvepsän näytteitä. Helsinki, 1982.

Список сокращенных наименований районов и областей

БРВО – Бабаевский район Вологодской области

БРЛО – Бокситогорский район Ленинградской области

ВРВО – Вытегорский район Вологодской области

ЛРЛО – Лодейнопольский район Ленинградской области

ПРЛО – Подпорожский район Ленинградской области

ПРРК – Прионежский район Республики Карелия

ТРЛО – Тихвинский район Ленинградской области

Сокращенные наименования диалектов

Сев. – северновепсский

Ср. – средневепсский

Юж. – южновепсский

С. А. Мызников
(Санкт-Петербург)

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ОСНОВЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ДАННЫХ
ФИННО-УГОРСКИХ И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
В КОНТАКТНЫХ АРЕАЛАХ¹

Лингвогеографические исследования настоящего времени, оперирующие материалами языков России, опираются на различные научные традиции. Часть из них находится в русле ДАРЯ [Диалектологического атласа русского языка], проекте, оказавшем влияние на развитие российской лингвогеографии второй половины XX в. Он задумывался Р. И. Аванесовым 11-томным изданием, однако был издан только «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» [АРНГЦВ, 1957]. Позднее планы были скорректированы и число томов уменьшено: «Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы», «Атлас русских народных говоров юго-западных областей РСФСР», «Атлас русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы», «Атлас русских народных говоров юго-восточных областей РСФСР». К печати же были подготовлены следующие тома: «Атлас русских говоров северо-западных областей РСФСР» (под редакцией В. И. Борковского, С. С. Высотского), «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы» (под редакцией Р. И. Аванесова), «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы» (под редакцией О. Н. Мораховской, Т. Ю. Страгановой), «Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы» (под редакцией В. Г. Орловой) [ДАРЯ 1, 10–13]. Следует отметить, что программы всех русских региональных атласов или базируются на программе ДАРЯ, или используют ее опыт.

Некоторые проекты получили развитие как следствие участия в «Лингвистическом атласе Европы» [Atlas Linguarum Europe = ALE]. К ним можно отнести задуманный еще в 1979 г. и вышедший к настоящему времени в свет «Лингвистический атлас при-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта «Лингвистический атлас вепсского языка»: РГНФ 2012–2014, № 12-04-00081.

балтийско-финских языков» [Atlas Linguarum Fennicarum = ALFE], 1. 2004 (карты 1–107), 2. 2007 (карты 108–207), 3. 2010 (карты 208–298). На опыте АЛЕ базируется также «Диалектологический атлас удмуртского языка» [ДАУЯ].

Кроме того, имеются изданные общязыковые и региональные атласы славянских языков. Весьма интересно, что важный для них вопрос масштабов работы, в основе которого лежит разработка карты-основы (т. е. выбор перечня населенных пунктов, подлежащих обследованию), решается различным образом. С. Б. Бернштейн предполагал, что для составления атласов болгарского, сербского и подобных им языков «должны быть исследованы все без исключения населенные пункты» (для болгарского атласа около 4000 населенных пунктов) [Бернштейн, 2000, 18].

Существуют и структурно сопоставимые лингвогеографические проекты на основе восточнославянских и прибалтийско-финских данных, репрезентирующие материалы большинства языков этих групп: «Общеславянский лингвистический атлас» и «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков». При несопоставимости вопросников (3454 вопроса в ОЛА и 317 вопросов в ALFE) и карт-основ, базирующихся на разных принципах (853 населенных пункта в ОЛА и церковные приходы в ALFE), имеются карты, материалы которых манифестируют тождественные вопросы.

Отметим, что для сопоставительного анализа прибалтийско-финских и саамских данных очень важен и «Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков», который представляет диалектные именования примерно 1500 понятий на 24 карельских, 6 вепсских и 5 саамских диалектах и говорах. Словарь, иллюстрируя лексическое многообразие названий понятий и их фонетические варианты по диалектам и говорам, показывает сходство и различие сопоставляемых языков и диалектов. Так, например, для наименований ящерицы в СОСД представлены следующие материалы: кар. *čičiliušku*, *čid'žiliuško*, *čid'žiliušku*, люд. *čid'žiliusku*, сев. кар. *šid'žiliuška*, вепс. *šižlik*, саам. *ceicli*, фин. *sisiliskö* [СОСД, 68]. Эти данные сопоставимы с материалами ОЛА [1988], где на карте № 30 представлены лексемы прибалтийско-финского происхождения: слово **жижлик** отмечено в н. п. № 552 Ладва Прионежского р-на, № 550 Усланка,

№ 551 Плотично Подпорожского р-на, № 568 Замошье Вытегорского р-на, № 569 Гаврилово Каргопольского р-на; и **жижлика** в н.п. № 534 Тамица Онежского р-на. По нашим данным, подтверждаемым материалами КСРГК, в Вытегорском и Подпорожском районах фиксируется вариант **шижлик**, связанный с вепсским языковым влиянием (см. выше).

Крайне важным проектом для синтетического осмысления и обобщения восточнославянских данных представляется труд «Восточнославянские изоглоссы» [ВСИ], в котором предпринимается попытка лингвогеографического описания и анализа материалов на широком фоне. Весьма основательна, например, статья «Названия орудия для ручной молотьбы и его деревянных частей» [ВСИ 4, 146–158], в которой даются три карты: «Названия орудия для ручного обмолота», «Названия ручки цепа», «Названия бьющей части цепа». Исходя из того, что часть анализируемых данных присуща только русским говорам, для некоторых единиц можно предложить неисконные этимологические версии. Так, например, М. Фасмер для лексем **кадка**, **кадце** 'ручка цепа' предполагает, что первоначально это 'паз на конце держака, через который проходит ремень' [Фасмер, 2, 157], что повторяется в [ЭССЯ, 9]. Это, на наш взгляд, семантически вряд ли достоверно. Ср., например: **ка'ча** 'рукоятка цепа' Няндом., Каргоп. Арх. [ПЛГО]. **Ка'ця** 'то же' Каргоп. Арх. [ПЛГО]. **Ка'ца** «ручка цепа» Каргоп. (р. Онега, Лекшма, Ряговская вол., Кенозеро), Пудож. (Купецкое оз., Корбозеро) [Куликовский, 1898, 35], Вельск. Арх. [СРНГ, 13, 140]. **Ка'тца** «рукоятка у молотила» Шенк. Арх. [Опыт]. «Рукоять у молотила» Шенк. [Подвысоцкий, 1885, 64]. Вероятно, эти данные восходят к прибалтийско-финскому *käsi* 'рука', *käyttö* 'рукоятка' [SKES, 263], при морд. эрз. *каця* 'ручка цепа' [ЭРС, 241].

Проблема, решение которой определяет будущее любого атласа, – это разработка вопросника. Среди многих известных вопросников наиболее значительный был создан для «Лексического атласа русских народных говоров» под руководством И. А. Попова: «Программа для собирания сведений для ЛАРНГ», в которой при наличии 22 тем содержится всего 5821 вопрос; в том числе: Природа – 682; Человек (анатомические названия) – 109; Физические особенности человека, социальные отношения

– 231; Народная медицина – 150; Семья – 274; Народная духовная культура – 509; Трудовая деятельность – 1287; Крестьянское жилище – 681; Домашняя утварь – 163; Крестьянская одежда, обувь – 229; Питание – 250; Сухопутные пути сообщения, средства передвижения – 183; Водный транспорт – 103; Другие актуальные тематические группы – 174; Список слов для проверки их значений и географии – 796. Таким образом, при сетке обследования в 1064 единицы мы имеем весьма значительный уровень трудоемкости – $1064 \times 5821 = 6\ 193\ 544$ (единицы хранения). Наличие такого обширного вопросника уже на начальных этапах собирательской работы позволило значительно расширить знания о лексическом составе русских народных говоров, было зафиксировано немалое число слов, не известных ранее, в том числе и единиц неисконного происхождения: например, тау'к 'петух' Нижнекам. Казан. [ПЛГО], при татар. *этәч* 'петух'; *у'жбega 'иней'* Сегеж. (Дуброво) Карел. [ПЛГО], при кар. сев. *usva*, *ušva*, *užva* 'иней', 'очень легкий сухой снег', 'туман' [SKES, 1555], ливв. *udži*, *udžve* 'иней, изморозь', 'инистая мгла' [СКЯМ, 402], кар. твер. *užva* 'иней' [СКЯП, 320], люд. *udžve* 'иней', при саам. норв. *osve* 'мокрый, липкий снег', фин. *usva* 'туман, густой туман', 'толстый слой инея' [SKES, 1554–1555].

В региональных атласах лексике неисконного происхождения обычно уделяется большее внимание как при разработке картографической концепции, так и при презентации на страницах атласа. Вместе с тем в имеющихся диалектных региональных атласах довольно трудно выбрать темы карт, которые бы, априори, явились значимыми для лингвогеографической характеристики исследуемых говоров. Так, например, в «Лингвистическом атласе района озера Селигер» [ЛАРОС] представлены 45 карт, 5 из них посвящены произношению отдельных слов: № 5 еще, № 6 деревня, № 7 теперь, № 8 его, № 19 что; 15 карт посвящены лексике – № 31–45.

П. Н. Лизанец для сбора материала к «Атласу венгерских заимствований в украинских говорах Закарпатья» предлагает программу-вопросник, включающую в себя около 4000 вопросов, организованных в 29 тематических групп; причем автор на начальном этапе работы предполагал исследовать как украинские, так и

венгерские говоры, с тем чтобы более дифференцированно выявлять заимствования [Лизанец, 1975а, 638]. Его же «Атлас венгерских говоров Закарпатья» (сетка обследования насчитывает всего 36 населенных пунктов) на узкой территории также включает значительное число вопросов и карт [Лизанец, 1976, 1976а, 1992]. На наш взгляд, чем меньше территория обследования, тем большим числом вопросов должен оперировать коллектор, и, наоборот, при значительной территории следует выявлять ареалообразующие вопросы, с тем чтобы интерпретация полученных материалов не была на карте словарем.

Весьма специфический объект исследования – субстратный лингвистический ландшафт; одним из методов изучения лексического субстрата может быть полное лингвогеографическое обследование контактного региона, о важности которого неоднократно заявлялось на материале субстратной и заимствованной финно-угорской лексики в северорусских говорах и планировалось осуществить на материале унгаризмов в украинских говорах Карпатского ареала [Лизанец, 1975, 177–186].

Следует отметить, что опыт региональных лексических атласов в российской лингвогеографии не очень велик. Имеется основательный «Лексический атлас Московской области», в котором представлено 160 карт [Войтенко, 1991].

Лингвогеографическое обследование архангельских говоров было реализовано в таком уникальном труде Л. П. Комягиной, как «Лексический атлас Архангельской области» [ЛААО]. В нём представлено 198 карт, которые можно подразделить на 4 типа:

- 1) номинационные, в которых дана лексическая манифестация исследуемых концептов или реалий, где фигурирует и лексика финно-угорского происхождения;
- 2) ареально-семантические, где представляются распространение и значения слов, в том числе и финно-угорского происхождения;
- 3) ареальные карты, где отмечается наличие-отсутствие анализируемой лексемы в обследованных населенных пунктах;
- 4) лексико-словообразовательные карты, анализирующие словообразовательные инновации лексики с корневыми морфемами прибалтийско-финского происхождения.

Семантический тип карт в атласе не нашел отражения. Данный атлас является первой серьезной попыткой лингвогеографического обследования части Северо-Западного региона. Из всего представленного материала по данным 30 карт рассматриваются концепты, в основе которых лежит прибалтийско-финская лексическая манифестация, или описывается ареал прибалтийско-финского по происхождению слова.

Вместе с тем территория Архангельской области является всего лишь частью обширного северорусского континуума, где при сходстве географических, хозяйственных, социальных и прочих условий возможна реализация детального лингвогеографического исследования в региональном лексическом атласе русских говоров Северо-Западного региона. Территория обследования, кроме Архангельской области, могла бы включать также Вологодскую, Мурманскую, Ленинградскую, Новгородскую, Костромскую, Ивановскую, Ярославскую области и Республику Карелия. Кроме того, этот регион еще интересен тем, что является областью проявления на лексическом уровне иноязычного влияния в русских говорах, что также могло бы найти отражение в такой работе.

Исследования, в которых основная задача – показать специфику лексической манифестации генетически тождественных или сходных концептов, во многом должны отличаться от атласов, которые направлены на показ ареалов, образуемых исконной лексикой, и нередко игнорируют иноязычный материал, не включая его в перечень картографируемых лексем, поскольку он характеризуется единичными фиксациями. И заимствованный материал традиционно не представлялся для разработки его графического обозначения и фигурировал только в общем индексе [см.: ОЛА, 1988], хотя в 6-м выпуске (Домашнее хозяйство и приготовление пищи. Отв. ред. Т. И. Вендина) [OLA, 2007] уже представлено, например, некоторое число унгаризмов на словацкой территории.

Понятно, что тщательный показ данных с региональной спецификой возможен в атласах, ограничивающих территорию обследования по каким-либо критериям (оптимальным был бы выбор лингвистической базы такого ограничения).

Работа над исследованием финно-угорского субстрата на основе методов лингвистической географии показала перспективность

такого рода трудов и надежность выводов, осуществленных на этой базе при сборе и анализе лексического субстрата контактного региона. К настоящему времени автором данной статьи подготовлено 2-е издание «Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» [АСЗЛ, 2007]. К проблемам осмысления, дифференциации и идентификации типов прибалтийско-финского субстрата в северорусских говорах и определения более точных границ пермского воздействия, ранних саамских данных и т.п. добавились задачи выявления архаических ареалов прибалтийско-финского воздействия. Кроме того, в отношении результатов нашей работы весьма интересно их сопоставление с данными лингвогеографических исследований на материалах прибалтийско-финских языков. Так, например, возможен сравнительный анализ АСЗЛ и ALFE, где имеется несколько десятков карт, вопросы которых совпадают, хотя перед этими проектами стояли различные цели и задачи.

Так, например, на карте АСЗЛ «Голубика» представлено три гнезда: **гонобол-**, **голубел-**, **пьяник-**, **пьяниц-**.

Лексема **гонобо'ль** с вариантами широко распространена в русских говорах, лексемы **гонобо'бель** и **го'нобо'ль** помещаются также в словари русского литературного языка, хотя в ряде случаев и имеют помету – обл. В. А. Меркулова отмечает, что «широко распространенное название голубики **гонобобель** в формальном отношении стоит совершенно особняком в названиях ягод. Многочисленные варианты данного названия указывают на затмненность этимологических связей в слове: чаще всего встречается форма **гоноболь**, затем **гонобо'бель**, **гонобо'б**, **голобо'б**, **гонобо'й** [Меркулова, 1967, 223]. Она полагает, что центром, откуда происходит движение этого слова, следует считать псковско-новгородские говоры с их формой **гоноболь**, что подтверждается данными настоящего атласа. М. Фасмер находит, что слово **гоноболь** сложно по структуре, состоит из **гон** 'гнать' и **боль**, со значением 'вызывающий боль', так как при сборе голубики обычно кружится и болит голова от одуряющего запаха багульника, растущего вместе с ней [Фасмер, 1, 437; Меркулова, 1967, 223]. Слово **гонобо'ль**, как уже говорилось, по своему словообразовательному оформлению выделяется из всех других названий ягод. Меркулова полагает, что

вряд ли прав М. Фасмер, который считает эту форму табуистической, поскольку в названиях растений табуистическим заменам подвергались лишь наименования колдовских, магических растений, каковым голубика никогда не была [Меркулова, 1967, 223]. Косвенным доказательством того, что слово на русской почве не понятно, служат многочисленные искажения, которым оно подверглось в говорах, вплоть до установления совершенно случайных созвучий. Все эти факты как будто говорят о том, что на русской почве это слово неисконно. По мнению В. А. Меркуловой, в основе слова **гонобо'ль** лежит финский элемент, как и во многих других северорусских названиях ягод, и его вторая часть, вряд ли случайно совпадает с общефинским названием брусники. Она полагает, что именно вепсские и карельские формы легли в основу новгородско-псковского диалектизма и в первой части слова **гоно-бо'ль** лежит элемент со значением 'опьяняющий, одуряющий' [Меркулова, 167, 224]. При более детальной разработке этого слова отметим, что первая часть **гоно-** соотносится с вепс. *g'öñik*, ср. вепс. *g'öñikbarb* 'ветка голубики' [СВЯ, 99], при *g'öñikäine* 'голубика', в дословном переводе – 'пьяника' [СВЯ, 99]. Вторая часть – **бол**, очевидно, восходит к вепс. *bol* 'ягода вообще' [СВЯ, 46]. По данным SKES, прибалтийско-финское гнездо имеет общее финно-угорское происхождение: манс. *rol*, *ril* 'ягода', коми *pul*, *riu* 'брусника', эст. *poolas*, водск. *röllaz* 'брусника', фин. *puola* 'брусника' [SKES, 645], ливв. *buolu* 'брусника' [СКЯМ, 30], ижорск. *pöla* 'брусника' [IMS, 427], кар. твер. *buola* 'клюква' [KKS, 4, 507].

Лексема **голубе'ль**, вероятно, является результатом контаминационного переосмысления, попытки найти внутреннюю форму. Ее ареал – восток обследуемого региона, возможно, связан с более поздними миграционными процессами русского населения.

Лексемы **пьяни'ка**, **пья'ница**, вероятно, следует рассматривать как результат семантического калькирования, ср. вепс. *g'ömar* 'пьяница', *g'öñik* 'тот, кто пьет', ливв. *juomoi* 'голубика', при ливв. *juomari* 'пьющий, пьяница' [СКЯМ, 108]. Их ареал гдовские, прионежские говоры, а также территория юга Новгородской области.

Материалы ALFE по наименованиям голубики в прибалтийско-финских языках представлены на пяти картах. Одна из них мотивационная, в которой выделяется пять мотивационных основ: 1) по

форме – *pitkänomainen* 'продолговатый'; 2) по цвету – *väri* 'цвет'; 3) по опьяняющему действию; 4) по детерминанту 'собака' – *koira*; 5) по детерминанту 'конский волос' – *jouhi* [ALFE, 2, 449]. Оставил в стороне оценку выделения мотивационных основ, отметим, что ареал с корнем *juot-*, *juon-* 'пить' фиксируется в карельско-вепсских диалектах, смежных с русскими говорами, в которых отмечаются лексемы **пьяница**, **пьянина**. Таким образом, на уровне мотивационных основ подтверждается семантическое тождество карельско-вепсских и северорусских данных.

Весьма интересно сопоставить наименования красной смородины в АСЗЛ и ALFE, в материалах последнего имеются русские заимствования: *knäzitsä* – княжица, *smorodin* – смородина [ALFE, 2, 490]. Для водских, ижорских, ингерманландских, вепсских диалектов зафиксированы данные с корнем *s(i)est-*, нашедшие отражение в говорах Обонежья, Посвирья, Поволховья: **сестрени'ка** 'красная смородина' Подпорож. (Заозерье, Корба, Курпово, Пидьма, Согиницы, Ульино, Усланка, Шеменичи, Яндеба), Кондопож. (Тулгуба, Кулмукса), Прионеж. (Заозерье), Лодейнopol. (Тененичи, Янгиничи, Имоченицы) [ПЛГО]. Петрозав. (Косалма) [Куликовский, 1899]. **Сестряни'ка** 'красная смородина' Подпорож. (Шустручей) [ПЛГО]. **Сестря'ника** 'красная смородина' Подпорож. (Усланка) [ПЛГО]. **Сестрени'ца** 'красная смородина' Прионеж. (Ладва, Лехнаволок), Подпорож. (Юксовичи, Важины, Корпа, Ульино, Усланка, Шеменичи) [ПЛГО]. Лодейнopol. Олон. [Опыт]. Петрозав., Занежье [Куликовский]. **Сестре'ница** 'красная смородина' Подпорож. (Яровщина), Лодейнopol. (Акулова Гора, Алексовщина, Коковичи, Кяргино, Пирозеро, Тененичи), Тихв. (Куневичи, Новинка, Пильдеж Гора), Бокситогор. (Бочево, Мозолево), Любыйт. [ПЛГО]. **Сестрени'ца** 'красная смородина' Вытегор. Волог. **Сестрени'цы** 'красная смородина' Волх. (Рыбежно) Ленингр. [ПЛГО]. **Се'стреница** 'красная смородина' Любыйт. [ПЛГО]. **Се'стренница** 'красная смородина' Любыйт. (Подберезье) [КСРГК]. **Сестре'ница** «ягода красной смородины» Тихв. [НОС, 10, 48]. **Сестряни'ца** 'красная смородина' Вытегор. (Мегра, Бараново), Подпорож. (Мятусово) [КСРГК]. **Сестри'ница** 'красная смородина' Тихв. (Пяхта) [КСРНГ]. **Сестре'ницы** 'красная смородина' Тихв. [КСРГК]. **Сестри'нцы** 'красная смородина' Тихв. [КСРГК]. **Сестря'нка** 'красная

смородина' Бабаев. (Хорино), Вытегор. (Ивачево, Морозово) [КСРГК]. **Сестря'ники** 'красная смородина' Бабаев. (Верхний Конец) [КСРГК]. **Сестрёнка** 'красная смородина' Бабаев. [КСРГК]. **Сестре'нь** 'красная смородина' Тихв. (Пяхта, Сукса) [ПЛГО]. Я. Калима полагает, что в данном случае выступает вепсское заимствование – вепс. *s'estr'ikaine* 'красная смородина', при фин. *siestsra*, *siesteri*, фин. диал. юго-вост. *siesterläinen*, фин. диал. юго-зап. *siestarain*, *siestarainen*, люд. *sestroj*, эст. *sõstar* [Kalima, 1915, 216, 217]. Но и по ареалу распространения, и по схожести форм этимона у слова в русских говорах предпочтение вслед за Я. Калимой следует отдать вепсской этимологией. Авторы SKES полагают, что, кроме вепсской, речь может идти и о людиковской этимологии. Ср. люд. *sestroj* 'красная смородина', при эст. *sõstar*, морд. эрзя *tšukštorov*, мокш. *sukštəru* 'черная смородина', коми *setōr*, мар. *šepter*, *suter* [SSA, 3, 174]. Из эстонского языка слово было заимствовано латышским – латыш. *Zusteri*, *žusteri*, *zusteres*, *zustrenes* 'смородина' [SKES, 1010]. Современные вепсские материалы – вепс. *sestr'ikaine*, *sestrikäine* 'красная смородина' [СВЯ, 506] – идентичны материалам Я. Калимы. Распространение заимствования в сфере языкового влияния вепсского языка (Подпорожский, Вытегорский, Прионежский, Лодейнопольский, Бабаевский р-ны) подтверждают вепсскую этимологию.

В 3-м томе ALFE представлена карта № 211 «*karsia*, обрубать», на которой представлены глаголы со значением 'обрубать сучья с деревьев', распространенные во всех прибалтийско-финских языках, кроме южноэстонского и ливского [ALFE, 3, 60].

По нашим данным, лексема прибалтийско-финского происхождения широко представлена в северорусских говорах: **карза'ть** 'очищать от сучьев срубленное дерево' Любыт., Хвойнин., Крестец., Поддор., Мошен., Солец., Прионеж. (Машезеро), Окулов. (Висленев Остров, Сутоки) [ПЛГО]. Юго-вост. Арх. [ЛА-АО]; **ка'рзать** 'обрубать сучья, очищать от сучьев срубленное дерево' Лодейноп. (Акулова Гора, Алексовщина, Имоченицы). Тихв. (Верховье), Вытегор., Медвежьегор., Кем., Прионеж. (Педасельга) [ПЛГО]. **Ка'рзать** 'рубить лес, заготавливать дрова' Подпорож. (Косельга, Курпово, Пидьма, Ульино, Шеменичи) [ПЛГО]. **Ка'рза'ть** 'обрубать сучья у дерева' Пинеж. (Ёркино,

Нюхча) [Симина]. Ка'рзать 'обрубать сучья' Печор. [СРГНП, 1, 303]. Кроме того, зафиксировано довольно много дериватов. Я. Калима предлагает для этих данных вепсскую этимологию, ср. вепс. *karšta* 'обрубать сучья' [Kalima, 1915, 108]. К этой же версии склоняется М. Фасмер [Фасмер, 2, 199]. Ареал слова указывает на вепсско-карельские источники, ср. также кар. *karšie*, люд. *karžida* 'обрубать сучья, рубить деревья' [SKES, 165], вепс. *karstää*, *karš'a* 'обрубать сучья' [СВЯ, 182]. Эти прибалтийско-финские данные А. Е. Аникин сопоставляет с фин. *karstata* 'чесать шерсть' [Аникин, 2005, 164], однако они являются гетерогенными омонимами с балтийской этимологией, ср. фин. *karsta*, люд. *karste*, эст. *kaarsma*, ливск. *kar's'šə* 'чесать шерсть', при латыш. *kārst* 'то же', литов. *karšti* 'чесать шерсть, лен, чистить скребницей лошадь' [SKES, 166].

В ряде случаев субстратные русские диалектные данные расширяют ареал фиксации прибалтийско-финских материалов. Так, например, наименования морской водоросли отмечаются только на побережье Балтийского моря: эст. *haura*, *atru*, фин. *houter*, *houver*, *höyveri*, эст. сев. *tuda*, *lamu*, ижор. *natta*, *natt*, фин. *sonta*, фин. *turo* [ALFE, 2, 512]. По нашим данным, собранным для АСЗЛ, последняя лексема – *turo-*, имеет соответствия в северорусских говорах с широким распространением в Беломорье: **ту'ра** 'водоросли' Сегеж. (Валдай, Вожма Гора), Беломор. Карел., Онеж. Арх., Северомор., Кандалакш. (Княжая Губа), Терск. (Чаваньга) Мурман. [ПЛГО]; **тура'** 'водоросли' Кем., Терск., Северомор., Онеж. (Кянда), Беломор. (Соловозеро) [ПЛГО]. **Ту'ра** «всякий морской пороет» Арх. [Опыт]; **ту'ра** 'всякая морская поросль' Помор. [Подвысоцкий, 176]; **тура'** 'гниющие морские растения, выброшенные сильною погодою на берег' Арх. [Доп. Опыт]; **ту'ра** 'различные морские водоросли, выброшенные на берег прибоем морских волн' Беломор. [Дуров, 1929]; **ту'ра** 'бурые морские водоросли с водянистыми пузырьками' Ловозер. (Поной), Кандалакш. [Меркурьев, 1979, 164].

Погодин предлагает к слову **тура** 'водоросль' карельскую этимологию – кар. *tiura* 'водное растение, растущее по берегам Онежского озера'. Я. Калима полагает, что **тура** 'водоросль' восходит к фин. *turo* 'водное растение', но относится ли сюда же кар. *tiura* 'растение на Белом море с толстым корнем и широкими листьями,

ему не ясно [Погодин, 1904, 63; Калима, 1915, 228]. Авторы SKES, вслед за Я. Калимой, слово *тура* 'водное растение' возводят к фин. или кар., ср. фин. диал. *tura* 'пучок травы в воде', 'трава, растущая на сыром, заболоченном месте', 'вид водорослей', кар. сев. *tura* 'хлам, мусор' [SKES, 1418]. На наш взгляд, исходя из территории дистрибуции, лексема *тура* 'водоросли' восходит к кар. *tuura* (см. этимологию Погодина).

Ряд карт, представленных в ALFE, на русских диалектных данных показывает устойчивость людиковско-вепсского субстрата. На картах «*Sammakko, konn*, лягушка 130.1–130.3» [ALFE, 2, 170–172] презентируются лексемы: *sammakko, konna, löttö, skokuna, lekuska* и др. Причем следует отметить, что большинство вепсских лексем, обозначающих лягушку, получили разработку в ALFE, ср. вепс. *lötoi, kokši, lorakeine, löpei, лоc, löpshäne, samba* [СВЯ]. Для северновепсского ареала приводится единица *lopei*, средневепсского – *lötoi, löc, lopoi, lötei* [ALFE, 2, 172]. Русские данные в Обонежье, ср. ло'ттач 'лягушка' Прионеж. (Ялгуба, Суйсарь) [ПЛГО], Прионеж. [СРГК, 3, 152], восходят к вепс. *l'ötöi* 'лягушка' [СВЯ, 312; SKES, 2, 323], люд. *lotoi, löttöi* [LMS, 213], при кар. *löttö*, кар. твер. *l'öt'tö* [СКЯП, 152], ливв. *lötöi, löröi*, люд. *lotoi*, фин. *löddy* 'лягушка' [SKES, 323], ср. также ливв. *löpšöi* 'лягушка' [СКЯМ, 198], ливв. *šl'ötöi* 'лягушка' [СКЯМ, 364]. Ср. также топонимы **Лотталужа, Лётталужа**. Валд. (Полосы) Новг. [ПЛГО], которые являются результатом влияния языка тверских карел.

Таким образом, анализ тождественных вопросов «Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» [АСЗЛ] и «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков» [ALFE] показывает различные стороны результатов этноязыкового взаимодействия:

1. Сопоставление лексических данных позволяет уточнить или подтвердить этимологическую версию.
2. Сравнение ареалов лексического субстрата и материалов живых языков показывает нередко их дистантность в синхронии.

Весьма важно, что по некоторым финно-угорским языкам в России планируется или уже начата работа по созданию диалектологических атласов. Одним из таких проектов является

«Диалектологический атлас удмуртского языка» [ДАУЯ], в котором авторы, опираясь на опыт работы в «Лингвистическом атласе Европы», впервые предлагают лингвогеографическое описание удмуртских диалектов. Карта-основа состоит из 175 населенных опорных пунктов, при том, что материалы были получены из более чем 500. При создании вопросника для ДАУЯ авторы использовали следующие материалы: «Общеславянский лингвистический атлас» [Вопросник ОЛЯ, 1965], «Общекарпатский диалектологический атлас», «Лингвистический атлас Европы» и др. В целом вопросник содержит 2200 преимущественно ономасиологических вопросов. Обращение к славянским источникам, на наш взгляд, весьма оправданно, поскольку в удмуртских диалектах представлено довольно много русских заимствований, которые по ряду вопросов ДАУЯ дают многочисленные лексические манифестации. Так, например, наименования окна в удмуртских диалектах представлены следующими единицами: удм. *кос'ак*, *кочак*, *укно*, *у'но* [ДАУЯ, 215]; ср. русск. *диал. косявчатое окошечко* 'с косяками, в отличие от волокового' Олон., Мезен. Арх. 'общитое досками окно' Печор. Арх., Кирил. Новг. [СРНГ, 15, 96]. На карте «Улица» манифестируются только заимствованные данные: удм. *ул'ча*, *улс'а*, *улча* и *урам* (татар. *урам* 'улица'). Карта, посвященная общему названию леса, также отражает русские заимствования в удмуртском языке: удм. *ч'ач'ча*, *ч'ашиша*, *шач'ча*, *чашиша*, *т'ашиша*, *т'ашийя*, *чашийя* [ДАУЯ, 79], ср. русск. *чаща*.

Для анализа неисконной лексики говоров позднего заселения крайне важны материалы «Атласа русских народных говоров Волго-Камья». Для последнего экспедициями Казанского университета были обследованы населенные пункты Марийской АССР. Всего на территории восточной части Марийской АССР собран материал в 39 населенных пунктах. Авторы утверждают, что говоры на этой территории значительно отличаются от говоров соседних районов Татарской АССР [Бахмутова, 1955, 40].

Смежные регионы бассейна р. Волги были обследованы для «Атласа русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья», включившего территории Ульяновской, Самарской, Пензенской, Саратовской, Волгоградской областей – 605 населенных пунктов [Баранникова,

АРГСНП]. В этой работе представлено 39 карт², хотя составлено было значительно больше, и полный свод атласа насчитывает 180 карт. Карты атласа распределяются следующим образом: 12 фонетических карт (сделано 42), 2 грамматических карты (сделано 58). Значительное место в работе занимают лексические карты – 14 единиц: № 23 «Место под домом, хозяйственными постройками, садом, огородом»; № 24 «Название крестьянского дома»; № 25 «Название чердака»; № 26 «Название посуды, в которой растворяют тесто»; № 27 «Употребление слов ковш (ковщик), корец»; № 28 «Чем вынимают горшки из русской печи»; № 29 «Соотношение слов сковородник и чапельник (цапельник)»; № 30 «Название быка-производителя»; № 31 «Название петуха»; № 32 «Соотношение названий овцы с корнями ягн, кот»; № 33 «Корова мычит, ревет и т.п.»; № 34 «Собака лает, брешет»; № 35 «Диалектные названия льдин»; № 36 «Название вечернего собрания молодежи в помещении». Имеются также три семантические карты: № 37 «Диалектные слова со значением "говорить", "разговаривать"»; № 38 «Диалектные слова со значением "недавно"»; № 39 «Диалектные слова со значением "очень"».

Следует отметить, что на территории Среднего Поволжья (Республика Чувашия и Марий Эл) и ниже по течению р. Волги диалектный ландшафт представляет собой довольно пестрый конгломерат северо-, южно- и среднерусских говоров, что затрудняет их исследование и презентацию. Так, например, территория атласа юго-востока европейской части России, примыкающая к ней территория атласа Волго-Камья, представляет собой образец сосуществования диалектов с различной основой. По материалам X тома атласа русского языка, было обследовано 950 населенных пунктов, показывается доминирование говоров с южнорусской основой [Малаховский, 1955, 261].

Весьма интересно было проанализировать неисключную составляющую наших материалов [см.: Мызников, 2005], полученных в ходе полевых исследований в Среднем Поволжье. На основе анализа карты № 14 «Помещение для содержания скота» была предпринята попытка выяснения возможных лексических различий между

² В данной работе, как и во многих других региональных атласах, сбор материала был осуществлен по Программе ДАРЯ.

акающими говорами Чувашии и окающими Марий Эл. Полученные результаты подтвердили различие говоров этих территорий. В Чувашии фиксируются лексемы **конюшня**, **конюшник**, **конюшка**, которые отсутствуют в Марий Эл. И хотя на первый взгляд это гнездо имеет прозрачную мотивацию, относящуюся только к лошади, контексты свидетельствуют о том, что данные наименования соответствуют теме карты. Подтверждается это и лексикографическими источниками: ср. данные СРНГ: **коню'шня** «помещение (обычно утепленное) для скота» Лунин. Пенз., 1945–1950. Новг., Ленингр., Свердл., Заурал., Новосиб.; «помещение для крупного скота» Сарат., Курган., Киров., Калин., Том., Арм. ССР; «помещение для коров или мелкого скота» Пенз., Ворон. Ряз., Свердл., Том. [СРНГ, 14, 278]. Отмечается одно заимствование **карда**, отмечающееся в говорах обеих республик. Ср. также: **ка'рда** «скотный двор» Казан. (Арышхазда) [Будде, 1894, 32]; **ка'рда** широко представлено в регионе, ср. также данные СРНГ: **ка'рда** 'ограда из жердей вокруг огорода' Перм.; **ка'рды** «ограда из жердей, сделанная в поле» Челяб., 1930; **ка'рда** «скотный двор, баз, базок, варок, летнее стойло, загородье для скота» Оренб. [Даль]; **ка'рда** «огороженное место для дневного содержания скота» Козьмодемьян. Казан., 1849. Южн. Самар., Симб., Куйбыш., Тамб., Оренб., Уфим., Вост., Костром., Пенз., Вост. Мар. АССР, Челяб. Перм., Южн. Урал, Свердл. [СРНГ, 13, 84, 85]. Данный материал имеет соответствия как в тюркских, так и в финно-угорских языках, ср. чеш. *карта* «изгородь, загородь; хлев (не бревенчатый)», при татар. *кыртә*, башк. *картә* «изгородь, ограда; загородка; хлев» с возможной мотивацией на тюркской почве [Федотов, ЭСЧЯ, 1, 232]. Ср. также татар. *карды*, башк. *карзы* «загон для скота» [Исанбаев, 1989, 132]. Финно-угорский материал тоже обширен, ср. коми *карта* «хлев», «крестьянская надельная земля», коми удор. «часть дома, где находится дом с сеновалом», [ССКЗД, 149]. Вихман считает коми слово древним чешским заимствованием [Wichmann, 1903, 69]. Авторы КЭСКЯ рассматривают коми *карта* «дом, хозяйство» как заимствование из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *kartano* «двор, большое имение, усадьба» [КЭСКЯ, 118]; в последних это гнездо германского происхождения, ср. готск. *garda* «огороженное место для скота» [SSA, 1, 318]. Ф.П. Филин полагал, что «термин этот – заимствование из

мордовского (ср. морд. *кардаз*) и первоначально употреблялся в районах соприкосновения с мордовским населением, позже проник (отчасти) и на северо-восток» [Филин, 1936, 128]. Б.А. Серебренников относит морд. эрз. *кардаз* «двор» к лексемам балтийского происхождения, ср. литов. *gardas* «стойло, загородка» [Серебренников, 1965, 243], так же как и П. Аристе, который возводит к балтийским источникам морд. мокш. *карда* «хлев», эрз. *кардо* «то же» [Аристе, 1973, 3]. Бутылов сопносит мордовские данные мокш. *калдаз*, эрз. *кардаз* «скотный двор» с татарскими, ср. татар. *кардаз* «загон для скота» [Бутылов, 1998, 102; см. также: ДАРЯ 3, карты № 12–14; Мызников, 2005].

Весьма близок территориально и поэтому важен для анализа говоров Поволжско-Южноуральского региона труд З. П. Здобновой «Атлас русских говоров Башкирии» [АРГБ], в котором представлено 108 карт (78–106 лексические карты). Например, материалы карты «Названия косы» с манифестацией **лито'вка** на севере Башкирии, на наш взгляд, подтверждают отглагольную этимологическую версию. *Литовки таки же косы, только потолще. На косе написано: «литой стали»*. Ленингр. Том., Тобол., Новосиб., южн. р-ны Краснояр., Глубок. Вост.-Казах. [СРНГ, 17, 73]. «Коса-горбуша из литой стали», «не кованная домашними кузнецами» Онеж., 1931. «Коса-горбуша, сделанная из особого сорта железа» Краснобор. Арх., 1957 [СРНГ, 17, 73]. **Лито'вка** «коса с длинной прямой рукоятью, обычно отлитая из стали» Кирилл. *Коса простая и коса литовка, эти простые косы дома ковали в кузнице, а литовки покупали, они востры*. Медвежьегор. Белом., Вашк., Каргоп., Кондоп., Плесец., Прионеж., Сланц., Терск., Тихв., Устюжен., Черепов. [СРГК, 3, 130–131]. Как видно из иллюстраций, доминирует мотивация – литой, из литой стали, в отличие от предшествующих кованых кос. Отмечается главное отличие **литовки** от горбушки – длинная рукоять, позволявшая косцу делать значительный размах и срезать траву широкой полосой. Ею косили траву, некоторые зерновые культуры. Нож литовки был слегка изогнутым. Примерно на середине рукоятки имелось приспособление – палец или круглая рукоять для упора правой руки (левая рука косца держала верхний конец рукояти). Подобные косы, сначала кузнечной, а потом и фабричной работы, были широко распространены по всей России. Косы делались из **литой** либо тигельной стали [Гвоздева, 2000, 145].

Вероятно, предположение о связи с этнонимом не имеет оснований. Хотя в ряде случаев такого рода наименования имеют место, например, у эстонцев в последние десятилетия XIX в. на полях крестьянских хозяйств в качестве нового орудия труда стала распространяться полукоса с грабельками с названием эст. *läti vikat* «латышская коса», которая была однотипной с латышской и северолитовской, однако она предназначалась для скашивания зерновых [Ягосильд, 1975, 59]. См. также о белорусской косе [Сережпутовский, 1910, 59], о большой немецкой косе (*grosse deutsche Harken*, *grosse deutsche Sense*) [Воманн, 1927, 137].

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ данных различных лингвогеографических трудов позволяет весьма детально проанализировать неискованные материалы контактных ареалов, провести верификацию этимологических версий, проверить правильную заданность некоторых вопросов программы.

ЛИТЕРАТУРА И СОКРАЩЕНИЯ

Аникин А. Е. Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск, 2005.

Аристе П. Вопрос о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках // Вопросы мариийского языкоznания. Вып. III. Йошкар-Ола, 1973.

АРНГЦВ – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.

АРГБ – Здобнова З. П. Атлас русских говоров Башкирии. В 2-х частях. Издание четвертое. Уфа: Гилем, 2008.

АРГСНП – Баранникова Л. И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, 2000.

АСЗЛ – Мызников С.А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд. СПб: Наука, 2007.

Бахмутова Е.К. Атлас русских говоров Волго-Камья (Постановка проблемы. История ее научной разработки) // Ученые записки Казанского гос. университета. Т. 115, кн. 9. Казань, 1955.

Бернштейн С.Б. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. Сб. ст. М., 2000.

Будде Е.Ф. Главнейшие черты народного говора в Казанской губернии // Оттиск из «Русского Филологического Вестника». Варшава, 1894.

Бутылов Н. В. Тюркские заимствования в мордовских языках. Дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1998.

ВЛАВЯ – Вопросник по собиранию материала для Лингвистического атласа вепсского языка. Петрозаводск, 2012.

Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991.

ВОЛА – Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М.: Наука, 1965.

Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3–45.

ВСИ – Восточнославянские изоглоссы / Отв. ред. Т.В. Попова. Вып. 1–4. М.: Наука, 1995–2006.

Гвоздева Ж. В. Коллекция орудий жатвы и косьбы в фондах музея-заповедника «Кижи» // Кижский вестник. № 5. Петрозаводск, 2000.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. 1–4. М.; СПб, 1880–1882.

ДАРЯ 1 – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I: Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986.

ДАРЯ 3 – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 3. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. М., 1996.

ДАУЯ – Насибуллин Р. Ш., Максимов С.А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. I, II. Ижевск, 2009–2010.

Доп. Опыт – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб, 1858.

Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / Под ред. и с дополнениями Н. Виноградова. Соловки, 1929.

Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч.1 (Татарские и башкирские заимствования). Йошкар-Ола, 1989.

КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в Словарном кабинете им. Б. А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).

КСРНГ – Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в Словарном отделе ИЛИ РАН).

Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб, 1898.

Куликовский Г. И. Дополнение к Словарю Олонецкого областного наречия // Этнографическое обозрение. №1, 2. 1899.

КЭСКЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

ЛААО – *Комягина Л. П.* Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.

ЛАРОС – *Мальцев М. Д., Филин Ф. П.* Лингвистический атлас района озера Селигер. М.: Л., 1949.

Лизанец, 1975 – *Лизанец П. Н.* Лингвогеографический аспект в исследованиях лексических заимствований в украинских говорах Карпатского ареала // Труды по финно-угроведению. Тарту, 1975.

Лизанец, 1975a – *Лизанец П. Н.* Принципы построения лингвистического атласа венгерских заимствований в украинских говорах Закарпатья // Congressus Tertius internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Acta linguistica. Tallinn, 1975.

Лизанец, 1976 – *Лизанец П. Н.* Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгерско-украинские межъязыковые связи. Будапешт, 1976.

Лизанец, 1976a – *Лизанец П. Н.* Атлас лексичних мадяризмів та їх відповідників в українських говорах Закарпатської області УРСР. Ужгород, 1976.

Лизанец *П. Н.* Атлас венгерских говоров Закарпатья. Т. 1. Будапешт, 1992.

Малаховский *В. А.* Несколько поправок к диалектологической карте русского языка // Ученые записки Куйбышевского гос. пед. института. Вып. 13. 1955.

Меркулова *В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.

Меркурьев *И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.

Мызников *С. А.* Русские говоры Среднего Поволжья: Республика Чувашия, Марий Эл. СПб, 2005.

НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.

ОКДА – Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М.: Наука, 1981.

ОЛА, 1988 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. М., 1988.

ОЛА, 2007 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи. М., 2007.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб, 1852.

ПЛГО – Материалы полевых лингвогеографических обследований автора.

Погодин *А. Л.* Северорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 4. 1904.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб, 1885.

Попов И. А. Лексический атлас русских народных говоров [проспект] / Ред. Ф. П. Филин. Л., 1974.

Программа ДАРЯ – Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка (© ИРЯ РАН 2005 г. Электронная версия – И. И. Исаев, Л. Б. Матхеева).

Программа ДАКЯ – Бубрих Д. В. Программа по собиранию материала для Диалектологического атласа карельского языка. Второе издание, дополненное при участии Н. А. Анисимова, Е. Н. Симаковой, Н. И. Богданова. Петрозаводск, 1946.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

Серебренников Б. А. Об окраинных диалектах и говорах коми языка // Советское финно-угроведение. 1965. I.

Сержпутовский А. К. Земледельческие орудия Белорусского Полесья // Материалы по этнографии России. I. СПб, 1910.

Симина – Картотека пинежских говоров, собранная под руководством Г. Я. Симиной (хранится в ИЛИ РАН).

СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвицкий диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

СКЯП – Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

СОСД – Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб, 1994–2005.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб, 2003–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. 1–44. Л., СПб, 1965–2011.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 1–4. М., 1964–1973.

Федотов, ЭСЧЯ – Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.

Филин Ф. П. Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии // Труды Института языка и мышления им. Н. Я. Мара. VI. Серия Slavica. № 1. М.; Л., 1936.

Финско-русский словарь / Под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. Таллинн, 1996.

ЭРС – Эрзянско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М., 1993.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачова. Вып. 1–37. М., 1974–2011.

ЭСЧЯ – Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Яягосильд Э.К. Уборка ржи в Эстонии (конец XIX – начало XX века) // Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М.: Hayka, 1975.

ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum – Itämerensuomalainen kielikartasto. I–III. Helsinki, 2004–2010.

Bomann W. Bäurliches Hauswesen und Tagewerk im alten Niedersachsen. Weimar, 1927.

EONDS – Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog. Oslo, 1999.

EWD – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. I–III. Berlin, 1989.

Fraehkel E. Litausches etymologisches Wörterbuch. T. 1–2. Heidelberg, 1962–1965.

IMS – Inkeroismurteiden sanakirja / Toimit. R. E. Nirvi // Lexica societatis fенно-ugricae. XVIII. Helsinki, 1971.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. I–V. Helsinki, 1968–1997.

Kyselysarja – Kyselysarja Itämerensuomalainen kielikartasto. Helsinki, 1989.

Lizanec P. N. Magyar-ukrán nyelvi kapcsolatok. A kárpátontúli ukrán nyelvjárások anyaga alapján. Uzshorod, 1970.

LMS – Lyydiläismurteiden sanakirja / Ainekset keränneet Kai Donner, Jalo Kalima, Lauri Kettunen, Juho Kujola, Heikki Ojansuu, Elvi Pakarinen, Y. H. Toivonen ja E. A. Tunkelo. Toimittanut ja julkaisut Juho Kujola. Helsinki, 1944.

Mokany Sándor. Egy szóföldrazi kötet anyagának tanulságos vallomása. Balogh Lajos (felelős szerkesztő), Bańczerowski Janusz, Posgay Ildikó: Karpat nyelvatalasz, VI kötet. Budapest, 2001, Tinta Könyvkiadó, 216. o, 89 térkép // Nyelvtudomány I (2005).

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII // Lexica societatis fенно-ugristarum. XII. Helsinki, 1955–1981.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. I–III // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. 556. Helsinki, 1992–2000.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // MSFO. 21. Helsingfors, 1903.

ТРАДИЦИЯ ПРИЧИТЫВАНИЯ У РАЗНЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ГРУПП ВЕПСОВ (лингвистический аспект)¹

Причитания, плачи в прошлом являлись неотъемлемой частью жизни вепсского народа. Они сопровождали основные этапы обрядов семейного цикла – свадебный обряд и погребально-поминальные ритуалы. Записи рекрутских причитаний немногочисленны – плач при провожании сына на службу в царскую армию [Setälä, Kala, 1951, 539–541], проводы сына на войну [Väisänen, 1916, N 1]. Даже эти редкие записи, а также свидетельства информантов говорят о том, что данная плачевая традиция у вепсов существовала. Из внеобрядовых или причитаний «по случаю», зафиксированных у вепсов, можно назвать «прощание с родным домом», «плач по родной стороне», связанные с вынужденным переселением из деревень в 50-гг. XX в., плач девушки при провожании сестры, уезжающей в город [Väisänen, 1916, 72], плач матери о сыне, который ушел работать в колхоз [Kettunen, Siro, 1935, 15–16].

Локальные традиции причитывания у вепсов в целом совпадают с диалектными группами, поскольку обнаруживаются различия на уровне текстов. Эстонский фольклорист Кристи Салве отмечает, что восточные и оятские вепсы образуют одну традицию и имеют наибольшие отличия от северных вепсов [Salve, 2000, 246]. В музыкальном аспекте исследователи высказывают предположение «о типологическом сходстве ритмической стороны причитаний средних и северных вепсов» [Курагина, 1982, 33].

В. П. Кузнецова отмечает, что традиции свадебного причитывания северных вепсов близки к северорусским. Они переняли свадебные причитания на русском языке с исконными образами, мотивами и стилевыми оборотами [Кузнецова, 1993, 166–167]. Финский исследователь А. Турунен, опираясь на материал, записанный

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта «Лингвистический атлас вепсского языка»: РГНФ 2012–2014, № 12-04-00081.

в конце 30-х – начале 40-х гг. в XX в. у северных вепсов, отмечал, что причитания – это как стихи свободного размера, которые передают глубочайшие чувства оплакивающего, ничего не скрывая. По сравнению с богатой образностью карельских причитаний вепсские, по мнению А. Турунена, более просты [Turunen, 1943, 164]. Приведем небольшой отрывок из похоронного плача, записанного им в д. Шокша (северновепс.):

*Ei ole milei nüguni mamad, lopihe mämm.
Ei ole nüguni kenenno käuda,
keda minä varastaškanden,
ei ni ken tule rižamaha mindei* [Turunen, 1943, 163].

Нет у меня теперь мамы, умерла мама.

Не к кому теперь ходить,
кого я теперь буду ждать,
никто не придет проводать меня.

Исследователи задаются вопросом, почему же традиция северной группы вепсов стоит особняком. Занимаясь феноменом русской песни у вепсов, музыкoved В. Лапин отмечает, что лирические песни, бытующие у северных вепсов, «остальным вепсам почти не известны» [Лапин, 1977, 207]. Такие различия в традиционной культуре могут объясняться значительным удалением территории северных вепсов от основных вепсских районов.

Причитания у северных вепсов примерно с 1970-х фиксировались лишь на русском языке. У средних вепсов похоронные плачи бытуют до сегодняшнего дня и исполняются на вепсском языке. Свадебные причитания невесты и ее родственников звучали на вепсском языке, а причитывать плакальщицы могли и по-русски.

В статье З. П. Малиновской, основанной на материале экспедиций 1926–1927 гг. по вепсским деревням Лодейнопольского уезда Ленинградской губернии, отмечено, что «во всех чухарских обществах, с большим или меньшим преобладанием чудского языка, некоторые виды народного творчества, как долгие песни и преобладающее большинство частушек, поются по-русски. Но все сказки, свадебные и похоронные причиты, заговоры, значительная часть загадок и пословиц, все это выполняется на чудском языке» [Малиновская, 1930, 166–167].

Опираясь на материал, собранный за последнюю четверть XX в. эстонскими фольклористами, М. Йоалайд делает вывод о том, что «лучше всего прочтание сохранилось у южных и оятских вепсов, т.е. у вепсов Ленинградской области» [Йоалайд, 1997, 17].

По нашим наблюдениям, основанным на анализе материалов из фонограмм архива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, фонотеки Петрозаводской консерватории им. А. К. Глазунова, фольклорных архивов Литературного музея Эстонии и Литературного общества Финляндии, а также сборников образцов речи, в языковом плане более развита традиция у средних вепсов, представителей как западного, так и восточного говора. Северновепсские причитания наибольшим образом отличаются, вероятнее всего, не получив своего развития, поэтому и записей на северновепсском диалекте меньше, соответственно средневепсская традиция представлена большим количеством текстов.

Причтание представляет собой импровизацию, поэтому многое зависит от таланта исполнителя. Создаваемый в момент исполнения текст плача строится в том числе и с помощью традиционных формульных образований. Анализ лексического строя вепсских причитаний позволил обнаружить языковые особенности, характеризующие данный жанр фольклора. Основным видом традиционных формул вепсских причитаний являются конструкции с эпитетом или атрибутивные словосочетания. Приведем примеры таких сочетаний:

средневепсская традиция: *libed linduine* «милая пташечка», *izo ikneine* «милое окошечко», *käbed kägoihut* «красивая кукушечка», *korged kodine* «высокий домик», *avarod armod* «(широкие) большие ласки», *paksud pagineized* «частые разговорчики», *veraz vilu randeine* «чужой холодный бережок», *kalliz kanzeine* «дорогая семеюшка», *sulad susedeized* «милые соседушки» и др.;

южновепсская традиция: *korged gornicaane* «высокая горница», *läm pezaane* «теплое гнездышко» (о родительском доме в свадебных плачах), *käbed krasaane* «красная красотушка», *vaaged vaadaane* «белая волюшка», *veraz vilu röönaane (röunaane)* «чужая холодная сторонушка», *čomad kedmad radoožed* «хорошие легкие работушки» и др.;

северновепсская традиция: *vol'nii valdaine* «вольная волюшка», *veraz mahut* «чужая земелюшка».

Для жанра причитаний, теснейшим образом связанного с семейно-обрядовым комплексом, одна из наиболее важных тематических групп – это термины родства и их иносказательные именования. Система иносказательных именований или «метафорических замен» терминов родства не получила такого широкого развития в вепсской причети, как в традиции некоторых других близкородственных народов, и эти замены нередко могут выступать в качестве поэтического повтора к прямым именованиям, но все же она существует и у нее свои особенности. Отлагольную основу имеют две замены: *kandjaihudem* «(меня) выносившая, мать» (< *kantta* «носить»), *kazvatajaizem* «(меня) вырастивший (вырастивший), отец, (редко – «мать») (< *kazvatada* «растить, вырастить»). Неразвитость системы подобных замен в вепсской традиции по сравнению с карельской или ижорской некоторые исследователи объясняют возможной «архаической ступенью в истории развития соответствующего поэтического явления» [Салве, 1986, 263].

Необходимо оговориться, что при образовании таких лексем в основе лежит не чистая метафора, но за подобными лексическими образованиями (отлагольными существительными) уже закрепилось терминологическое значение в научной литературе и именуется как «метафорическая замена» [см.: Степанова, 1985]. Данная отлагольная основа замены обнаруживается в причети большинства прибалтийско-финских народов: в ижор. *kantajani* [Nenola, 2002, 50], *kantajaiseen* «носившая», в вод. *kantajöizöni* «выносившая», в кар. *kantaja* «выносившая», *kalliz kandajazeni* «моя дорогая выносившая» [Степанова, 2003, 130–135], в причитаниях сету: *kandja* [Sarv, 2000, 133]. В эстонских народных песнях поэтический синоним к слову «мать» *kandja* – «беременная» [Пээгель, 1970, 199].

Традиционная замена *kandjaihudem* «(меня) выносившая» характерна для средневепсской традиции с различными вариантами: *kandjeihudem*, *kandeihudem*, *kandjoihudem*, *kandoihudem*, *kan'g'oihudem*, *kandeihut*. В тексте плача используется с постоянным эпитетом *kalliz* «дорогая, дорогой», подобранным с учетом аллитерации (д. Пелдуши, средневепс.):

*Tulin minä, kalliz kandjaihudem, sinun korktale koumaižele
alendamha surid abodoid i surid kručinoid* [OBP, 1969, 101].

Пришла я, дорогая меня выносившая, на твою высокую могилку
поделиться большими обидами и большими кручинами.

Именование *kalliz kandjaihudem* «дорогая моя выносившая» закрепилось как устойчивое сочетание языка вепсских плачей. Оно выражает одну из главных функций матери. Данная формула часто употребляется вместе с прямым термином:

Kalliz sinä kandeihudem, rodimi roditel' mamoihudem «дорогая ты моя выносившая, родимая родительница матушка».

В южновепсских и северновепсских текстах используют прямой термин родства с ласкательными эпитетами:

южновепс.: *setäi mamkoohut* «милая матушка», *laskaa mamkoo (mamkoone)* «ласковая матушка»;

северновепс.: *armaz matuško* «любимая матушка», *roditel'-matuško* «родительница-матушка».

Именование отца *kalliz kazvatajaižem* «дорогой (меня) вырастивший» свойственно также лишь традиции средних вепсов.

Невеста обращается к отцу (д. Пелдуши, средневепс.):

*Kalliz sinä da kazvatajaižem, kut sinä racitiđ
poručita minun vouktan voudeižen-se, krasnijan da krasoteižen-se?*
*Kalliz sinä da kazvatajaižem-se, sinä kazvatid' i libutid'
i kahtenkümnen volhan da voduden-se.*

Дорогой мой, меня вырастивший, как ты смог
поручить мою белую волюшку, красную красотушку-то?

Дорогой мой, меня вырастивший, ты растил и поднимал
двадцать трудных да годочеков-то [Вепсские причитания, 2012, 54–56].

Традиционная формула *libed linduine* «милая птичка, пташечка» в текстах вепсских плачей употребляется в качестве иносказательного именования нескольких терминов родства семантической группы «дети» (дочь, сын, внук, племянник и т. д.), в свадебных плачах это девушка-невеста.

Плач матери над гробом сына (д. Мягозеро, средневепс.):

*Libed linduižem da sokol sorzeižem,
aveida-ške ičiiž veslad sil'meižed,
pehmeta-ške ičiiž laskou kelüt-se,
sanu-ške sinä ičiiž kal'hele kandjehudele laskou vaihut-se.
Da libed linduižem minun, da uže-ske vuu minä sindei
puitein' lodeižoitta, puitein' pagištoitta.
Jäl'gmeižen kerdeižen sinun, libed linduižem, rožaižele kacuhtan.*

Моя милая пташечка, моя милая уточка,
открой свои веселые глазки,
размягчи свой ласковый язычок,
скажи ты своей дорогой тебя выносившей ласковое слово.
Да милая пташечка моя, погоди еще я тебя
попробую разговорить, попробую разбеседовать.
Последний разочек на твое, милая пташечка, лицико посмотрю
[Вепсские причитания, 2012, 174–175].

Средневепсскому варианту *libed linduine*, при обращении употребляемому с притяжательным суффиксом *linduižem*, соответствует южновепсское сочетание *libed lindūne*, так как в части говоров южновепсского диалекта на месте дифтонгов на -i: *ai* > *ā*, *ui* > *ū* и др. (далее первого слога) фиксируются долгие гласные [Tunkelo, 1946, 436; Зайцева, 1981, 306–307].

Постоянный эпитет подобран с учетом аллитерации: *libed* «милый, милая», дословно «скользкий», потому как важной функцией эпитета было соблюдение принципа единоначатия с существительным (*libed linduine*). В словосочетании эпитет приобретал эмоционально-положительное значение. В южновепсских текстах к основному эпитету добавляется определение в форме participa, которое также поддерживает аллитерацию: **lendiad libedad linduužed** – «летеющие (порхающие) милые пташечки».

Плач по мужу (д. Радогощь, южновепс.):

*Oi mindaan jo raakood, midäk melen lib ouda sinutaaž
ii kedamu mileen' želoota lib, ii kedamu mileen' radooziid' rata sinutaaž,
i midäk mä kazvatan lendiad libedad linduužed
i siratad i gorkeiad i sötiätä tatkoota.*

Ой, меня бедную, как же мне придется быть без тебя,
некому будет пожалеть меня, не с кем мне работушек работать без тебя,
и как я выращу летающих милых пташечек
и сирот и горемык и без кормильца отца [Väisänen, 1916, N 113].

В северновепсских текстах рассматриваемое сочетание не встречается, для упоминания детей используют прямые термины родства: *poigaine* «сыночек», *tütrine*, *tütrud* «доченька», *lapsuded* «детушки».

Характерной особенностью использования глаголов в текстах вепсских причитаний является стремление к образованию синонимичных пар. Приведем в качестве примера отрывок из свадебного плача. Невеста оставляет свою «волюшку» (д. Ладва, средневепс.):

I oi, ved' i unohtin kuna i pästan i jätan-se, i čomale i kalhele pordhaižele-se, okha-ske hän sigä krasuiše i likuiše.
I oi, ved' fatimoi i zdogadimoi – ka ii sija hänele ole sigä, i mändas i nored i veslad da viikoihuded-se teravide da adreižideke-ni, kalhil da stanovijoil' heboižil-ni, i segoitadas male keskhe minun vouktan voudeižen-se, krasnijan da krasoteižen-se.
I užeske vuu valičen i viberin minä tahožen, i čomale tazole da nitüižele.
Okha-ske hän sigä krasuiše i likuiše minun gor'o-gor'ki vouged voudeine [Вепсские причитания, 2012, 91].

И ой, ведь позабыла, куда и отпустила и оставила, и на красивое дорогое крылечко, пусть она там красуется и ликуется.
И ой, ведь спохватилась и догадалась – ведь не место ей там, и пойдут и молодые и веселые да братцы с острыми плугами-то, на дорогих лошадках-то, и смешают с землей мою белую волюшку-то, красную да красотушку-то.
И погоди-ка я еще выберу и присмотрю местечко, и на красивый ровный лужок, пусть-ка она там красуется и ликуется, моя горе-горькая белая волюшка.

Рассмотрим подробнее глагольную пару **keratas** i **kogotas** «собраться и сподобиться», являющуюся традиционной языковой формулой для похоронных плачей южных и средних вепсов. Так иносказательно говорится о факте смерти (слова «умереть», «смерть» в причитаниях не употребляются). Обращаясь к умершему, говорят, что он «собрался» уходить из этого мира.

Плач над гробом умершей сестры (д. Немжа, средневепс.):

Setei sinä minun laskou čikuško, sinä kerazitoi i kogozitoi äjou aigalizuu homencuduui-se [Фон. ПГК, № 313/8005].

Милая ты моя сестрица,
ты собралась и сподобилась в очень раннее утро.

Мать плачет по дочери (д. Радогощь, южновепс.):

*Laskāi jo sā tütrīne,
kerazīte i kogozīte vestitōmale rönäzīle.* [Väisänen, 1916, N 113].

Ласковая доченька,
Собралась и сподобилась на безвестную сторонушку.

Krasuidas i likuidas «красоваться и веселиться» – традиционная формула свадебных причитаний, используемая в мотиве прощения с девичьей «белой волюшкой», где невеста в последний раз красуется. «Красование» – обряд перед свадьбой.

Невеста причитывает накануне свадьбы (д. Подовинники, средневепс.):

*Minā krasuimoi i likuimoi ičiin dubovijou da laveižuu-se
rodimijoide roditel'noi čomas da čogeizēs-se* [OBP, 1969, 37].

Я красуюсь на своем дубовом да на полу
у родимых родителей в красивом уголочке.

Возвратный глагол *krasuidas* используется лишь в языке свадебных причитаний и берет истоки из русской традиции. Свойственный также лишь языку плачей глагол *likuidas* переводят по смыслу и ощущениям как «радоваться» [СВЯ, 233], «веселиться» [OBP, 1969, 98], «ликовать» [OBP, 1969, 38]. Возможно, с последним вариантом связано появление слова в вепсскоязычных произведениях.

В южновепсской традиции паре *krasuidas i likuidas* соответствует *krasuidas i vol'uidas* «красоваться и волеваться» (< рус. «воля», «быть на своей волюшке»). Этот фольклорного происхождения глагол удачно передает смысл обрядовых действий – накануне свадьбы невеста в последний раз красуется перед собравшимися, она еще в своей девичей волюшке, но с которой расстается. Пример из плача невесты (д. Белое Озеро, южновепс.):

*Jäl'gmäčen kerdāžen krasuime i vol'uime,
mä sädīme i ladīme ičēn käbedīhe krasāžīhe, ičēn sinižīhe sädōžīhe* [OBP, 1969, 257].

Последний разочек красуюсь и волююсь,
я оделась и нарядилась в свои красные красотушки, в свои синие наряды.

Глаголы образуют традиционные устойчивые сочетания, выраженные синонимичными парами, которые несут закрепленную смысловую нагрузку. Среди глагольных форм языка причитаний могут встречаться не свойственные разговорному языку фольклорные образования. Насыщенность текста глаголами разного типа, объединенных в том числе в пары-биноны, является характерной чертой языка вепсских обрядовых причитаний. Это присуще средне- и южновепсской традициям и крайне редко встречается в северновепсских текстах.

Одним из основных и, как принято считать, архаичных выразительных средств вепсских причитаний является аллитерация, или начальное созвучие. Использование аллитерации усиливает звуковую и интонационную выразительность произведения. В силу импровизационности жанра многое зависит от таланта исполнителя. Аллитерация как одно из изобразительно-выразительных средств, характерных устнopoэтическим произведениям прибалтийско-финских народов, присуща и вепсским причитаниям. Наибольшее распространение она получила в сочетаниях с эпитетами, где, без сомнения, оказывает влияние на выбор последних. Аллитерируемые словосочетания легче запоминались и закреплялись в традиции, становясь традиционными формулами.

Примеры из южновепсских текстов:

käbed krasaane «красная красотушка», *vaaged vaadaane* «белая волюшка», *paštaa päivoohut* «светлое солнышко», *tundmatomad tropaazed* «неизвестные тропиночки».

Средневепсский диалект: *libed linduine* «милая пташечка», *vouged vroudeine* (западный говор), *vauged vaudaine* (восточный говор) «белая волюшка», *tedmatomad tesarad* «незнакомые перекрестьки», *avarod abidod* «большие (обширные) обиды» и др.

Начальное созвучие проявляется и в более длинных конструкциях, где и глагол подбирался с учетом аллитерации. Как показал материал, по характеристике интенсивности превалирует сильная аллитерация.

Далее посмотрим, как представлена аллитерация в тексте плача на примере двух отрывков из свадебных причитаний южно- и средневепсской традиций.

Плач невесты перед свадьбой (д. Белое Озеро, южновепс.):

*Tulob čoma käbed kevadoo, käbed kezaan'e,
paštaškandob paštaa päivoohut, jokšeškatas jokšad joguded, jokšad
ojaazed,
lendaškandob lendaa libed linduine, käbed kägoohut,*

*lendab alhašti, ištuse ani lähäšti,
kukkuškandob ani abidašti,
johtutagat mindaan', norikaašt' i glupaašt' viherad heinad.
Mä verhaa viluu röönaažoo šuštunu i kattenu,
ii kedamu ni basistada, ii kedamu ni papatahtas kibedid' kibuzid',
abidid' aigaažid', tuskid' kuroožid', karttid' pordoožid'
[Ф/архив ИЯЛИ КарНЦ РАН, № 686/3].*

Придет красивая красная весна, красное летечко,
засветит ясное солнышко, побегут быстрые реченьки, быстрые ручейки,
полетит, паря, милая птичка, красная кукушечка,
полетит низко, сядет совсем близко,
закукует очень тоскливо,
вспомните меня, молодую и глупую зеленую травинку.
Я на чужой холодной сторонке устала и утомилась,
не с кем поговорить, не с кем поболтать о больных болях,
о горестных временах, о тоскливых часочках, о горьких минуточках.

Плач невесты перед родственниками при расчесывании косы
(д. Пелдуши, средневепс.):

*Nägen, mišto tarbi eragata verhile viluile randaizile.
Sigä ii veseliškakoi minun vouktad voudašt, krasnijad krasotašt.
Sigä virkaškatas viluil' da vahuzil'-ni.
Valataškanden minä ičein' tazon da rožaižen kibedil' kündluzil'.
Li tarbi minei tehta veslad vedut tazon rožaižen pestes [OBP, 1969, 99–101].*
Вижу, что нужно расстаться [и уехать]
на чужую холодную сторонушку.
Там не повеселят мою белую волюшку,
красную красотушку.
Там будут говорить холодными да словечками.
Оболью я свое гладкое да лицико горючими слезами,
не надо мне веселой водички для умывания гладкого лица.

Это красивейшее выразительное средство, практически, не встречается в притчтании северных вепсов. Для наглядности приведем отрывок из плача невесты в день свадьбы (с. Шелтозеро, северновепс.):

*Tänambeizel päivaižel om milei-d'o svad'baine,
kogozihе kaik minun rodn'aine.
Milei vaise üht ii täudu bat'uškod-se rodnijad.*

*Armhad tö minun kaik lähelized, armhad tö minun susedaižed,
avaikat tö mili dorogaine, avaikat-že tö mili putine:
ik tiideke tulnu minun bat'uškod, ik hän mindei blaslovi d'umalal? [MRF,
2000, 79–80].*

В сегодняшний денечек у меня уже свадьба,
собралась вся моя родня.

Не хватает одного батюшки родного.

Любимые вы все мои родственники, любимые вы мои соседушки,
откройте вы мне дороженьку, откройте же вы мне путь:
не пришел ли с вами мой батюшка, не благословит ли он меня иконой?

Итак, в данной статье мы обратились к использованию в разных локальных традициях нескольких основных особенностей языка, маркирующих стиль вепсских причитаний. Отглагольные иносказательные именования терминов родства, характерные для прибалтийско-финской плачевой традиции, встречаются в текстах, записанных у средних вепсов. Для южновепсской и северновепсской традиции это не свойственно. Также лишь в текстах на средневепсском диалекте встречается употребление древнего притяжательного суффикса *-т*. Широкое использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, призванных оказывать эмоциональное воздействие, присуще причитаниям во всех трех диалектах.

Образование глагольных пар и даже закрепление некоторых в качестве традиционных формул, повторяющихся в разных текстах, наблюдаются в средне- и южновепсской традициях. В них же присутствует и аллитерация, основное изобразительно-выразительное средство, которое влияет и на подбор слов в тексте плача, и прежде всего на выбор эпитета к определяемому слову. В плачах северных вепсов мы не обнаруживаем аллитерации. Таким образом, можно убедиться в том, что северновепсская причеть наибольшим образом отличается от других. И, несомненно, каждая из традиций заслуживает отдельного, более подробного изучения своих особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

Йоалайд М. Похоронные причитания вепсов – способ общения с по-тусторонним миром // Из истории Санкт-Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб, 1997.

Кузнецова В. П. Причитания в северно-русском свадебном обряде. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993.

Курагина И. Б. О некоторых особенностях ритмического строя причитаний средних и северных вепсов // Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма (тезисы докладов). Таллин, 1982.

Лапин В. Русская песня у вепсов (К вопросу о генезисе народного музыкального мышления) / В. Лапин // Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977.

Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западно-финский сборник: Труды КИПС. Вып. 16. Л., 1930.

ОВР – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л.: Наука, 1969.

Пээгель Ю. Поэтические синонимы к слову ема «мать» в старых эстонских народных песнях // Töid Eesti Filoloogia alalt. Tartu, 1970.

Салве К. О функциях, поэтике и способах исполнения средневепсских свадебных причитаний // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972.

Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний. Л.: Наука, 1985.

Степанова А. С. Карельские плачи (специфика жанра). Петрозаводск: Периодика, 2003.

Фон. ПГК – фонотека Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова.

Вепсские причитания = Käte-ške käbedaks kägoihudeks [Обернись-ка милой кукушечкой] / Сост. Н.Г. Зайцева, О.Ю. Жукова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012.

Kettunen L., Siro P. Näytteitä vepsän murteista. Helsinki, 1935.

MRF – Lonin R. Minun rahvhan fol'klor. Petroskoi: Periodika, 2000.

Nenola A. Inkerin itkuvirret // SKS. Helsinki, 2002.

Salve K. Kallite kasvatajate juurest vöörale vilule rannale (Kesk-vepsa pulmaatkudest) // Tagasipöördumatus. Sõnad ja hääl. Tartu, 2000.

Sarv V. Setu itkukultuur. Tartu; Tampere, 2000.

Setälä E. N., Kala J. H. Näytteittä Äänis- ja Keskkivepsän murteista. Helsinki, 1951.

Tunkelo E. N. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.

Turunen A. Vepsäläisten kansanrunoudesta // Virittäjä. N 2. Helsinki, 1943.

Väisänen O. I. Vepsäläinen laulukokoelma. I kopia. 1916 (рукопись).

*Диалектная принадлежность фольклорного материала,
использованного в статье*

Северновепесский диалект: д. Шокша, с. Шелтозеро, Прионежский район Республики Карелия.

Средневепесский диалект (западные говоры): д. Ладва, Пелдуси, Немжа, Мягозеро, Подовинники, Подпорожский район Ленинградской области.

Средневепесский диалект (восточные говоры): д. Кривозеро, Вытегорский район Вологодской области.

Южновепесский диалект: д. Радогощь, Белое Озеро, Бокситогорский район Ленинградской области.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Южновепесский диалект

Трошина Мария, д. Радогощь (Arskaht’)

Väisänen O. I. Vepsäläinen laulukokoelma. I kopia. 1916 (рукопись).

Ku mužik kolob (похоронный плач по мужу)

Midä sä jo kurktuud i kovizuud minun gor’keioon päle, i minun siratoon päle?

Oi mindaan jo raakood, midäk melen lib ouda sinutaaž

ii kedamu mileen’ želoota lib, ii kedamu mileen’ radoožiid’ rata sinutaaž,

i midäk mä kazvatan lendiad libedad linduužed

i siratad i gorkeiad i sötietä tatkoota.

Ii kele heid lib ni želiota, ni tužihtada,

Ii kele heid opeta čomihe kedmihe radoožihe.

Kazvatubad meil čomad kedmad radoožed sinuta sötietä tatkoota,

i kazvatub čoma tandartehud čomile kedmile radoožile sinutaaž,

i sinuta sureta turvaažeta ii paštaskande päävoohud,

i tol’ko puhuškandob vilu ahavoone vilus bokaažespää,

i sinutaaž sötietä tatkoota i lendiile libediile linduužiile.

Oi jo mindaan’ jo raaukooħut, tulob čoma vilu jo taavoohud,

Ku omad sötietä tatkoohuded, hö takardabad čomaa käbedaa kezažoo čomad lämäd pezaažed.

A ku meil gor’keil i siratil ile sötietä tatkood,

a ii kele takarta čomat lämät pezašt čomaks viluks taavoohudeks,

ii kele meid saubata lämha pezažhe,

mö raaukooħuded i sirataažed i lendastamaa verhale vilule röönaaižele,

verhile viluile jugediile radoožile sinutaz sötietä tatkoota.

Emä mö ni želiotud, da emä mö ni anitud(?),

ii kele meid ni želiota sinutaaž sötietä tatkoota.

Mö homencudoo noustetud aigašti i narätud jugedale radoožele,
Emä mö ni sötähtetud, emä mö ni johtetud,
Pezemoo kiinduzil, a piihkimoo vauktiil käduzil i šuštunuzil, i kattenuzil,
i nägehtamaa mö nel'ha bokaažhe –
verhad lapsuded ičezo sötiid tatkoohuziimu,
ka heil tazootetud čomad tazod pähuded,
i hö söttud, i jottud, i pezetatud, i lämbitetud,
ka hö radabad i pajoožed pajatabad.

A mö se ku gor'kejad i siratad – ebad meil tazootetud čomad tazod pähuded,
ka mö voikamaa i gor'uimaa i kündluziil valamoo.

Что же ты обижаешься и сердишься на меня горемычную и на меня сиротинушку?

Ой, меня бедную, как же мне придется быть без тебя,
некому будет пожалеть меня, не с кем мне работушек работать без тебя,
и как я выращу летающих милых пташечек
и сирот и горемык и без кормильца-отца.

Некому будет их ни пожалеть, ни приободрить.

Некому их обучить на хорошие легкие работушки.

Зарастут у нас хорошие легкие работушки без тебя, кормильца-отца,
и зарастет хорошая истоптанная дорожка на хорошие легкие работушки
без тебя,

и без тебя, большой защиты? не будет светить солнышко,
и только будет дуть холодный ветерок с холодной сторонушки,
и без тебя, кормильца-батюшки, и летающим милым пташечкам.

Ой, и меня и бедняшечку, придет красивая холодная зимушка,
Если есть кормильцы-батюшки, так сделают в хорошее красное летечко
хорошие теплые гнездышки.

А если у нас горемычных и сирот нет кормильца-батюшки,
так некому сделать хорошего теплого гнездышка к хорошей холодной зи-
мушке,

некому нас закрыть в теплом гнездышке,
мы горемычные и сиротинушки и полетим на чужую холодную сторо-
нушку,

на чужие холодные тяжелые работушки без тебя, кормилец-батюшка.

Мы не жалели, да мы не ...(?),

некому нас пожалеть без тебя, кормильца-батюшки.

Мы утром разбужены раненько и отправлены на тяжелую работушку,
мы не перекусили, мы не отпили,
умываемся слезами, а вытираемся белыми рученьками

и уставшими, и надломленными,
и посмотрим мы в четыре сторонушки –
чужие дети со своими кормильцами-батюшками,
так у них выровнены хорошие ровные головушки,
и они накормлены, и напоены, и намыты, и обогреты,
так они работают и песенки напевают.
А мы так горемычные и сироты – так у нас не выровнены хорошие ровные головушки,
так мы плачем и горюем, и слезами обливаемся.

Комментарий

В данном тексте можно выделить следующие языковые особенности, маркирующие стиль вепсского причитания:

иносказательное именование детей – *lendiad libedad linduužed*;
другие традиционные формулы, выраженные атрибутивным словосочетанием:
(čoma) *läm pezaane* «теплое гнездышко (о родном доме)», *veraz vilu röönaane* «чужая холодная сторонушка», *kedmäd radoožed* «легкие работушки (о домашних делах, хлопотах)»;
глагольные пары: *voikamaa i gor'uimaa*; *ni sötähtetud, ni johtetud*,
аллитерация: *lendiad libedad linduužed, käbedaa kezažoo*.

Средневепсский диалект

Артюшкина Татьяна Васильевна, г.р. 1892, д. Озера.

Запись И. Б. Семаковой, фонотека Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова, № 317/8407.

Поминальное чтение на кладбище

I kudamehe sinä poludehe, i kudamehe sinä da čogežehe,
I rodimi roditel' sötei mamoihudem,
Kuna mini jäda-se nügüde
I jätid sinä üks'-ühtele, üks'-ičelein', sötei mamoihudem,
Kalliž kazvatejeižem, sötei tatoihudem,
Jäitei mindei gor'o-gor'kijad äjou ühtes-ühteliin'.
I alaske sinä osudi rodimi roditel' sötei mamoihudem,
mišto minä emboi tuuda-se i sinun korktale da koumeižele, äjou čomile
koumeižile,
i minä olen äjou edaheižuu verbal vilul da randeižuu, emboi tuuda sinunnou.
I setei mamoihudem, kalliž kazvatejeižem,
Libutid i kazvatid sä mindei äjou volhiže da voduzihe-se
I tänambeižeh da peiveižehessei-se mindei kazvatid,

Sötei mamoihudem, rodimi roditel',
Minä emboi tuuda tiiden korktale da koumeiže-le-se,
I ele minei boikijad da vozrastid', äjou da jalod da udatid' tuudes-se
I setei mamoihudem, vouged peiveihudem, kalliz kandjeihudem,
Alaske kurtte i käregande minun päle
I tuleižin korktale da koumeiže-le pagištoiteižin i lodeižoiteižin sindei,
i sanuižin kaik avarnijad da abideižed, kaik gor'kijad-gor'ad sanuižin,
i rodimi roditel' mamoihudem, alaske unohta mindei.

И в которую ты сторонушку, и в который ты уголочек,
и родимая родительница, милая матушка,
Куда же мне остаться-то теперь,
и оставила ты одну-одинешеньку, одну с саму с собой, милая матушка,
Дорогой меня вырастивший, кормилица-батюшка,
Оставили меня горе-горькую уж одну-одинешеньку.
И не осуди родимая родительница, кормилица-матушка,
Что я не могу придти-то и на твою высокую да могилушку, на очень хорошие могилушки,
и я нахожусь на очень далеком чужом холодном бережку, не могу придти к тебе.
И милая моя матушка, дорогая меня вырастившая,
Подняла и вырастила ты меня в очень трудные годочки-то,
И до сегодняшнего да денечка-то меня растила,
Милая матушка, родимая родительница,
Я не могу придти на ваши высокие могилушки-то,
И нет у меня бойкого возраста, очень быстрой да удати, чтобы придти.
Милая матушка, мое светлое солнышко, дорогая меня вырастившая,
не сердись и не злись на меня,
и пришла бы я на высокую да могилушку, разговорила и разбеседовала
бы тебя,
и рассказала бы все большие да обидушки, все горькие горюшки рассказала бы,
и родимая родительница-матушка, не забудь меня.

Комментарий

В тексте обнаруживаются следующие характерные особенности языка плачей:

иносказательные именования: kalliz kazvateježem, kalliz kandjeihudem;
другие традиционные формулы, выраженные атрибутивным словосочетанием: korged koumeine, veraz vilu randeine, avarnijad da abideižed,
volhad voduded, rodimi roditel' mamoihudem;

глагольные пары: libutid i kazvatiid, ala kurtte i käregande, pagištoiteižin i lodeižoiteižin;

аллитерация: **gor'kijad-gor'ad, ühtes-ühteliin', korktale koumeižele, avarnijad abideižed, volhad voduded, rodimi roditel'.**

Северновепсский диалект

Ишанина Ирины.

Juho A. Perttola. Piirteitä äänisvespäläisten avioliiiton solmimistavoista, 1949
(рукопись).

Плач невесты на могиле отца

Dölogatške döleižed pohdeižed, lujas vägevad,
kantkatške tö mahudet kahthe čureižehe,
kantkatei loulmad dügedat kivudet kahthe-koumhe čurha,
hougneske sina mahut nel'l'hä čureižehe, nel'l'hä četveriteižehe,
ozutaske loudeine, vedakatske tö pitkad nagleižed raudeižed,
aveiteske sina grobeine, ozutaske sina minun roditel batüška,
laskatške tö taivhaspäi kaks angelašt,
pankateiške tö minun roditel'l'ale hengut rindeižehe,
ühteks časuižeks, ühteks minutaižeks,
nouseške sinä roditel, latteske sina minun pagineižele,
mina olen tulnu sindei nousmaha ičein abitnajaha svadbeižehe,
mindei tänanpei lattaze erageita verhale mahudele,
taričeške sina surele sünduiželete tänambeižel peival mindei satmaha,
rodittel sina batüško, dälges sindei meilamei ikneižed oma dumanajad,
čomat portheižed oma värištetud.

Подуйте ветры северные, очень сильные,
разнесите вы землю в две стороны,
разнесите тяжелые камни в две-три стороны,
разойдись ты землюшка в четыре стороны, в четыре четверти,
покажись досочка, вытащитесь длинные гвоздики железные,
откройся ты гроб, покажись ты мой родитель-батюшка,
спуститесь вы с неба два ангела,
вложите вы моему родителю душу в грудь,
на один часочек, на одну минуточку,
встань-ка ты родитель, приди со мной на беседу,
я пришла тебя поднять на свою обидную свадьбу,
меня сегодня собираются разлучить в чужую землюшку,
попросись ты у господа бога сегодняшним днем меня проводить,
родитель ты батюшка, после тебя у нас и окошечки затуманенные?
хорошее крылечко покосилось.

Комментарий

Большинство имен существительных в тексте выступает в диминутивной форме, что является жанровой особенностью причтаний: *döleizēd*, *čureine*, *nagleižed*, *hengut*, *rindeine*, *pagineine*, *svadbeine* и др.;

Традиционная формула *veraz mahut* «чужая землюшка» именует замужнюю жизнь, куда уходит девушка-невеста.

И. И. Муллонен
(Петрозаводск)

БОЛЬШИЕ ОЗЕРА МАЛЕНЬКОГО НАРОДА: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО РАЗМЕРУ В ВЕПССКОЙ ТОПОНИМИИ¹

Вепсская топонимия предоставляет уникальный материал для исследования диалектной лексики, причем в ее исторической динамике. В силу того что топонимы имеют четкую привязку к местности и обладают исключительной устойчивостью во времени, они способны сохранять историческую лексику, при этом ареально привязанную.

Одна из наиболее выразительных универсальных особенностей, использующаяся в топонимии для идентификации объекта, – это его размер. В озерных наименованиях широко распространена бинарная оппозиция ‘большой – маленький’, она характерна и для речных гидронимов. В статье обращается внимание на топоосновы, которые продуктивны в этой функции в вепсской гидронимии и восходят к прилагательным, практически уже утраченным современными говорами. Для их реконструкции используется как широкий спектр методик сравнительно-исторического языкоznания, так и собственно топонимические методы, в частности ландшафтная характеристика объектов.

Большой размер водного объекта выражается реликтовыми прилагательными **jalo* и **epä*, не известными в этой функции современному языку.

¹ Статья подготовлена при поддержке грантов и проектов: «Лингвистический атлас вепсского языка»: РГНФ 2012–2014, № 12-04-00081; Создание ГИС «Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья» – РГНФ 2012–2013: № 12-04-12009; Программа секции языка и литературы ОИФН РАН 2012–2014: «Язык и литература в контексте культурной динамики» (Создание геоинформационного ресурса «Топонимическая карта Олонецкой Карелии»).

Анализ ряда топонимов с основой *Jalo-* позволяет реконструировать в ней изначальную семантику ‘большой’, утраченную вепскими говорами, как, впрочем, и другими родственными языками.

Слово известно в функции прилагательного и наречия большинству прибалтийско-финских языков, при этом обращает на себя внимание значительный разброс в его семантике, ср. фин. *jalo* ‘большой, обильный, прочный; смелый, благородный; хороший, отличный, выдающийся; красивый, прекрасный; гордый, благонамеренный, возвышенный; хвастливый, невоздержанный, авантюрный’, карел. *jalo* ‘сильный, большой, капризный, сердитый, злой; бесстрашный, отважный; желание, похоть’, *jalosti* ‘громко; правильно, наверняка, хорошо’, люд. *d'alo*, *jalo* ‘хорошо, очень, слишком’, *d'aloli*, *dalos* ‘очень, очень сильно’, эст. (архаичное, диалектное) *jalu* ‘нетерпеливый, страстный’ [SSA]. В этом же ряду присутствуют вепс. *jalo* ‘быстрый, бойкий’, *jalomba* ‘быстрее, бойче’, *jalos*, *g'alo* ‘очень, сильно’ [СВЯ]. В свое время известный финский исследователь Мартти Рапола, обративший внимание на варьирование значений лексемы, предложил для его объяснения зависимость семантики прилагательного от его функционирования в сочетаниях с определяемым словом, а также от тех коннотаций (положительных и отрицательных, этических и эстетических), которые возникают в связи с его функционированием [Rapola, 1947, 184–185]. Так, семантика ‘быстрый’, присущая вепсскому слову, развилась, по мысли Раполы, из первоначального значения ‘большой’ через семантику ‘сильный’ (большой размер предполагает физическую силу), которая, в свою очередь, породила следующее звено в цепочке семантического развития – ‘быстрый’: физическая сила позволяет быстро передвигаться, ср. широко известное в финской языковой практике выражение *on jalo menetään* букв. ‘способен быстро идти’. Видимо, в этом контексте надо рассматривать семантику *jalo* в пословице (*Katsotaan*) *sutta siihun, neittä päähän, jalkoin jaloa mestä* ‘волка отличают зубы, девушку лицо (здесь голова), мужчину быстрые ноги’ [Rapola, 1947, 191–192]. Следующий этап в развитии семантики ‘бойкий’ логично вырастает из ‘быстрого’. Первоначальная семантика, связанная с большим размером, угадывается еще и в наречиях *jalos*, *g'alo* ‘очень, сильно’, исторических производных основы *jalo-*.

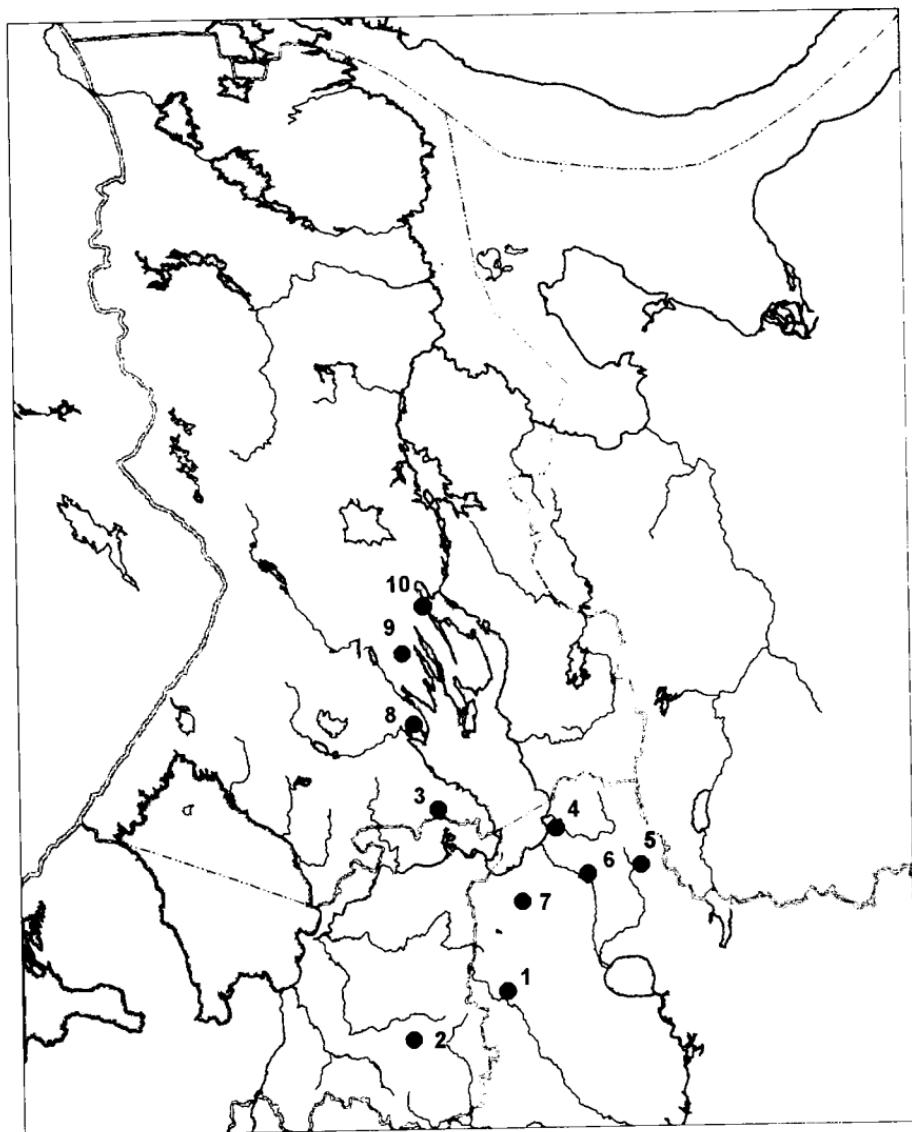

Рис. 1. Ареал топонимов с основой *Jalo-*

Значительное (практически полное) размывание первоначальной семантики Мартти Рапола связывает с тем, что первоначально слово не было стилистически нейтральным. Видимо, на фоне синонимичных *suuri* и *iso* ‘большой’ ему изначально были присущи аффективность и экспрессивность, выражавшиеся в дополнительном оттенке значения: ‘очень большой, слишком большой’, что могло повлечь за собой те семантические сдвиги, которые отличают слово.

Вероятно, в силу этой же экспрессивности топооснова была не слишком характерна для топонимии. Она практически не оставила следов в финском и карельском ономастиконе, однако на вепсской и смежной с ней территории обнаружаются некоторые следы ее бытования, прежде всего в гидронимах, свидетельствующие об ее относительной древности.

Далее приведен список топонимов, в основе которых просматривается топооснова *Jalo-*, с привязкой их к местности и необходимыми пояснениями (рис. 1):

1. *Jalam* ~ *Jalaam*, *Jalaamонpeedod* (peeedod ‘поля’), высокая гора в районе д. Белая (Ленинградская обл., Бокситогорский район). С учетом южновепсских закономерностей более ранний облик топонима, возможно, был **Jalalma*, с конечным суффиксом *-lma*, характерным для ландшафтной терминологии [Hakulinen, 1968, 138–139].

2. *Jalažm*, рус. *Явосьма*, река, левый приток р. Паши; в топониме основа *Jalo-* оформлена «речным» формантом *-žm-*. Река образуется в результате объединения двух рек – Ретеши и Тутоки – и в этом контексте может рассматриваться как большая, образовавшаяся из двух меньших рек. Кстати, у реки есть и другое название – *Саранжа* или *Саранзя*, в котором как раз заключена идея слияния речных потоков, ср. вепс. *sara* ‘рассоха, место соединения двух рек’ [см. подробнее о Саранже: Муллонен, 2002, 205–208].

3. *Елай*, *Елайрека* или *Елайручей*, бассейн р. Ивины (приток р. Свирь), вепс. *D'alaid'ogi*, позволяющий восстанавливать в основе *jalo* ‘большой’. В соответствии с северновепсскими фонетическими особенностями инициальный *j* перешел в палатализованный *d'*.

4. *Ялега*, река, впадающая в Онежское озеро на юго-восточном берегу, исторически вепсской территории, и протекающая в

низовьях через озеро с названием *Большое*. С учетом данной связки допустимо реконструировать в основе *Ялеги* вепсский оригинал *Jaleg < *Jal'jogi < *Jalojogi (-jogi 'река'), а топоним оз. *Большое* считать переводной калькой *Jalojärv 'Большое озеро'. При этом название закрепилось первоначально, видимо, за озером, действительно крупным на фоне окрестных незначительных по размерам лесных озер, а затем перешло на реку. Этот пример – свидетельство того, что, по крайней мере, часть топонимов с основой *Jalo*- могла, будучи переведенными, исчезнуть в ходе русской адаптации.

5. *Ялойское болото* в Вытегорском районе Вологодской области, в окрестностях д. Прокшино на р. Кеме.

6. *Ялосарь*, деревня в Вытегорском районе Вологодской области, на берегу Новинского водохранилища, входящего в ББК. Очевидно, отражает ландшафтные особенности местности до строительства канала, вепс. *Jalosař 'Большой остров'.

7. *G'aloja*, рус. *Елайручей* (бас. р. Ошта), там же *Ялойская Кара*.

8. *Ялгуба*, деревня на берегу одноименного залива Онежского озера, в бывшем людиковском языковом ареале: люд. *Jallaht'*, *D'allahi'*, *D'allah tenguba*. Финский топонимист В. Ниссиля связывал истоки топонима с карельским *jalg*, *d'alg* 'нога', полагая, что в основе ассоциация по форме: длинный узкий залив по конфигурации напоминает ногу [Nissilä, 1967, 24], однако в плане типологии наименований эта интерпретация малоперспективна. Значительно продуктивнее сопоставлять *Ялгубу* с названием соседнего залива *Пиньгуба*, в котором, в полном соответствии с закономерностями фонетической адаптации прибалтийско-финских топонимов к русской системе географических названий, топооснова *Пинь-* восходит к карел. *pieni* 'маленький'. На фоне незначительной по размерам, особенно по протяженности, *Пиньгубы* *Ялгуба*, имеющая длину около 6 км, является большой, что и закрепилось в ее названии. Кстати, истоки топонима *Пиньгуба* оказались для В. Ниссиля непонятными, что, видимо, не позволило ему увидеть основу *jalo* в *Ялгубе*.

9. *Ялгуба*, обширный залив оз. Сандал в Кондопожском районе Республики Карелия.

10. *Ялгуба*, залив на западном берегу Повенецкого залива (Медвежьегорский район, д. Тунатрека).

Ранняя утрата значения размера отразилась в том, что основа практически отсутствует на современной вепсской территории в микротопонимии, обнаруживаясь в то же время на окраинах вепсского языкового ареала – обрусевших и карелизованных – как свидетельство разрушившегося ареала.

Особенно интересны три *Ялгубы* в северном Обонежье, в том числе *Ялгуба* практически на северной оконечности Онежского озера, на старом водно-волоковом пути из вепсского Прионежья в Поморье. Заметим, что в окрестностях присутствуют и другие вепсские дифференцирующие признаки в культуре, что, возможно, позволяет видеть в топониме вепсский след на транзитном водно-волоковом пути в Поморье.

*Enä-

Вепсская топонимия сохранила следы использования и другого реликтового прилагательного для обозначения большого размера. Это прибалтийско-финское слово **enä*, сохранившееся в вепсских говорах на апеллятивном срезе в качестве наречия *enamb* ‘больше’: *enamb en tule* ‘больше не приду’, *ken bohat ka paneb enamb dengoid* ‘кто богатый, тот кладет больше денег’ [СВЯ]. Уже в этимологическом словаре финского языка в словарной статье *enä* приводится вепсский топоним *Enarv* < **Enäjärvi* как пример реконструкции семантики ‘большой’ [SKES]. Его русский эквивалент – *Вонозеро*, образовавшийся в соответствии с фонетическими закономерностями северорусских говоров эпохи освоения новгородцами Севера, позволяет предполагать, что и другое озеро с названием *Вонозеро*, расположенное на свирско-оятском водоразделе, бывшей вепсской территории, обрусевшей относительно недавно, тоже содержит в основе вепсское прилагательное **enä* ‘большой’. На фоне окружающих небольших по размеру лесных озер оба Вонозера в соответствии с этимологией действительно отличаются своими значительными размерами. Список может быть расширен за счет речного наименования *Enojogi* с вариантами *Enoja*, *Jenjogi*, *ienoja*, рус. *Геняя*, которым называется верхнее течение р. Капши, от ее истоков до впадения в

Капшозеро. При этом название имеет вариант *Sur'jogi* 'большая река', подтверждающий правильность этимологии топоосновы *en(ä)* [Муллонен, 1994, 58].

В последнем примере налицо неустойчивость вепс. *e* в начальной позиции (*Enojogi* ~ *Jenjogi*, рус. Генуя), являющаяся отражением характерной для вепсских говоров тенденции к нарастанию *j* в начале слова. С учетом отмеченной фонетической закономерности можно реконструировать топооснову **enä-* в названии мыса *Jennet* (нем 'мыс') на оз. Шимозеро, а также, возможно, в наименовании ручья *Енуя* (вепс. *Änoja*, *Iänjogi*) в бассейне верхней Ояти, оз. *Енойское* ~ *Еновское* ~ *Еное* в бассейне р. Викшеньги (бас. Паши), *Енручей* в нижнем течении р. Шокши (бас. Ояти), *Еноручей* с вариантом *Ендручей* в бас. Пидьмы, а также, возможно, руч. *Гение* или *Генинский*, вытекающий из обширного Важевского болота в бассейне р. Шапши [СГС].

Наряду с фонетическим вариантом **en-* (*Enaŕv*, *Enojogi*) в гидронимии сохранились следы использования варианта **äp-* (*Äńjärv*, *Änine*), в том числе с наросшим *j* (*jänjärv* ~ *Jänjärv*, *Jänotägi* и др.), при этом за варьированием могут стоять разные процессы: как различные языковые источники, так и звукопередачи, происходившие внутри вепсских говоров, а также в ходе вепсско-русского языкового контактирования. Действительно, в соответствии с историческим финно-угроведением более открытый на фоне прибалтийско-финского *e* звук *ä* может являться наследием того древнего довепсского – условно прасаамского – языка, который бытовал в Обонежье и был родствен вепсскому [см. подробнее: Муллонен, 2002, 271–282]. Возможно, именно к этому языку восходят и *jänine* – вепсское название Онежского озера, и наименования других больших на окружающем фоне озер и рек, таких как *Äńjärv*, *Яндозеро*, *Яндома* и др. Вместе с тем варьирование *äi* ~ *ei* 'много', *mägi* ~ *megi* 'гора' и др., возникшее, очевидно, как следствие русского языкового воздействия в восточных вепсских говорах, дает основание предполагать изначальное *ä* на месте современного *e* и в ряде гидронимов. В то же время русская по употреблению топонимия Обонежья является многочисленные примеры взаимозаменяемости *e* ~ *я*, которые затрудняют реконструкцию изначального гласного в топооснове.

Есть одно косвенное обстоятельство, указывающее на то, что вариант *Än-* был явным фактом вепской топонимии и его семантика осознавалась носителями топосистемы. В топонимии южного Обонежья обнаруживается несколько фактов бинарной оппозиции ‘большой – маленький’, в которой семантика ‘большой’ выражена топоосновой *Än-*, а ‘маленький’ вепскими прилагательными *riču* и *vähä*: на верхней Ояти рядом с обширным озером *Änjärv* (рус. Яндозеро) располагается маленькое *Vähärv*, рус. Вягозеро (**vähä* ‘маленький’, см. ниже), в Шимозерье оппозиция представлена соответственно как *iändärv* ~ *Jändärv*, рус. Яньдозеро, и *Pičar* (*riču* ‘маленький’). Бытование связок такого рода предполагает, что оба их члена возникали внутри одного языка или, по крайней мере, создатели вепских «маленьких» гидронимов осознавали связь топооснов *En-* и *Än-*. Можно добавить к этому, что список топонимов расширяется за счет названий притоков Свири рек *Янега*, *Яндема* [о генезисе *d* в этом и других гидронимах этой группы см.: Муллонен, 2002, 272–275], *Янасарь*, *Яндручей*, а также расположенных в восточном и юго-восточном Обонежье р. *Янсорка*, р. *Яниш*, оз. *Янишевское*, бол. *Янишево* (с вариантом *Великое*). В этом же ряду губа *Вянегуба*, два острова с названием *Янестрова* на Выгозере, оз. *Янозеро* (бас. р. Водлы), а также в силу колебаний е ~ я *Ендрека* в Пудожье, *Ендручей*, вытекающий из оз. *Большое*, в Кенозерье, оз. *Яндомозеро*, стекающее по р. *Яндоме* в залив Онежского озера – губу *Великая*, в Заонежье. Наконец, здесь же название Онежского озера, вепс. *iänine*, а также самого крупного озера Северного Приладожья *Jänisjärvi* (рис. 2). В силу обозначенных выше причин на предложенную карту вынесены оба фонетических варианта топоосновы. При этом понятно, что генезис их может быть несколько различен. Лексема **enä* имеет древние финно-угорские корни и широко представлена в финно-угорских языках [SSA]. Она убедительно восстанавливается в топонимии мерянского, муромского и мещерского происхождения на территории Верхневолжья [Rahkonen, 2009, 206–209]. Не исключено, что в Обонежье столкнулись две языковых разновидности топоосновы: та, что бытовала в финно-угорском языке довепского населения территории, и прибалтийско-финская. Семантически идентичные и близкие по звучанию, они сосуществовали в рамках

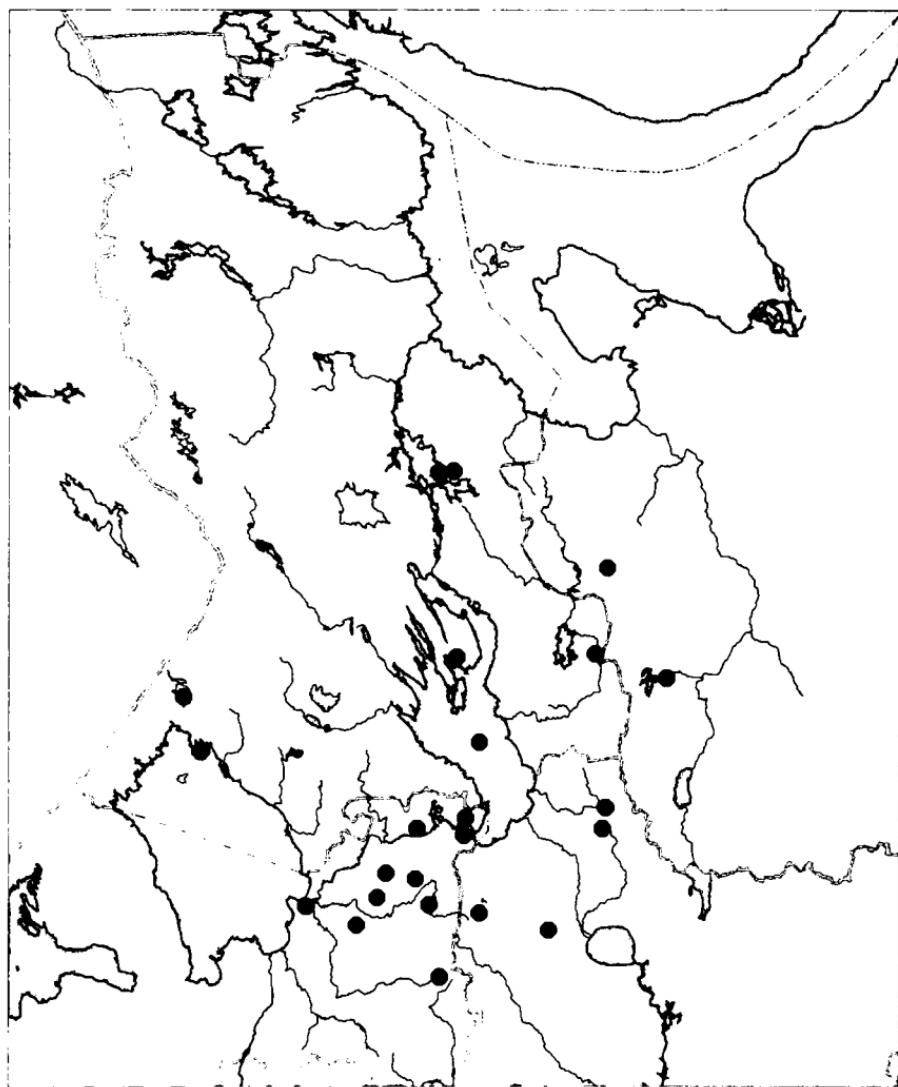

Рис. 2. Ареал топонимов с основой En- / Än-

единой территории. Видимо, примерно такой же процесс происходил с топоосновой *Sar* ~ *Sara*: допуская прибалтийско-финское толкование, она в то же время укладывается в рамки ареала, который может быть охарактеризован скорее как верхневолжский, чем прибалтийский. К тому же за фонетическими вариантами *Sar* ~ *Sara* могут стоять разные языковые истоки [см. подробнее: Муллонен, 2002, 205–208].

*Vähä-

Исторически в паре с прилагательным *enä-/änä-* в топонимии использовалось определение *vähä ‘маленький’ (*Vähärv*), сохранившееся в вепсских говорах в качестве наречия: *vähä*, *vähän* ‘мало, немного’, *vähäd* ‘чуть (не), едва’ и др. [СВЯ]. Следы его в топонимии незначительны и представлены в верховьях Свири и ее притока Ояти несколькими гидронимами. Выше упоминалась уже пара озер *Änjärv* и *Vähärv* на верхней Ояти, в этом же районе в окрестностях д. Ладва есть небольшое озерко *Vähäč*. Видимо, в данный ряд входит название ручья *Вязкий*, впадающего в р. Шокшу (пр. приток Ояти), современный облик которого сформировался в ходе русской языковой адаптации вепсского оригинала *Vähäoja. Видимо, название ручья воспроизводится в русском виде в наименовании озера *Малого*, расположенного в русле р. Шокши при впадении в нее ручья Вязкого. Доказательством предлагаемого вепсского оригинала является и название соседнего притока Шокши *Енучей* (< *Епоja или *Änoja ‘большой ручей’). Очевидно, и здесь имеется бинарная оппозиция. Она же реконструируется в основе названий двух островов на верхней Свири: незначительного по размерам *Вязострова* и соседнего более крупного острова, имеющего в настоящее время *Иваньков остров* – по располагавшейся на нем одноименной деревне. Названия смежных с островом объектов сохраняют его прежнее наименование *Яностров (*Änsar’), сп. впадающий напротив острова в Свири южный приток *Янучей*, а также находящуюся на мысу на северном берегу Свири напротив острова д. *Яннаволок* (наволок ‘мыс’). Здесь вновь воспроизводится ситуация связки топооснов *En(ä)-/Än(ä)-* ‘большой’ и *Vähä-* ‘маленький’, а в основе *Вязострова* восстанавливается

цепочка вепс. *Vähäsaí > *Vähsaí > *Väsaí > рус. Вязостров. Финский исследователь Паули Рахконен, который обратил в свое время внимание на последнюю связку, полагал, что топооснова Вяз имеет в ней мерянские корни [Rahkonen, 2009, 175], на основе топонимии Верхневолжья он восстановил древнюю мерянскую топооснову в виде *väz. Как видим, и в этом случае граница между прибалтийско-финской и условно волжско-финской топоосновой относительно зыбка.

Pen'-

Основа *реп'* – ‘маленький’ активно бытует в микротопонимии, а также в качестве определения в семантической паре ‘большой – маленький’ нередка в гидронимии. Здесь рассматривается один топоним, который со времен Кастрена и Шегрена возводится к прибалтийско-финскому прилагательному *rieni* ‘маленький’, оформленному так называемым речным суффиксом -га, рудиментом прибалтийско-финского детерминанта -jogi ‘река’. Это речное наименование *Пинега*, которое, по мнению А. К. Матвеева, можно вести к прибалтийско-финскому источнику [Матвеев, 2007, 122]: **Peneg* < **Peýjogi* ‘маленькая река’, а появление рус. *и* – закономерный рефлекс прибалтийско-финского *e* или *ie*.

Исследователи, чье внимание привлекало название широко известного притока Северной Двины р. Пинеги, видимо, не знали о том, что, во-первых, на Европейском Севере России есть еще около десятка рек с этим названием, а во-вторых, всем им свойствен один характерный признак, который мог быть положен в основу названия. На окраинах современного вепсского языкового ареала, на территории, бывшей в прошлом вепсской, обнаружилось три *Пинеги*. Это, во-первых, две небольшие лесные речки, впадающие в Пашу в ее нижнем течении, при этом обладающие сходной характеристикой. Истоки первой из них находятся в непосредственной близости к р. Шижне и отделены от последней длинным узким болотом с названием *Лухта* (вепс. *luht* ‘заливной покос’). Название говорит о том, что во время половодья болото затоплялось и по нему можно было передвигаться на лодках. Об этом рассказывали и наши информанты четверть века назад. Иначе говоря, по

Пинега проходил местный водный маршрут, соединяющий реки Пашу и Шижню. С ним, очевидно, связано и название д. *Ладвушки*, которая располагалась на Шижне в том месте, откуда мог начинаться водный путь через бол. Лухта и р. Пинегу на Пашу. Оно явно указывает на верховье реки (вепс. *ladv* ‘верховье, вершина реки’), хотя поселение и не находилось в истоках Шижни. Если предположить, что здесь располагался исходный пункт водного маршрута, то тогда топоним характеризует его абсолютно адекватно. Пинега, таким образом, оказывается связующим звеном, соединяющим две реки.

Чуть выше в Пашу впадает вторая река с названием *Пинега*, которая течет параллельно Паше, и в истоках ее находится узкое и длинное болото *Пинега*, которое вторым своим концом выходит к берегу Паши, приблизительно в 20 км выше устья Пинеги. Если Паша в этом промежутке делает довольно ощутимый поворот, то Пинега течет прямо и явно укорачивает маршрут, что и использовали местные жители для поездок.

Эти два примера свидетельствуют о том, что топоним *Пинега* присваивался рекам, являвшимся участками водных (водно-волоковых) путей и служившим для сокращения дороги, для продвижения «напрямую».

Данной характеристике соответствует и урочище с названием *Пинега* в западной части Заонежского полуострова, в окрестностях д. Пегрема. Оно находится в узком основании мыса, который с одной стороны омывается заливом *Лодейгуба* (заон. лодъя), с другой – Калейгуба, в нее впадает безымянный ручей, берущий начало в урочище *Пинега*. Сообразуясь с данной ландшафтной характеристикой, можно полагать, что через урочище *Пинега* проходил прямой маршрут из Лодейгубы в Калейгубу, значительно сокращавший путь по сравнению с тем, который приходилось проделывать, чтобы обогнуть мыс, узкий у основания, но широкий в конце. Он (путь) мог быть как водно-волоковым, так, возможно, и водным – при высокой воде. Учитывая, что топоним *Пинега* практически повсеместно является речным наименованием, можно полагать, что и в окрестностях Пегремы он первоначально называл ручей, впадающий в Калейгубу, а затем перешел на смежное урочище.

Ареал топонима *Пинега* простирается от Обонежья и на восток, и, видимо, на запад, хотя и не отличается особой насыщенностью. Из западных примеров отмечу название оз. *Pienanjärvi* (järvi ‘озеро’) в бассейне р. Оулуйоки в центральной Финляндии. Оно разделяется узким перешейком (ширина около 400 м) с расположенным севернее оз. Пуокиоярви. При этом залив оз. Пуокиоярви, граничащий с перешейком, называется *Taivallahti*, т. е. ‘дорожный или путевой залив’ [<http://www.retkikartta.fi/index.php>], напоминающий о пути (волоке) через перешеек. Топоним привлек в свое время внимание финского исследователя Алпо Ряйсянена, который считал, что в основе – северносаамская лексема *beana* ‘собака’, хотя и признавал наличие определенных фонетических сложностей для такой этимологии [Räisänen, 2003, 106–107]. Можно бы добавить к этому, что такая интерпретация имеет и семантические проблемы.

Несколько рек с названием Пинега известно на юге и востоке от Обонежья. Среди них р. *Пинега*, приток р. Углы (бассейн Шексны). В то время как русло Углы делает большой крюк, Пинега практически рассекает образованное Углой полуокружье, позволяя спрятать путь на десятки километров. На то, что эта лесная река использовалась в прошлом в качестве водной дороги и играла важную роль в жизни территории, указывает расположение в ее истоках большое село Покровское, бывший волостной центр. Подобную ситуацию отражает и ландшафтная характеристика р. *Пинеги* в районе архангельского Шенкурска. Она впадает в Вагу в основании длинной, многокилометровой, но узкой петли, которую делает Вага. Надо полагать, что Пинега использовалась для пересечения перешейка, образуемого петлей Ваги, на что указывает, кстати, название поселения *Кучематка* (приб.-фин. matka имело изначально семантику ‘сухопутный отрезок пути, перешеек между водными участками’) на противоположном от устья Пинеги берегу Ваги. Наконец, самая известная Пинега на Русском Севере – приток Северной Двины, впадающий в реку в ее низовьях, в притяжении Архангельска. Из Двины по Пинеге попадали через короткий волок в р. Кулой, которая выводила на Ледовитый океан. Упомянутый волок – один из самых известных на Русском Севере, он встречается уже в письменных документах XIV в. Длина волока между Пинегой и Кулоем не превышала полукилометра, и весной, при высо-

кой воде, этот путь можно было преодолеть на лодке. В 1920-х гг. на месте волока был прокопан канал, предназначенный для сплава. Таким образом, очередной раз *Пинега* – эта река при волоке. Видимо, такая устойчивая связь не может быть случайной. Спрашивается, могла ли семантика ‘маленький’ применительно к названиям рек восприниматься как ‘короткий’, имея в виду, что Пинеги, судя по их характеристике, укорачивали путь. Прибалтийско-финские лексические данные предлагают и другую возможную лексему в качестве этимона для топоосновы: *riena* ‘поперечный брусок, доска, служащие для устойчивости, для закрепления расположенных к ним под прямым углом досок, балок и т. д.’ [SSA], т. е. обыгрываются две семантические характеристики: поперечный и соединяющий, что как раз отличает реки с названием Пинега. В топонимии Карелии основа использована, к примеру, в названии поля *Pienapelto* с характерным расположением в основании трех других полевых участков, объединяемых этим поперечным участком в единое целое. Вместе с тем настораживает отсутствие топонимов, в которых топооснова *Пине-* выступала бы без форманта *-га* либо в сочетании с каким-то другим речным формантом. Впрочем, не исключено, что они есть, но не попали еще в исследовательское поле. На Русском Севере следует, видимо, обратить внимание и на топонимы с основой *Пен(e)-*. На данном этапе устойчивый облик топонима позволяет предполагать в его основе некий термин из утраченных финно-угорских языков, семантика которого была связана с водно-волоковыми путями. Кроме того, надо иметь в виду, что абсолютное большинство относительно крупных рек на Русском Севере не этимологизируется из прибалтийско-финских языков, что также подвергает сомнению предложенные прибалтийско-финские интерпретации. Приходится констатировать, что при устойчивой ландшафтной характеристике убедительный этимон пока что не обнаружен.

ЛИТЕРАТУРА

Матвеев А. К. Топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007.

Муллонен И. И. Топонимия Присирия. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб, 1994.

СГС – Муллонен И. И., Азарова И. А., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) / Под ред. А. С. Герда. СПб, 1997.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. СПб, 1972.

Hakulinen Lauri. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.

Nissilä Viljo. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. 144. Helsinki, 1967.

Rahkonen Pauli. The Linguistic Background of the Ancient Meschera Tribe and Principal Areas of Settlement. Finnisch-Ugrische Forschungen. Band 60. Heft 1–3. Helsinki, 2009. P. 160–200.

Rapola Matti. Kieli elää. Pakinoita ja tutkielmia. Porvoo; Helsinki, 1947.

Räisänen Alpo. Nimet miltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta // SKST. 936. Helsinki, 2003.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII // Lexica Societatis Fenno-ugricae. XII. Helsinki, 1955–1981.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. I–III. 1992–2000.

Е. В. Захарова
(Петрозаводск)

ВЕПССКОЕ ПРОШЛОЕ ВОСТОЧНОГО ОБОНЕЖЬЯ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИИ¹

Названия географических объектов (рек, озер, болот, островов, мысов, заливов, населенных пунктов, сельскохозяйственных угодий и проч.), помимо выполнения функции именования, являются богатейшим источником информации для исследователей. Благодаря своей массовости и устойчивости во времени, топонимия через столетия доносит до нас ценные сведения о прошлом края: характеризует его ландшафтную специфику, свойства почв, растительность, произрастающую в данной местности, породы рыб, обитающих в водоемах, животных, населяющих леса и т. д. На основе топонимических данных можно сделать выводы о хозяйственной деятельности, промыслах, ве-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проекта «Создание ГИС «Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья» (грант РГНФ №12-04-12009).

рованиях того населения, которое являлось создателем географических названий, его этнических истоках и времени освоения им исследуемой территории.

Восточное Обонежье, включающее в себя карельское Пудожье и архангельское Каргополье, представляет собой западную окраину Русского Севера, поэтому и топонимия исследуемого региона в ее современном состоянии является северорусской. Вместе с тем данные истории, археологии, этнографии и топонимии позволяют говорить о богатом этнолингвистическом прошлом края, а именно о прибалтийско-финско-саамском субстрате в языке и культуре местного населения (А. М. Шёгрен, М. Фасмер, А. И. Попов, В. В. Пименов, А. К. Матвеев, И. И. Муллонен, К. К. Логинов и др.).

Топонимический материал Восточного Обонежья, основу которого составляют данные научной топонимической картотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН, картотеки топонимической экспедиции Уральского федерального университета, материалы Национального архива Республики Карелия, а также картографические источники, очень богат и многослоен, он насчитывает около 20 тыс. топонимов, треть из которых – географические названия с нерусскими истоками.

Самый верхний и в то же время самый значительный топонимический пласт составляют русские названия, которые представлены, главным образом, в микротопонимии (в названиях отдельных поселений, сельскохозяйственных угодий – полей, покосов, уроцищ, и т. д.), что указывает на сравнительно молодой возраст данных названий: микротопонимия достаточно изменчива и неустойчива во времени. Следует также отметить, что некоторые русские топонимы исследуемой территории (например, озера Лебяжье, Долгое, Кривое и др.), скорее всего, являются переводными.

Хорошая сохранность топонимов нерусского происхождения объясняется достаточной изолированностью территории (располагаясь вдоль транзитных водно-волоковых путей, по которым в средние века новгородцы продвигались в Поморье и Заволочье, в послепетровскую эпоху – после переноса столицы в Петербург – Восточное Обонежье осталось в стороне и почти не испытывало культурных воздействий от своих соседей [Логинов, 2006, 6]), а также характером освоения, которое, очевидно, не было плотным

и массированным, но постепенным, с длительным периодом двуязычия и последующим обрусением местного населения, что, в свою очередь, является условием сохранения предшествующего топонимического слоя.

К наиболее древнему топонимическому пласту Восточного Обонежья относится ряд гидронимов – названия большей части рек и наиболее крупных озер (р. Водла, оз. Водлозеро, р. Отовжа, оз. Отовозеро, р. Келка, оз. Келкозеро, р. Колода, оз. Колодозеро и др.), для которых до сих пор не удается найти убедительной этимологии. Такая ситуация наблюдается на всей территории Русского Севера. По-видимому, данные топонимы – наследие этноса или этносов, заселявших некогда этот обширный ареал, но позднее ассилированных последующими волнами заселения и утративших свой язык [Муллонен, 1995, 192–193].

В топонимии Восточного Обонежья также выделяется пласт названий, свидетельствующий о саамском прошлом территории. Названия саамского происхождения привязаны к относительно крупным, значимым с точки зрения ландшафтной характеристики объектам, прежде всего водным: пролив *Чёлма* (саам. *čoal'bme* ‘пролив’²); зал. *Нюхпача*, руч. *Нюхручей*, оз. *Нюхчозеро* (саам. *njuhčč* ‘лебедь’); оз. *Кеткозеро* (саам. *ketk* ‘камень’), оз. *Янгозеро* (прасаам. **jēŋke* ‘болото’) и др. Следует иметь в виду, что тот этнос, который оставил в Восточном Обонежье данную топонимию, мог представлять собой образование прибалтийско-финско-саамского типа (что могло произойти в ходе распада единой саамско-финской языковой общности). Не случайно к этимологии этих топонимов нередко удобнее подходить не с позиций современного саамского языка, а используя языковую реконструкцию, т. е. более раннее, предшествующее современному, языковое состояние [Муллонен, 1995; Хелимский, 2006; Saarikivi, 2006].

Названия прибалтийско-финского происхождения составляют самый значительный пласт субстратной топонимии Восточного Обонежья, они представлены во всех топонимических слоях – от более древней и устойчивой во времени гидронимии (на

² Здесь и далее значение саамских слов см.: *Itkonen T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja* // LSFU. XV. 1958; *Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto* // SUST. 200. Helsinki, 1989.

основании чего можно предположить, что прибалтийско-финское население появилось здесь раньше славянского) до более молодой и подвижной микротопонимии, что свидетельствует о хорошем освоении территории данным населением и его позднем обрусении.

В силу значительного сходства карельской и вепсской языковых систем в целом ряде случаев развести вепсскую и карельскую по происхождению топонимию данной территории не удается: Венегора, Венеручей (карел. *veneh*, вепс. *veńeh* ‘лодка’³); Кивозеро (карел., вепс. *kivi* ‘камень’); Маймозеро (карел. *taima*, вепс. *taim* ‘малек, наживка’); Мяндово болото, Мяндозеро, Мяндомох, Мяндручей (карел. *mänty*, вепс. *mänd* ‘мяндовая сосна; сосняк на болоте’); Падозеро (карел. *pato*, вепс. *pado* ‘плотина, запруда’); Хергозеро (карел. *härkä*, вепс. *härg* ‘бык’) и др.

Возникает проблема дифференциации – поиска признаков, отличающих вепсский субстрат от карельского, и хронологии – в какое время территория Восточного Обонежья осваивалась вепсами, а в какое – карелами.

Одним из надежных критериев дистрибуции является фонетический, или звуковой. Следует отметить, что на основании фонетических особенностей пудожской топонимии в конце 40-х гг. XX в. Д. В. Бубрих сделал вывод о вепсском прошлом данной территории [Бубрих, 1947, 26–7]. К четким вепсским топонимическим маркерам можно отнести, например, особенность усвоения начального прибалтийско-финского звука ‘h’, который при усвоении в русское употребление карельских названий сохраняется, при усвоении же вепсских названий обычно переходит в ‘g’: ср. карельское оз. *Хабозеро* – вепсское оз. *Габозеро*, зал. *Хижлахта* – оз. *Гижезеро*, о. *Хийостров* – о. *Гижостров*, р. *Хорменица* – р. *Горменица* и др. Ареальный анализ моделей с начальным ‘x’ и ‘g’ показал, что топонимы с начальным ‘g’ представлены вдоль восточного побережья Онежского озера, в Водлозерье, несколько фиксаций отмечено на территории Колодозерья и Кенозерья, тогда как основной ареал распространения модели с начальным ‘x’ – Колодозерье

³ Здесь и далее значение карельских слов см.: *Karjalan kielen sanakirja. I–V* // LSFU. XVI. Helsinki, 1968–1997; значение вепсских слов см.: *Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка*. Л., 1972.

и Кенозерье. Возможно, ареальная дистрибуция начальных 'г' и 'х' позволяет говорить об относительно позднем карельском освоении территории Колодозерья и Кенозерья (и в целом Восточного Обонежья), так как именно здесь наблюдается сохранение прибалтийско-финского звука *h* в топонимах (р. Хабанзя, оз. Хабозеро, м. Харьюс, оз. Харагозеро и др.). Здесь же представлены топонимы, сохранившие шипящие согласные: оз. *Шалмозеро*, руч. *Шалмручей* (карел. šalmi – вепс. salm ‘пролив’), оз. *Желгозеро* (карел. šelkä, šelgä, selgä – вепс. selg, süüg ‘кряж, возвышенность, холм, гора’), во всех диалектах карельского языка еще и ‘середина озера, водный простор, водная гладь’ [ПФГЛК]); зал. *Пачелакша* (карел. lakši – вепс. laht ‘залив’) и др., а также названия, восходящие к карельским вариантам русских православных имен: д. *Кипров Наволок*, бывш. д. *Кипрово*, уг. *Кипров Мыс* (карел. Kibra, Kibri, Kibro(i), Kibru – рус. Киприан [Nissilä, 1973, 253]); оз. *Артово* (карел. Arto(i), Artto(i) – рус. Артемий, Артем [Nissilä, 1976, 51, 62]); оз. *Хомино* (карел. Homa – рус. Фома [Nissilä, 1975, 189]); уг. *Хилкина* (карел. Hilkka, Hil(k)ko(i), Hil'(k)ko(i) – рус. Филипп [Nissilä, 1976, 114]) и др.

Помимо фонетического критерия, разграничивающего вепсскую и карельскую топонимию, можно обратить внимание на некоторые морфологические особенности, а именно на суффиксальную модель, представленную в топонимии исследуемой территории. Среди названий субстратного происхождения выделяется группа ойконимов (названий населенных мест), примечательных тем, что, помимо прибалтийско-финского антропонима в основе (часто нехристианского), они содержат прибалтийско-финский локативный суффикс *-l*: д. *Вачелово/Вачалово* (<Vačai, Vačeī); д. *Кургилово/Курдилово* (<Kurki, Kurg); д. *Дешалово* (возможно, из карел. Deša, Dešoi – рус. Ефим); д. *Бостилово*; «д. на Иголове горе» [Материалы... 1972, 450] (<приб.-фин. антропоним Iha). В этот же ряд входят д. *Рахкайла* (<Rahkoi); д. *Путолово* (сравни с зафиксированными в писцовых книгах Обонежской пятины 1563 г. вариантами *Пытилова/Пытилиницы* [ПКОП]), д. *Коркила/Коркиничи* [ПКОП]. Данная группа названий интересна тем, что входит в ареал прибалтийско-финского *-l*-owego топоформанта с семантикой места, который присоединялся к антропониму (имени

первопоселенца), и накладывается на ареал приладожской курганной культуры X–III вв. Часть из приведенных выше названий идентична ойконимам, представленным на исконных вепсских территориях в Присвирье (где данная модель была очень продуктивна), что может свидетельствовать в пользу вепсского прошлого Восточного Обонежья. Данное предположение подтверждается и тем обстоятельством, что на Водлозере для адаптации субстратных ойконимов с -l-овым топоформантом использовалась русская модель с суффиксом -ичи/-ицы (*Коркила/Коркинichi*) – как и в вепсском Присвирье. Очевидно, новгородцы в своем движении на восток использовали те же пути, что и вепсы. Опираясь на приведенные данные, можно предположить, что появление первых вепсских поселений в Восточном Обонежье (в частности в Водлозерье) относится к рубежу I–II тысячелетий нашей эры [Муллонен, 1991, 188]. Средневековые источники позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся времени обрушения местного вепсского населения. Так, в писцовых книгах Обонежской пятины XVI в. встречаем косвенные указания на двуязычие местного населения – переводные топонимы: «Дер. на Медвежье на волоке словет на Конде наволоке» [ПКОП, 1563, 173] (вепс. *kondi* ‘медведь’); «Дер. на Воронье Поле словет в Варишпалды» [ПКОП, 1563, 175] (вепс. *variš* ‘ворона’, *peld*, *pöud*, *rüud* ‘поле’). Очевидно, что в XVI в. процесс ассимиляции вепсов русскими в Восточном Обонежье еще не завершился, об этом свидетельствует хорошо сохранившаяся до наших дней микротопонимия вепсского происхождения: уг. *Гоньжема* (вепс. *hongžom* ‘сосняк, сосновый лес’); руч. *Пичаручей* (вепс. *ričuin'e* ‘маленький’); руч. *Чираручей* (вепс. *čiraita* ‘шипеть, журчать’); о. *Чираки* (вепс. *čirak* ‘мель, гряда на озере’); уг. *Чухи* (название поля, расположенного на склоне горы), в основе, видимо, вепс. *čihi* ‘конек крыши’. Данная основа довольно активно выступает в наименованиях возвышенных участков местности в вепсской топонимии [Муллонен, 1994, 56]. Название расположенной на горушке пахотной поляны *Кукоръга* содержит в основе вепсскую метафорическую модель **Kukoihařj*, букв. ‘петушиный гребень’, также активно использовавшуюся для называния возвышенностей [Муллонен, 1994, 32]. Топоним *Пельчаг* (небольшой остров на оз. Кенозеро)

явно входит в один ряд с наименованиями островов, а также небольших озер с основой *pel'* ‘край, бок, сторона’, известных на вепсской территории. Особо выделяется группа микротопонимов, в которых в качестве основного элемента (детерминанта) сохранился прибалтийско-финский оригинал: уг. *Вакипёлда*, *Кодапёлда*, *Кипелда*, *Чурпальда*, *Ижпелда* (вепс. *peld*, *röud*, *rüud* ‘поле’), *Везиматка* (вепс. *matk* ‘путь, дорога’), в то время как большинство топонимов такого типа существуют в виде нолукалек, где основной элемент переведется: *Лахнозеро*, *Кукагора*, *Ижполе*, *Габнаволок* и др.

О вепсском прошлом Восточного Обонежья говорит и наличие в местной топонимии типичных вепсских географических терминов и моделей именования географических объектов, не свойственных карельской топосистеме. К таковым относятся, например, термин *пуганда* от вепс. *pugand* ‘узкое с быстрым течением место в реке’, отразившийся в названиях порогов и перекатов на реках *Водле* и *Ваме*: *Пуганда, Верхняя и Нижняя Пуганда, Житная Пуганда, Извозная Пуганда, Мегрепуганда, Черная Пуганда* и др.; вепсский географический термин *kar, kara* ‘небольшой залив, бухта’: уг. *Гажъя Кара, Кобылья Кара*, зал. *Карелахта* и др. Продуктивная вепсская модель *Сара* от вепс. *sar, sara* ‘развилина, разветвление (дороги, реки, ручья)’ реализуется в топонимии Восточного Обонежья в названиях рек, ручьев и расположенных вдоль них угодий: р. *Сара*, р. *Матсара*, руч. *Саручей*, зал. *Сарлахта, Сараплесо*, бол. *Сармох*, угодья *Габсара, Риксара, Саранивы, Саражи* и др. В связи с последним примером следует обратить внимание на колодозерский топоним с карельскими истоками – название озера, раздваивающегося на два плеса, *Харагозеро* (карел. *hoara* ‘разветвление, раздвоение’) и группу топонимов с основой *Свара*, выступающей в названиях рек, ручьев, озер, болот и угодий, единичная фиксация – в названии залива, ареал которых располагается на границе Архангельской и Вологодской областей, в Каргополье, а также в Няндомском районе Архангельской области: *Свара, Свары, Сварки, Сваровитихи, Сварболото, Свараболото, Сварино, Сварручей, Сварозеро, Сварозерское, Сваркурья, Часвара* и др. (рис. 1). Большинство из приведенных объектов характеризуется как развилка, ответвление или, наоборот, место слияния двух

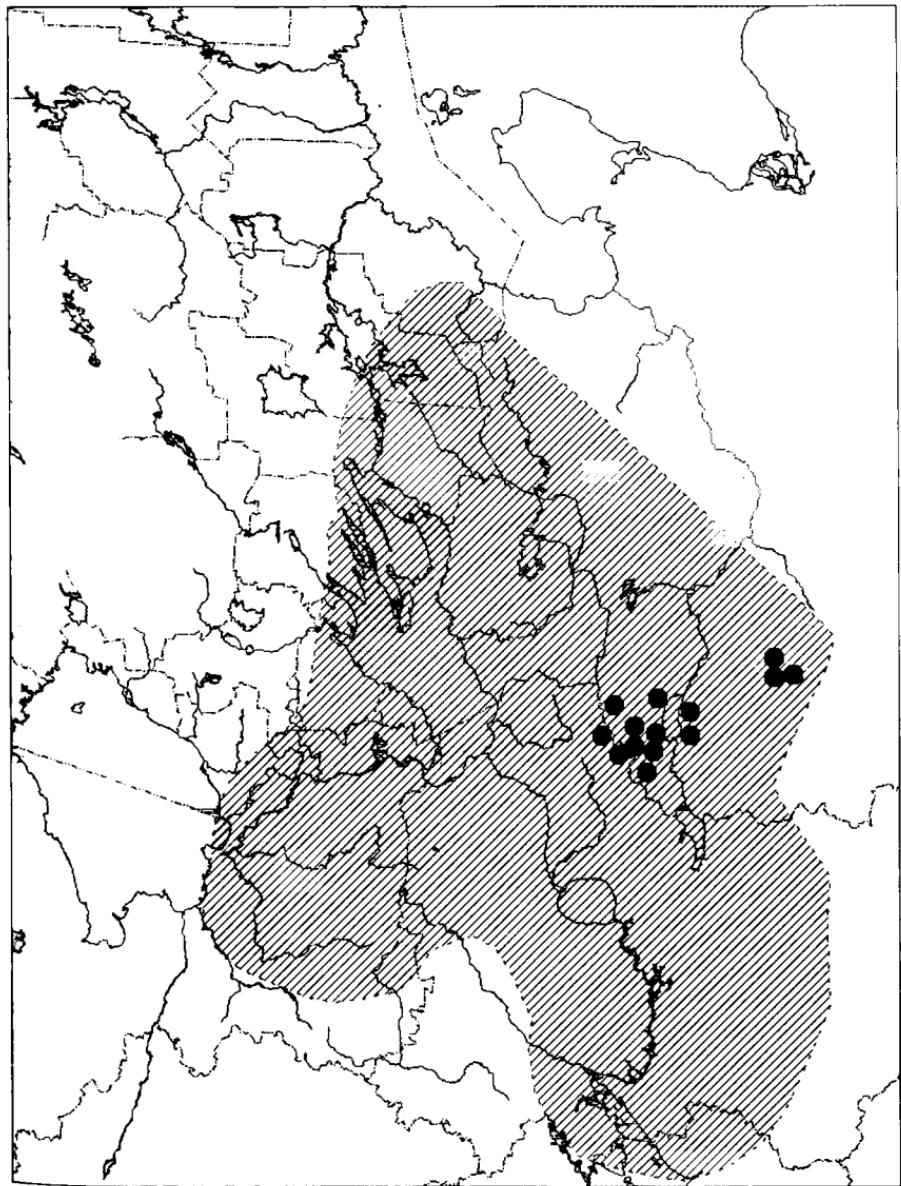

Рис. 1. Ареал вепсской топоосновы *Sara/Capa*
● обозначены топонимы с основой *Свар-*, *Свара*

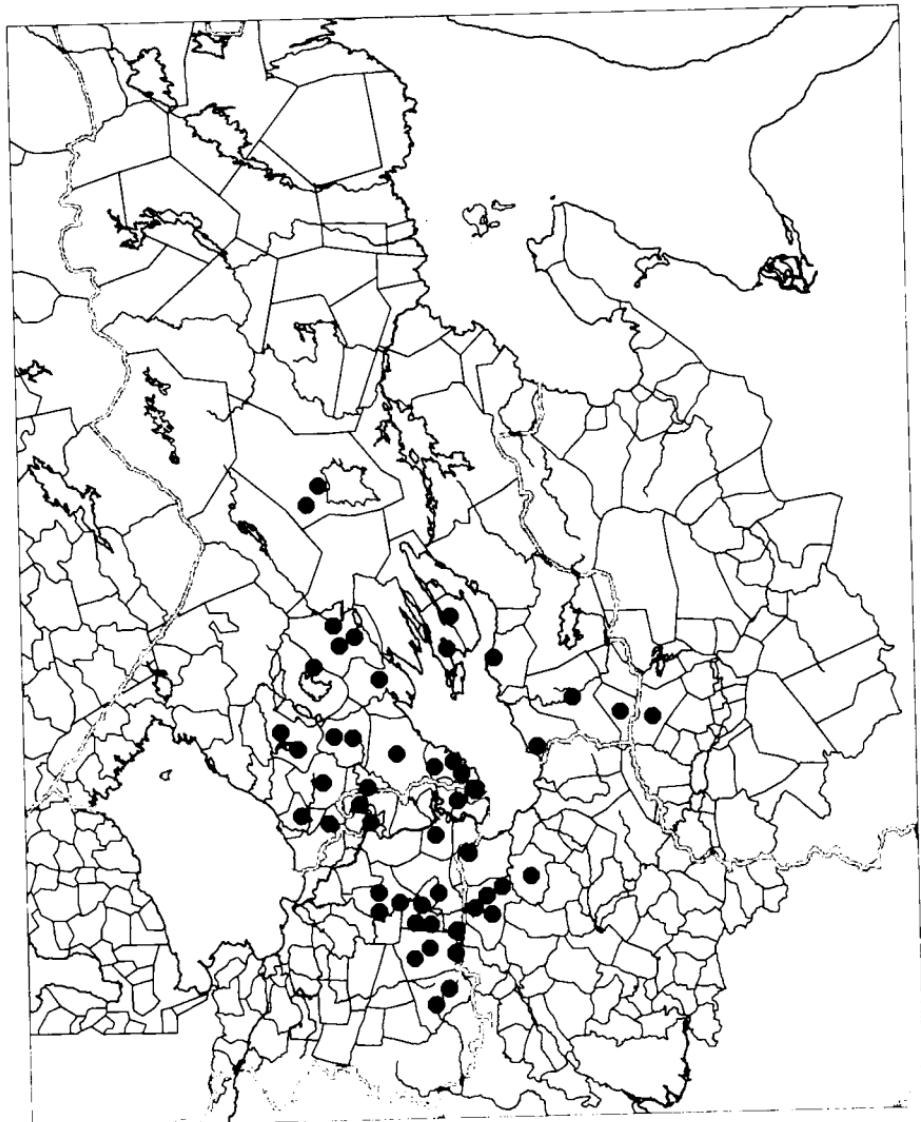

Рис. 2. Ареал вепсской топоосновы Palte/Палтега

рек, ручьев («там недалеко речки сливаются, свариваются»). Карельские истоки для данной модели были предложены А. К. Матвеевым и позднее Я. Саарикиви: карел. *suara* ‘разветвление (дерева, дороги)’. Пришлое же карельское население не могло принести данную модель именования с собой, так как картографирование модели *sara/cara* указало на ее отсутствие на территории расселения карелов и, наоборот, – на значительную продуктивность на территории былого и современного расселения вепсов [Муллонен, 2007, 12–15]. Модель *Свара*, скорее всего, является результатом карельского освоения вепсской модели *Сара*, что говорит о более позднем появлении здесь карельского населения по сравнению с вепсским.

В качестве еще одного примера приведем дифференцирующую вепсскую модель *Palte/Палтега* (вепс. *palte* < **palteg* < **palttek* ‘склон, косогор’), реализованную в топонимии Восточного Обонежья в названиях сельскохозяйственных угодий: Палтега, Палтеги, На Палты, Палтяжная Гора и др. Лексема *palte* известна в определенной степени и карельским говорам, но не получила распространения в карельской топонимии. Топонимический ареал модели *Palte/Палтега* охватывает вепсские и смежные, сформировавшиеся в ходе карело-вепсского языкового контактирования ливвиковскую и людиковскую территории, модель бытует также в русском (в том числе и Восточном) Обонежье (рис. 2).

В пользу вепсского прошлого Восточного Обонежья свидетельствует практически полное отсутствие здесь этнонимов с основой *venc-* (исключение составляют названия бол. Вепсимох и руч. Вепсручей), в то время как ареал топоосновы *карел-/корел-* широко представлен от восточного берега Онежского озера до бассейна Северной Двины: *Карелин лес, Карельский ручей, Карельское озеро, Карельские острова, Карелы, Карельский Конец, Кореловщина, Корелка, Корелово, Малокорельское, Большекорельское* и др. Как правило, топонимы этого типа маркируют очаги карельских поселений, возникших на территориях, занятых русским или вепсским населением.

Ареальный анализ топонимического материала и его картографирование показывают, что карельские модели, представленные, как правило, в центральной и северной Карелии распространяются

из Северного Приладожья и доходят до Восточного Обонежья, огибая Онежское озеро с севера, вепсские – исходят с территории межозерья Ладожского, Онежского и Белого озер и приходят в Восточное Обонежье через территорию Южного Обонежья. При этом вепсский субстрат доминирует в Водлозерье, вдоль течения р. Водлы, в южной части Пудожского района, которая объединяется со смежными территориями Вытегорского района в единый ареал, а также в Кенозерье, помечая, видимо, пути освоения территории вепсским населением.

Карельская топонимия представляет собой, вероятно, верхний (более поздний по сравнению с вепсским) пласт многослойной субстратной топонимии этой территории и восходит ко времени карельских переселений на восток из Северного и Северо-Западного Приладожья XVI–XVII вв.

Список сокращений

бол. – болото	уг. – уголье
д. – деревня	вепс. – вепсский
зал. – залив	карел. – карельский
м. – мыс	прасаам. – прасаамский
о. – остров	приб.-фин. – прибалтийско-финский
оз. – озеро	рус. – русский
р. – река	саам. – саамский
руч. – ручей	
ср. – сравни	

ЛИТЕРАТУРА

- Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М: Наука, 2006.
- Материалы по истории Европейского Севера СССР // Северный археограф. Вып. 2. М., 1972.
- Муллонен И. И. Этноисторические мотивы топонимии Белозерья // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутник IX–X веков). Петрозаводск, 1991.
- Муллонен И. И. Заметки о топонимии Водлозерья // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995.

- Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб, 1994.
- Муллонен И. И. Топонимический атлас Карелии: проблемы и перспективы // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007.
- ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1563 г. Л., 1930.
- ПФГЛК – Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Хелимский Е. А. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. 2006. № 3.
- Itkonen T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja // LSFU. XV. Helsinki, 1958.*
- Karjalan kielen sanakirja. I – V // LSFU. XVI. Helsinki, 1968–1997.*
- Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // SUST. 200. Helsinki, 1989.*
- Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylänimistössä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 72. Helsinki, 1973.*
- Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Helsinki, 1975.*
- Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. 1. 1976.*
- Saarikivi J. On the Uralic substrate toponymy of Arkhangelsk region: problems of research methodology and ethnohistorical interpretation // Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in Northern Russian dialects. Tartu, 2006.*

А. И. Соболев
(Архангельск)

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ КАЛЬКИ В ТОПОНИМИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ОБОНЕЖЬЯ

Для многих районов Европейского Севера, где историческими документами не зафиксирован факт проживания финно-угорского населения, актуален вопрос о наличии или отсутствии неславянского субстрата в местных русских говорах и локальных вариантах культуры, а также путях выявления такого влияния.

Особую актуальность подобного рода исследования имеют в Обонежье – историко-культурном регионе вокруг Онежского озера, территории с современным русским и прибалтийско-финским (карельским и вепсским) населением.

Это объясняется следующими причинами. Во-первых, вепсы стали объектом научного изучения сравнительно поздно – только

во второй половине XIX в., когда вепсская культура уже подверглась значительному «обрусению» [Винокурова, 2007, 7]. Во-вторых, первые более или менее полные статистические данные о расселении неславянского населения в Олонецкой губернии появились только в 1840-е гг. [Пашков, 2003, 329–332].

При таких обстоятельствах языковые данные служат ключевым источником для восстановления этнической истории края.

Топонимические кальки позволяют не только подтвердить эти-мологию субстратного топонима, но и служат доказательством билингвизма и в некоторых случаях указывают на конкретное время существования двуязычия.

В настоящей статье нами рассмотрены примеры прибалтийско-финско-русских топонимических калек на юго-восточной части Обонежья, включающей в себя бассейны р. Андомы, озёр Тудозера и Муромского (север Вытегорского района Вологодской области и юг Пудожского района Республики Карелия) с привлечением данных по прилегающим территориям. Отметим, что в XV–XVIII вв. рассматриваемая территория составляла отдельную административно-территориальную единицу – Никольский Андомский погост Обонежской пятины Новгородской земли.

Источниками для данной работы послужили писцовые книги XVI–XVII вв., топографические карты и планы, материалы Национального архива Республики Карелия (НАРК) и полевые данные автора (1996–2008 гг.).

В настоящее время население территории – русское, однако ранее здесь наряду с русским проживало прибалтийско-финское (вепсское и карельское) население, о чем свидетельствует хорошая сохранность микротопонимии прибалтийско-финского происхождения, значительный пласт лексики вепсского и карельского происхождения в местных русских говорах, наличие черт материальной и духовной культуры, характерных для вепсов и карел. Процесс утраты национального самосознания и языка у андомской части прибалтийско-финского населения завершился, по-видимому, в XVIII–IX вв. [Соболев, 2009].

Итоги топонимической экспедиции Уральского университета, проведенной в бассейне р. Андомы в 1999 г., также свиде-

тельствуют о том, что лексический и топонимический фон территории характеризуется:

- богатейшей субстратной топонимией (до 50 % названий), имеющей вепсские и карельские этимологии;
- массовыми (в том числе глагольными) заимствованиями из данных языков;
- регулярными топонимами-полукальками (Кивручей, Габозеро, Лемболово и проч.), а также русскими топонимами, сохраняющими структуру субстратных.

Указанные обстоятельства позволяют ожидать здесь существование топонимических калек, характерных для зон прибалтийско-финско-русского двуязычия [Гусельникова, 2000, 172–173].

Полные топонимические кальки в названии одного объекта. А. К. Матвеев считал, что для территорий с живым двуязычием, например для Карелии, поиск параллельных названий, прилагаемых к одному объекту, очень полезен, однако беспersпективен для Русского Севера как давно обруссевшей территории [Матвеев, 2001, 114].

Вместе с тем следы двуязычия можно выявить по ранним письменным документам, когда население ныне обруссевших территорий еще владело прибалтийско-финскими языками. При этом выявление синхронных разноязычных калькированных названий одного и того же объекта позволяет установить не только факт билингвизма, но и его временные рамки.

Так, например, по материалам писцовых книг XVI–XVII вв. исследователями выявлялись топонимические кальки по некоторым из погостов Обонежской пятины, например в Водлозерском: «дер. на *Медвежье* наволоке словет на *Конде* наволоке»: вепс. *kondii*, кар. *kondi* «медведь» [Муллонен, 2002, 107; Попов, 1949, 49–50; Шилов, 2001, 48–50].

На основании анализа писцовых книг по территории южного Обонежья нами также выявлены следующие прибалтийско-финско-русские кальки:

- 1) «починок на *Габ*-наволоке *Осинкин*» (1563 г., Мегрежской погост) [Писцовые книги, 1930, 218]: вепс. *hab* «осина»;
- 2) «дер. на *Курье* горе» (1496 г., Оштинский погост), она же – «дер. на *Кукоеве* горе» (1563 г., Оштинский погост) [Писцовые книги,

- 1930, 31, 222], позднее – д. Куково Оштинского сельсовета Вытегорского района: вепс. *kikoi* «петух», при рус. *кур* «петух», *курий* «петушиный» [Словарь русского языка, 1981, 134, 138];
- 3) «д. Пустынка же словет на горе Кукасовская» (1563 г., Вытегорский погост) [Писцовые книги, 1930, 211], она же – «пустошь, что была деревня Кукосовская гора, Пустынка» [Писцовая книга, 1993, 278]: вепс. *kukkaz* «холм, горка»;
- 4) «д. в Сосновицах, на устье ручейка Елисеевской, в Гонгиницах» (1628/1629 гг., Андомский погост) [Список, 1850]: вепс. *hong* «сосна (обычно сухая, высокая), высохшая на корню сосна».

Поскольку фиксация параллельных названий одного и того же объекта, представляющих собой разнозыкые корреляты, как правило, происходит при наличии двуязычия [Матвеев, 2001, 113–114], то с учетом одновременной фиксации форм Гонгиницы и Сосновицы можно заключить, что в первой трети XVII в. в пределах Андомского погоста (на оз. Тудозеро) имелось двуязычное население, говорившее на вепсском и русском языках.

Нами выявлены также диахронные разнозычные варианты одного топонима на территории Андомского погоста:

- 1) «д. на Лисье горе Фролков след», 1563 г. [Писцовые книги, 1930, 191], она же – «пустошь на Лисьей горе Фролковской След», 1583 г. [Писцовая книга, 1993, 246], в настоящее время – поляна *Ребосельга* у д. Ладино Андомской сельской администрации < *Reboisel'g: вепс. *reboi* «лиса», *sel'g* «поросшая лесом гора, сельга».
- 2) «д. Григуево», 1563 г. [Писцовые книги, 1930, 194], она же – «д. Григорьева» (1583 г.) [Писцовая книга, 1993, 255]: вепс. **Grigoi*, кар. *Griigoi* – Григорий.

Примером, свидетельствующим о русско-вепсском двуязычии в южном Обонежье в более позднее время, являются два синхронных названия одного подводного кряжа (луды) в южной (вытегорской) части Онежского озера – Зуб-сельга и Гамбо-сельга [Пушкирев, 1900, 85]: вепс. *hambaz* «зуб». Длительное сохранение двух названий объясняется тем, что рыболовство в данном районе осуще-

ствляли не только русские, но и вепсские рыбаки с западного побережья Онежского озера.

В целом приведенные топонимические кальки свидетельствуют о:

- наличии в XV–XVII вв. прибалтийско-финского населения на территории южного Обонежья на современных русских территориях (в с. Ошта, в бассейне р. Андомы и Тудозера);
- двуязычии, сохранившемся на оз. Тудозero в XVII в.;
- об использовании писцами не только оригинальных русских топонимов, но и переводных калек прибалтийско-финских названий, не закрепившихся в устной речи (аналогичное явление отмечено также на верхней Свири [Муллонен, 2002, 140].

Метонимические кальки. Метонимические кальки – одинаковые по содержанию, но различные в плане выражения (разноязычные) обозначения смежных объектов. Согласно А. К. Матвееву, возможны два пути образования топонимических калек. В первом случае одно из двух субстратных названий смежных объектов сохраняется, а второе калькируется; во втором – субстратное название или его калька переносится на часть объекта или смежный объект, т. е. происходит своеобразное «расщепление» топонима, который в эпоху двуязычия прилагался к одному объекту [Матвеев, 2001, 114].

Вероятно, первым, кто опубликовал примеры метонимических калек в бассейне р. Андомы, была М. Л. Гусельникова [Гусельникова, 1999, 2000]. В указанных статьях она приводит 12 примеров метонимических калек. Из них, на наш взгляд, достаточно убедительными являются 8 примеров, оставшиеся 4 примера спорны или ложны.

Перейдем к рассмотрению примеров калек, по нашему мнению, в целом не вызывающих сомнений в этимологии, дополнив их новым материалом:

1) руч. *Линдручей* (вепс. *lidn* «город») рядом с ур. *Городок* [Гусельникова, 1999, 17] (такая пара зафиксирована 2 раза – в Саминском погосте и у с. Макачево) [Гусельникова, 2000, 17].

На наличие в селах Самино и Макачево укрепленных поселений указывают также археологические и письменные источники.

Так, Саминское городище (XII–XIV вв.), расположенное на р. Самине в ур. Городок, обследовано в 1970-е гг. археологами Карельского филиала АН СССР. О неславянском населении городища говорит ориентировка погребений (северо-запад – юго-восток) [Пессонен, 1971, 30].

По писцовым книгам XVI в. саминское укрепление известно как «Городище» [Писцовые книги, 1930, 189], макачевское (на котором археологические раскопки не проводились) – как «Городок» [Писцовые книги, 1930, 195–196].

Аналогичные топонимические кальки выявлены нами на территории с. Ошта Вытегорского района: кладбище Линдашка (вепс. lidn «город») и ранее расположенные рядом с ними деревни:

«дер. *Городища*», 1496 г., она же – «дер. *Городище* словет Ильинское», 1563 г. [Писцовые книги, 1930, 32, 225], «дер. Пустошь над *городком*» (Ильина), 1873 г. [Олонецкая губерния, 1879, 129];

«дер. у *Городища*», 1496 г., она же – «дер. у *Городища* Фетковский след», 1563 г. [Писцовые книги, 1930, 33, 226], «дер. Федьковская – над *Городком*» (Рагозина), 1873 г. [Олонецкая губерния, 1879, 128] (населенный пункт располагался на р. Оште в 1,5 км выше ур. Линдашка);

2) ур. *Куйвач* (кар. ливвиковское *kuivacīn* «сухой») у покоса *Сухоземля* [Гусельникова, 1999, 17] (по нашим полевым данным топоним имеет форму Суха земля). На наш взгляд, для названия более вероятна вепсская этимология – от **Kuīvač*, где основа *kuiv* (*kuiva-*) «сухой» оформлена формантом -č, который, как показывают исследования И. И. Муллонен, функционирует в простых по структуре топонимах, выступая в качестве заместителя детерминанта [Муллонен, 1994, 18].

Дополним, что расположение урочища и покоса на местности позволяет связать их с упоминаемым в писцовых книгах XVI в. населенным пунктом: «дер. за Городищем Ивашков след Микуева да сына его Назарка словет Сухоземская», 1563 г. [Писцовые книги, 1930, 190], она же – «пустошь за Городищем Ивашка Меркурева», 1583 г. [Писцовая книга, 1993, 247].

При этом отчество Микуев также восходит к прибалтийско-финскому источнику: вепс. *Mikoi*, кар. *Mik(k)oi* – варианты кано-

нических христианских имен Михаил, Николай (приводимые данные писцовых книг позволяют предполагать, что имя Mikoi могло быть вариантом канонического имени Меркурий);

3) руч. *Силдручай* (вепс. *sild* «мост») у покоса *Стармостки* [Гусельникова, 1999, 17];

4) руч. *Каляручай* (вепс. *kala* «рыба») течет из оз. *Рыбно* [Гусельникова, 1999, 17]. Дополним пример также карельским этимоном – *kala* (в том же значении);

5) ур. *Чуржега* (вепс. *čurg* «угол дома», *čigri* «дресва») у ур. *Каменный угол* [Гусельникова, 1999, 17]. Все же в основе топонима Чуржега лежит, вероятно, вепс. *čurg*.

Кроме того, нами в дополнение к указанной выявлена еще одна калька в данном микрорегионе – рядом с покосом Каменный угол расположен покос *Сальма* (вепс. *saum* «угол дома»). В данном случае, очевидно, произошло сближение топонима с продуктивным в вепсской топонимии географическим термином *sal'm* «пролив»;

6) ур. *Курнаний* (вепс. *kurn* «желоб, лоток») рядом с ур. *Лоточное* [Гусельникова, 1999, 17]. По нашему мнению, топоним Курнаний восходит к прибалтийско-финскому оригиналу – вепс. **Kiurgipoja* или кар. **Kiurgpanoja* – сложному топониму, где первый компонент – *ku(u)rn(a)* находится в генитиве единственного числа, а второй компонент (детерминант) – вепс., кар. -*oja* «ручей». Таким образом, буквальный перевод топонима – «желоба ручей», «лотка ручей».

Подобные падежные конструкции достаточно продуктивны в прибалтийско-финской топонимии. Нарцательное существительное *kurn* (*kiurgna*), стоящее в генитиве, выражает место, где находится ручей (в данном случае у лотка или лотков). Ср. примеры из карельской (ливвиковской) топонимии: *Lammin|oja*, букв. «ламбы ручей», *Mel'l'ičaŋ|koski*, букв. «мельницы порог» [Мамонтова, 1982, 119].

При адаптации топонима русским языком прибалтийско-финский детерминант -*oja* был передан в фонетическом варианте -ия, встречаемом также в Присвирье в названиях ручьев [Муллонен, 2002, 126];

7) р. *Кайдашка* (вепс. *kaidašti* «узко») вытекает из болота *Узкий Мок* [Гусельникова, 1999, 16]. В целом соглашаясь с этимологией,

необходимо отметить, что в основе названия все же лежит вепс. *kaid* или кар. *kaida* «узкий», оформленное русским суффиксом *-шк(а)* (ср. аналогичные топонимы южного Обонежья (с. Ошта), оформленные суффиксом *-шк(а)* – руч. *Оровашка* < вепс. *oغا* «белка»; ур. *Линдашка* < вепс. *lidn* «город»), а не вепсское наречие *kaidašti* с той же основой, где *-šti* – характерный для наречий словообразовательный суффикс;

8) руч. *Лепучей* (вепс. *leib* «хлеб») течет с поля *Хлебное* [Гусельникова, 1999, 17]. Только наличие в истоках Хлебного поля позволяет связать в данном случае топооснову Лен- (через упрощение дифтонга) с вепс. *leib*. В большинстве иных случаев топооснова все же восходит к вепс. *lep* «ольха».

Приведем также несколько примеров метонимических калек, выявленных нами на данной территории:

1. Расположенные в ур. *Лядины* (< *лядина* «подсека», «участок в лесу, расчищенный под посев») оз. *Галманское* ~ *Гарманское* (вепс. *haiteh* «подсека, пожог», кар. *halmeh* «заброшенная пожога») и бывшая д. *Кигалма* < вепс. *Kivhaum(eh)*, где *kivi* «камень», *haiteh* «подсека».

2. Бывшая д. *Янишево* (вепс. *jäniš* «заяц») на оз. Троицкое (вариант названия – *Янишево*), в конце XVIII в. известном как *Заицкое* [Генеральный план].

Таким образом, на рассматриваемой территории выявлено более десятка достаточно достоверных прибалтийско-финских метонимических калек.

Вместе с тем имеются случаи, когда топонимические кальки являются ложными, основанными на первом впечатлении, без учета ранее зафиксированных форм названий.

Спорные и ложные этимологии

1) р. *Куржекса* (вепс. *kur*, *kuro* «снеговая туча, снегопад») – у р. *Снежница* [Гусельникова, 1999, 17].

Относительно данной пары А. Л. Шилов отмечал, что из *kuro* образование Куржекса (основа **kuržes*) на прибалтийско-финской почве вряд ли возможно. Скорее, название происходит из саамского *kuorč*, *kurčA* «овраг, ущелье», *kurtšes* «овражистый», что отвеча-

ет характеру этой реки, большей частью текущей в теснинах [Шилов, 2001, 55]. Ср. также кар. *kuržo* «сырая низина, заросшая кустарником или низкорослыми деревьями».

2) оз. *Айнозеро* (вепс. *ajada* «ехать, плыть») – рядом с оз. *Ездно* [Гусельникова, 1999, 16].

В указанном примере не пояснено, в результате каких изменений вепс. *ajada* преобразовалось в топооснову *Айн-*. Кроме того, не учтены ранние формы топонима – *Вано-озеро*, *Ван-озеро*, 1563 г. [Писцовые книги, 1930, 199, 201], *Анозеро*, *Аннозеро*, конец XVIII в. [Генеральный план].

По нашему мнению, в данном случае топоосновы *Айн-*, *Ан-*, *Ван-* представляют собой различные варианты адаптации вепс. *ahn* «окунь»:

– *Айн-* < *ahn* с переходом вепс. «*h*» в русск. «*й*». Подобная передача звука «*h*» отмечена И. И. Муллонен в Заонежье: *Айннаволок* (*Айнаволок*, *Вайннаволок*), где *Айн(н)-*, *Вайн* < *ahn*, *Лайностров*, где *Лайн-* < кар. *lahna* «лещ» [Муллонен, 2008, 136–137].

О возможности аналогичного отражения прибалтийско-финского звука *h* в некоторой части андомских географических названий свидетельствует топоним *Вехкозеро* с вариантом – *Вейкозеро*, где *Вехк-* < вепс. *vehk* «вахта, водяной трилистник (*Menyanthes trifoliata*)» (*Вехкозеро* находится в 12 км к северу от *Айнозера*).

С учетом указанной особенности можно заключить, что в основе топонима *Лайнозеро* (данное озеро расположено в 7 км восточнее *Вейкозера*) лежит вепс. *lahn* или кар. *lahna* «лещ»;

– *Ан-* < *ahn* с исчезновением «*h*». Исчезновение прибалтийско-финского «*h*» при адаптации топонима русским языком – также известное явление. Ср., например, в бассейне *Тудозера* название истока ручья *Вербушки* (*Вирбушки*, *Гирбушки*) – *Ербозеро* (*Гербозеро*) < прибалтийско-финское *hirvi* «лось»;

– *Ван-* < *ahn* с исчезновением «*h*» и появлением протетического «*в*» перед начальным «*а*».

3) руч. *Кивезручей* (кар. ливвиковское *kivesiine* «каменный») верховьями сходится с руч. *Каменный* на поле *Каменное* [Гусельникова, 1999, 17].

В случае, если речь идет о *Кивизручье*, левом притоке р. *Самины*, то, судя по ранней форме топонима – *Кирвез* ручей (1645–

1676 гг. [Челобитная]), его название восходит все же к вепс. *kirvez*, кар. *kirves* «топор».

4) оз. *Кугозеро* (вепс. *kukk*, кар. ливвиковское *kukki* «петух») у бывш. д. *Петунова Гора* [Гусельникова, 1999, 17].

Более раннюю форму топонима, указанную в Генеральном плане Вытегорского уезда (конец XVIII в.), можно прочесть как Кудозеро.

Конечно, по указанному вопросу требуются дополнительные изыскания, но если форма Кудозеро первична, то в основе названия лежит вепс. *kudo* «нерест», что может быть подтверждено и географическими реалиями. Кугозеро, несомненно, более мелководно и удобно для нереста, чем соединенное с ним протокой оз. Куржинское, чьи глубины достигают 30 м.

Таким образом, наличие топонимических калек свидетельствует о прибалтийско-финско-русском двуязычии населения андомского края, сохранявшемся длительный период.

Вместе с тем анализ примеров калек показывает, насколько важно выявление и учет ранних форм топонимов, без которых даже такой, казалось бы, надежный источник может оказаться ложным.

ЛИТЕРАТУРА

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб, 2007.

Генеральный план Вытегорского уезда Олонецкого наместничества. РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 3262–3271.

Гусельникова М. Л. Итоги работы топонимической экспедиции Уральского университета в Вытегорском районе Вологодской области // Финно-угорское наследие в русском языке: сб. научных трудов. Вып. 1. Екатеринбург: Уральский университет, 2000.

Гусельникова М. Л. Об определении калек в топонимии Русского Севера // Русская диалектная этимология : 3-е науч. совещание 21–23 октября 1999 г. Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1999.

Мамонтова Н. Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск: Карелия, 1982.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2001.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб: Наука, 1994.

Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: КарИЦ РАН, 2008.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002.

Олонецкая губерния: список населенных мест по сведениям 1873 года. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1879. ХCV. 235. 1 с. (Списки населенных мест Российской империи. Т. 27).

Пашков А. М. «Открытие» и изучение вепсов в дореволюционной России // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003.

Пессонен П. Э. Раскопки городища у дер. Самино // Археологические открытия 1970 г. М., 1971.

Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/1583 г. // История Карелии в XVI–XVII вв. в документах. Т. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993.

Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.

Попов А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949.

Пушкин Н. Н. Рыболовство на Онежском озере: отчет Министру Земледелия и Государственных Имуществ: с картою, 4 графиками и 17 рисунками. Тип. В. Ф. Киршбаума. СПб, 1900.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. Крада-Ляшина. М.: Наука, 1981.

Соболев А. И. О прибалтийско-финском субстрате в геокультурном пространстве Андомского погоста// Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 5. 2009.

Список с писцовой книги 136 и 137 [1628–1629] годов // Олонецкие губернские ведомости. Часть неофициальная, № 44–45. 1850.

Челобитная крестьянина Андомского Никольского погоста Савки Андреева об отводе сенных покосов, 1645–1676 // Электронная документальная коллекция «Олонецкая воеводская изба», на сайте illmik.petrsu.ru.

Шилов А. Л. Топонимические кальки и этимология субстратных топонимов // Вопросы языкоznания. 2001. № 1.

РОЛЬ ВЕПССКОГО ЯЗЫКА В СТАНОВЛЕНИИ КАРЕЛЬСКОЙ АЛЬТЕРНАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

В современном карельском языке принято выделять три наречия: собственно карельское, ливвиковское и людиковское [см.: Зайков, 1999, 7]. Значительную роль в процессе их формирования сыграл вепсский язык, его следы в разной степени отражены на всех языковых уровнях. В силу своего территориального положения вепсский язык оказал наибольшее влияние на южные карельские наречия: ливвиковское и людиковское. Кроме того, финляндский исследователь П. Виртаранта отмечает незначительное вепсское влияние и на южные диалекты собственно карельского наречия Карелии [Virtaranta, 1972, 1–15].

Один из важнейших признаков, маркирующих карельские наречия, а также их отдельные диалекты, – фонологическое явление альтернации согласных, заключающееся в замене смычно-взрывных, выступающих в одной и той же морфеме, другими согласными или их полном исчезновении, что происходит в определенных фонетических условиях в процессе словоизменения и словообразования, например, *pata*: *puašša* ‘горшок: в горшке’ в собственно карельском диалекте, *jalgu*: *jallat* ‘нога: ноги’ в ливвиковском, *nuotte*: *nuotad* ‘невод: неводы’ в людиковском. Альтернация функционирует в рамках двух ступеней – сильной (начальной) и слабой (обнаруживающей изменение), отсюда второе название фонологического феномена – чередование ступеней согласных. Существуют два вида чередования – количественное, когда на смену сильноступеной геминате в слабой ступени приходит одиночный согласный, и качественное, когда одиночный смычно-взрывной замещается другим согласным или нулем звука, т. е. выпадает [см.: Новак, 2012, 4–12]. Вепсский язык не находился в стороне от процесса сложения современной альтернационной системы карельского языка, оставив свой след в ливвиковском и людиковском карельских наречиях в качестве субстрата. В статье предлагается рассмотреть условия и последствия данного воздействия.

Исследователи относят возникновение явления альтернации согласных к периоду функционирования прибалтийско-финского прайзыка. Согласно Т. Итконену, основой для формирования древнекарельского и древневепсского языков послужили его восточный и северный диалекты. Восточный прибалтийско-финский диалект занимал территорию от юго-западного побережья Ладожского озера и восточного побережья Финского залива на севере до Чудского и Псковского озер на юге, северный – северное побережье Финского залива, откуда в начале первого тысячелетия началось движение населения на Карельский перешеек, о чем свидетельствуют археологические, топонимические и лингвистические данные. На Карельском перешейке в конце первого тысячелетия произошло смешение двух диалектов языка-основы, что привело к формированию карельского и вепсского прайзыков. На северном и северо-западном берегу Ладожского озера сложился древнекарельский этнос, а на южном и юго-восточном, куда не распространилось сильное западнофинское влияние, – древневепсский [Itkonen, 1983, 349–353]. Очевидно, что древнекарельский язык перенял из прибалтийско-финского прайзыка механизм чередования ступеней согласных, а вот вопрос о возможности существования фонологического феномена в прошлом вепсского языка остается открытым. В течение XX столетия он неоднократно становился предметом полемики финляндских и советских лингвистов.

Современная вепсская фонологическая система, в отличие от карельской, не обнаруживает наличия парадигматической альтернации согласных. Приведем несколько примеров тому: *iga*: *igan* ‘возраст’ ном. ед.: ген. ед., *jaug*: *jaugan* ‘нога: ногу’, *härg*: *härgän* ‘бык: быка’, *pada*: *padas* ‘горшок: в горшке’. Исключением является северновепсский и единичные случаи в средневепсском диалекте, обнаруживающие количественное чередование: *akk*: *akan* ‘старуха : старуху’, *satt*: *satod* ‘копна : копны’, *rapp*: *papin* ‘поп : попа’ [см.: Богданов, 1958, 69; Пикамяэ, 1956, 46–47].

В своих исследованиях лингвисты склоняются к одной из точек зрения относительно древневепсской фонологической системы: чередование ступеней согласных функционировало в древневепсском языке, но сошло на нет в ходе языкового развития под влиянием тех или иных факторов; явление альтернации

согласных никогда не было характерно для прошлого вепсского языка. И та и другая теория оперируют достаточно вескими доказательствами.

Основоположником первой точки зрения является финляндский исследователь Э. Н. Сетяля. В качестве доказательства он приводит лексикализацию слабоступенных основ в следующих лексемах средневепсского диалекта: *kaħesa* ‘восемь’, *uħesa* ‘девять’, *kohendan* ‘я ремонтирую’, обнаруживающих слабую ступень чередования *ht*: *h* [Setälä, 1890, 38]. А. Е. Тункело, поддерживая теорию, предложенную Э. Н. Сетяля, ссылается на сохранившееся в вепсских диалектах количественное чередование ступеней согласных, *ottab*: *otam* ‘он берет: мы берем’, *rikkob*: *rikon* ‘он убивает: я убиваю’ [Tunkelo, 1938, 12–8]. Это же доказательство в качестве основного приводит в своем исследовании Л. Пости [Posti, 1940, 25]. Согласно точке зрения М. М. Хямяляйнена, сохранение геминат в отдельных диалектах, а также отсутствие озвончения сократившихся геминат наравне с одиночными смычно-взрывными в одних и тех же фонетических условиях (*k*, *t*, *p* < **kk*, **tt*, **pp*; *g*, *d*, *b* < **k*, **t*, **p*) в других уже является косвенным свидетельством существования древневепсской альтернации [Хямяляйнен, 1954, 106–107]. Факт наличия количественной альтернации прежде всего в северновепсском диалекте привел А. Пикамяэ к предположению, что для прошлого вепсского языка качественный вид альтернации не был свойствен [Пикамяэ, 1957, 46–47].

В качестве возможного доказательства существования альтернации Л. Пости приводит также наличие в современных вепсских диалектах следов древнего чередования **r*: *β*, выступающего в формах 3 лица презенса и 1 причастия актива, например, средне- и южновепсское *muštval* (< **muštaβalla*) ‘у помнящего’ [Posti, 1940, 25]. М. М. Хямяляйнен возводит к данному виду альтернации также именной суффикс *-v*, например, *lihav* ‘полный’, *kirjav* ‘пестрый’ [Хямяляйнен, 1954, 101]. Еще одним свидетельством былого наличия альтернации, согласно Е. А. Тункело и М. М. Хямяляйнену, может служить вепсское историческое чередование *z*: *h* (< **s*: *h*), например, *kejaz*: *keihat* ‘копье’ ном. ед.: ген. ед., *ravaz*: *rauhan* ‘старый’ ном. ед.: ген. ед. [Tunkelo, 1946, 284–285; Хямяляйнен, 1954, 100].

В статье «К вопросу о чередовании ступеней согласных в прошлом вепсского языка» М. М. Хямяляйнен в качестве важного доказательства приводит также лексему *l'ätoi* ‘огонь’, выступающую наряду с глаголом *lämbitada* ‘топить’, и средневепсский вариант *l'ämboi*, где стяженный дифтонг на *-i*, закрывая слог, вызвал благоприятные фонетические условия для альтернации [Хямяляйнен, 1954, 104]. Средневепсские глагольные формы *l'ük'idä* ‘бросать’: *l'ük'äitä* ‘бросить’, *l'ikkuda* ‘двигаться’: *l'ikutel'in* ‘я двигал’, приведенные Хямяляйненом [Хямяляйнен, 1954, 104], тоже можно смело отнести в общий доказательный ряд.

Сторонники приведенной теории сделали также попытку объяснить причины утраты древневепсской альтернации. Согласно Э. Н. Сетяля, в вепсском праязыке в процессе озвончения смычно-взрывных согласных звуков произошло совпадение сильной и слабой ступеней древнего чередования и, следовательно, нивелирование явления. Эту идею в дальнейшем поддержал и развил Е. А. Тункело, а позже А. Турунен и У. Паломяки, назвав причиной выравнивания древневепсской альтернации влияние древнерусского языка [см.: Tunkelo, 1938, 12; Turunen, 1965, 20–22; Palomäki, 2001, 151]. Тункело не исключает также возможности того, что исчезновение чередования ступеней согласных в древневепсском языке могло произойти исключительно под влиянием внутриязыковых факторов – редукции гласных и, как результат, ассимиляции глухих смычно-взрывных согласных, например, по-всеместные **rikkodak* > **rikkoda* > *rikta* ‘убивать’, **ottayama* > **ottagam* > **ottaGam* > *otkam* ‘давайте мы возьмем’ в противовес южновепсским *sugida* / *sukta* ‘чесать’, *hobida* / *hopta* ‘толочь’ [Tunkelo, 1938, 23–29]. Согласно мнению М. М. Хямяляйнена, редукция и ассимиляция, наоборот, являются следствием утраты альтернации согласных [Хямяляйнен, 1954, 105].

Сторонниками второй точки зрения на древневепсскую альтернацию, точнее на ее отсутствие, являются Л. Кеттунен [см.: Kettunen, 1919] и А. Лаанест [см.: Laanest, 1972]. В своем исследовании Л. Кеттунен приводит в противовес средневепсским примерам, перечисленным Сетяля, южно- и северновепсские *kahtsan*, *yuhtsan*, *kahtsa*, *yuhtsä*, не обнаруживающие следов наличия былой альтернации. Лексикализацию слабоступеной основы в средне-

вепсских числительных, а также случаи количественного чередования и сохранения геминат в северновепсском и отчасти в средневепсском диалектах Кеттунен называет следствием влияния соседнего карельского языка [Kettunen, 1919, 40–43]. Практически полное отсутствие следов чередования в южновепсском диалекте исследователь считает основным доказательством того, что альтернация согласных сформировалась в прибалтийско-финском языке-основе уже после отделения от него вепсского прайзыка [Kettunen, 1938, 374]. Л. Кеттунен опровергает также возможность влияния древнерусского языка на возможную утрату альтернации древневепсским, поскольку этому противоречит сохранение фонологического явления в карельском и ижорском языках, на протяжении многих веков находящихся под аналогичным влиянием [Kettunen, 1925, 70]. Согласно А. Лаанесту, древневепсскому языку могла быть свойственна та же тенденция, которая привела к формированию явления альтернации в прибалтийско-финском языке-основе, что и повлияло на сокращение геминат в нем, однако она не получила дальнейшего распространения [Laanest, 1972, 116–117].

Как мы видим, доказательства былого наличия альтернации согласных в прошлом вепсского языка вполне убедительны, но немногочисленны, что является основанием для второй теории и переводит их большей частью в разряд карельского суперстрата. Вероятнее всего, даже если для древневепсского языка и было характерно явление чередования ступеней согласных, то оно не смогло развиться до такого уровня, на котором приобрело бы важное смыслоразличительное значение, как в карельском языке, в результате чего произошла утрата явления, по крайней мере, его качественного вида. Очевидно, данный процесс завершился к моменту вепсско-карельского контактирования, что в итоге существенно отразилось на карельской фонологической системе. Возможно, первые изменения, вызванные вепсским влиянием, произошли еще на этапе функционирования древнекарельского языка. Так, например, А. Лаанест относит к таковым распространение явления чередования ступеней со звонких на глухие позиции. Древние вепсы, пытающиеся освоить карельский язык, восприняли его альтернационную систему гиперкорректно, что в результате было перенято и карелами [Laanest, 1981, 153–157]. Таким образом, в древнека-

рельском языке в отношения чередования вступали геминаты, а также одиночные смычно-взрывные согласные, выступающие в звонком интервокальном положении, в позиции после сонорных и носовых, а также после глухих согласных.

Становление современной альтернационной системы карельских наречий неразрывно связано с историей их формирования. Военные действия между Россией и Швецией XIV–XVII вв. привели к оттоку карельского населения с исторической родины [см., Кочкуркина, 1987, 61–67]. Переселение карел проходило в северные и центральные регионы современной Карелии, а также на юг, на тверские и новгородские земли, что привело к образованию собственно карельского наречия карельского языка, считающегося прямым наследником древнекарельского языка, наиболее цельно сохранившим его особенности, в том числе альтернационную систему согласных. Волна переселенцев хлынула также на Олонецкий перешеек, где в итоге вепсско-карельского контактирования завершилось формирование ливвиковского и людиковского наречий карельского языка.

Очевидно, в связи с особенностями территориального положения, при формировании ливвиковского наречия преобладающим оказался карельский компонент, вепсский же отражен в нем в качестве субстрата [см.: Itkonen, 1971, 179]. К очевидным следам вепсского влияния следует отнести упрощение альтернационной системы согласных ливвиковского наречия, а именно: выравнивание слабоступенных соответствий при чередовании смычно-взрывных, выступающих в положении после сонорных согласных (*ld*: *ll*, *rd*: *rr*, *lg*: *l* > *ll*, *rg*: *r* > *rr*), например, *jalgu* : *jallat* ‘нога : ноги’, *kurgi* : *kurret* ‘журавль : журавли’ (ср. собственно карельские *jalat*, *kuret*); выход из чередования смычно-взрывных согласных, выступающих в позиции после сонорных и носовых далее второго слога слова, например, *emändy*: *emändät* ‘хозяйка: хозяйки’ (ср. собственно карельское *emännät*); утрата альтернации смычно-взрывных согласных, находящихся в глухой фонетической позиции, очевидно, не укрепившейся в древнекарельском языке и не получившей фонологического характера, например, *nahku*: *nahkat* ‘шкура : шкуры’, *laskie*: *lasken* ‘отпускать: я отпускаю’, *itkie*: *itken* ‘плакать: я плачу’, *lehti*: *lehtet* ‘лист: листья’, *mustu*: *mustat* ‘черный: черные’.

(ср. собственно карельские *nahat*, *lašen*, *iten*, *lehet*, *muššat*) [см.: Kettunen, 1940, 285; Leskinen, 1963, 12–13]. В память о последней в ливвиковском наречии остались лишь некоторые следы, например, слабоступенна основа лексем *kaheksa* ‘восемь’, *uheksä* ‘девять’, *kahicči* ‘дважды’, *ahista* ‘набивать’ и др. [см.: Новак, 2012, 88].

Людиковское наречие исследователи называют переходной языковой формой, образовавшейся в результате смешения древнекарельского и древневепсского языков [см.: Itkonen, 1971, 179]. Очевидно, именно в результате вепсского влияния людиковское наречие полностью утратило качественную альтернацию, сохранив, однако, ее количественный вид, например, *aige*: *aigad* ‘время: времена’, *rande*: *randas* ‘берег: на берегу’, *taba*: *tabad* ‘традиция: традиции’ (ср. собственно карельские *aijad*, *rannašša*, *tavat*), но *harakke*: *harakad* ‘сорока: сороки’. Следы былого наличия качественного чередования удалось обнаружить во всех людиковских диалектах, например, *nägöy*: *näit* ‘он видит: ты видел’, *ruatta*: *ruattih* ‘работать: они работали’, *pid’ädä*: *piän* ‘держать: я держу’, *mä tiä* ‘иди узнай’ (< *tiedädä* ‘знать’), *ruavakas* ‘работящий’ (< *ruad* ‘работа’), *pidemb* ‘длиннее’ (< *pitk* ‘длинный’), *kohista* ‘шуметь’ в северолюдиковском; *ruado*: *ruavoz* ‘работа: на работе’, *pidäd’ä*: *pien* ‘держать: я держу’, *ker* : *kieräl* ‘раз: однажды’, *lämmiin* ‘теплый’, но *lämbittädä* ‘топить’ в среднелюдиковском; *pivuste* ‘длинной’ (< *pitke* ‘длинный’), *olgi*: *oles* ‘солома: в соломе’, *kumbi*: *kummat* ‘который: которые’ в южнолюдиковском; *kodi*: *koiz* ‘дом: в доме’, *d’alg*: *d’allas* ‘нога: на ноге’, *pada*: *puakš* ‘горшок: горшком’, *veraal* ‘некоторое количество’ (< *verde* ‘мера’), *ühesä* ‘девять’, *kahesa* ‘восемь’ в михайловском диалекте и др. [см.: Новак, 2012, 96].

Особенности альтернационных систем ливвиковского и людиковского карельских наречий неоспоримо указывают на роль древневепсского языка в их формировании. Язык коренного вепсского населения, утративший явление чередования ступеней согласных или, что тоже вполне вероятно, никогда не знакомый с ним, растворившись в языке переселенцев, не мог не оставить своих следов. Очевидно, вепсский язык оказал большее влияние на людиковское наречие, в результате чего последним был утрачен качественный вид альтернации согласных, что особенно сблизило его с вепсским языком. В ливвиковском же наречии контаминация при-

вела к упрощению механизма чередования ступеней согласных, что, однако, значительно не отразилось на сохранении его безусловной близости к собственно карельскому наречию.

ЛИТЕРАТУРА

Богданов Н. И. Народность вепсы и их язык // Прибалтийско-финское языкознание. 12. 1958.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999.

Кочкуркина С. И. Древние карелы. Петрозаводск: Карелия, 1987.

Новак И. П. Становление альтернативной системы согласных карельского языка. (Рукопись монографии.) Петрозаводск, 2012.

Пикамяэ А. Чередование ступеней согласных в основе слова в прибалтийско-финских и саамском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту: Тартуский государственный университет, 1956.

Хямяляйнен М. М. К вопросу о чередовании ступеней согласных в прошлом вепсского языка // Труды Карело-Финского филиала АН СССР. 1. 1954.

Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971. 75.

Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä. 87. 1983.

Kettunen L. Astevaihtelusta länsisuomalaisissa kielissä // Virittäjä. 23. 1919.

Kettunen L. Eräitä erimielisyysksejä tieteemme kysymyksissä // Virittäjä. 29. 1925.

Kettunen L. Onko vepsässä ollut astevaihtelua? // Virittäjä. 3. Helsinki, 1938.

Kettunen L. Karjalaisen heimon ja «karjalan kielen» ijjästä ja alkuperästä // Virittäjä. 44. 1940.

Laanest A. Itämerensuomalaisten kielten ryhmityskysymyksiä // Virittäjä. 76. 1972.

Laanest A. Muinaiskarjalan fonologisia ja morfologisia piirteitä // Congressus Quartus internationalis Fenno-ugristarum. Budapest: Akademiai kiado, 1981.

Leskinen H. Luoteis-Laatokan murteiden äänehistoria. I // SKS. Helsinki, 1963.

Palomäki U. Aina vain astevaihtelun arvoituksesta // Kiinnostuksesta kieleen. Åbo Akademi Turku, 2001.

Posti L. Über den stufenwechsel im wepsischen // FUF. 26. 1940.

Setälä E. N. Yhteissuomalaisten klusilien historia // SKS. Helsinki, 1890.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen astevaihteluttomuudesta // SKS. Helsinki, 1938.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. 228. Helsinki, 1946.

Turunen A. Vepsän äännehistorian pääkohdat. Helsinki, 1965.

Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen // СФУ. 8. 1972.

И. Ю. Винокурова
(Петрозаводск)

**ВЕПССКИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПАНТЕОН
В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ ЭТАПОВ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДА**

(на основе вепсского диалектного материала)¹

Главнейшим структурообразующим компонентом мифологической системы любого народа является ее пантеон, в который входят всевозможные божества, духи, существа различного происхождения, представляющие собой персонифицированные природные и социальные силы. В течение длительного времени своего существования пантеон подвергается влиянию различных факторов религиозного и этнокультурного характера. Изменение может коснуться только названия мифологического образа либо расшириться до поведенческих стереотипов по отношению к нему. В то же время в пантеон привносятся новые образы, которые часто затрагивают не весь этнос, а отдельные его части; при этом некоторые из них берут на себя функции более старых. Эти далеко не все сложные ментальные процессы были характерны и для вепсского пантеона, дожившего до нашего времени в виде фрагментов разной степени сохранности и с неравномерным христианизированным налетом. В настоящей статье представлены итоги изучения ряда вепсских мифологических персонажей, которые рассматриваются в этногенетическом

¹ Статья подготовлена по проекту «Истоки Карелии: время, территория, народы» в рамках программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

аспекте, с точки зрения некоторых этапов этнической истории народа.

Для начала представим в самых общих чертах модель этногенеза вепсов. Когда-то предки вепсов и других прибалтийско-финских народов составляли общность, говорившую на одном прибалтийско-финском языке. Эта общность сформировалась после завершения финско-волжского периода на территории, прилегающей к Финскому и Рижскому заливам, в середине II – начале I тыс. до н. э. Здесь прибалто-финны вступили в тесные контакты с балтами – предками современных литовцев и латышей, результатом которых стало большое количество заимствований в их языке и культуре. Во второй половине I тыс. до н. э. – первых веках н.э. языковое, социально-экономическое и культурное влияние на прибалто-финнов оказали германские народы (предки шведов, норвежцев, немцев, датчан). VI–VIII вв. – приблизительное время распада прибалтийско-финской общности на отдельные этноязыковые образования. Импульсом его стало «расселение в Новгородско-Псковском регионе крупных масс нового населения, в котором доминировал славянский этнос» [Седов, 1997, 14]. Одно из образований – весь – сформировалось на территории южного Приладожья. В I тыс. н. э. весь, теснимая осваивавшими Север славянами, стала передвигаться в северо-восточном направлении, расселяясь по рекам Свирь и Оять в сторону Белого озера. Во второй половине I тыс. н.э. определилась основная территория обитания вепси – Межозерье. На новом месте весь частично смешалась с живущим здесь аборигенным населением – саамами, а частично оттеснила его к северу. Во время переселения значительная часть вепси перешла Свирь и обосновалась на Олонецком перешейке; с XIII в. здесь начинает оседать и другое прибалтийско-финское племя – корела. Постепенное смешение вепси с корелой, происходившее в течение нескольких веков, привело к сложению двух этнолингвистических групп карапелов – ливвиков и людиков.

С образованием Древнерусского государства весь вошла в его состав. Важнейшим итогом славянской (русской) колонизации являлась также христианизация древних вепсов, начавшаяся на рубеже XI–XII вв. Последующие волны русской колонизации и формирование северорусского массива населения привели к закреплению «чеснеполосного» этнического расселения вепсов, т. е. к разделению их

древней территории на отдельные территориальные группы и подгруппы. Групповая изоляция углубляла процесс языковой дифференциации среди вепсов, а также обусловила развитие особенностей в их культуре. Другим результатом славянской (русской) колонизации были миграции вепсов. Так, активное освоение новгородскими славянами Свири и Присвирья в XVI в. вызвало переселение оттуда части вепсов на земли западного побережья Онежского озера, ставшей основой формирования северных вепсов. В XVII в. в эту группу вливались карельские переселенцы, кроме того, культурное влияние на северных вепсов оказывало соседнее южнокарельское, а позднее – русское население. Рассмотрим теперь, какие этапы вепсской этнической истории отразились в вепсском мифологическом пантеоне.

Финно-угорский пласт. Самым древним образом вепсского пантеона, восходящим к финно-угорскому периоду, является бог Юмай – вепсск. *Jutai*. Диалектные вепсские названия: *g'itai* (Пондала), *g'itoi* (Шимозеро), *jitoi* (Озера), *jitā* (Сидорово, Чайгино), *d'itai* (Шелтозеро) [Зайцева, Муллонен, 1972, 90]. Его название имеет соответствие во многих родственных финно-угорских мифологиях: фин., кар. *Jumala*; эст. *Jumal*; саам. Юбмел; коми Йомал; мар. Юмо – Куту-Юмо. При этом другие названия божеств прибалтийско-финских народов по большей части неизвестны остальным финно-уграм. О почитании бога Юмалы на южном побережье Белого моря (Биармия) сообщается в скандинавских сагах: «в ограде стоит бог Биармийский, он называется Юмала» [Кастрен, 1853, 501]. По мнению Э. Лённрота, карельский и финский Юмала первоначально был богом грома: *jut*, *jiti* означает ‘гром, шум’. Следовательно, он в какой-то мере тождествен божествам-громовикам у других народов, например, Тору у германцев, Перуну у славян, Перкунасу у литовцев. М. Кастрен расширяет значение *Jumala* до бога неба. Он пишет: «Если *jut* (*jiti*) значит гром, то *jumala* должно значить место (страну), где находится гром, т. е. небо» [Кастрен, 1853, 504]. В целом, по наблюдениям М. Кастрена, представления о небе, боге грома и божестве вообще у финно-угорских народов смешаны².

² В этимологических словарях финского языка высказана идея также об арийском происхождении лексемы (ср. санскр. *duymān-* «небесный; сияющий, сверкающий; яркий» [см.: Häkkinen, 2007, 289]).

Некоторые сведения о *Jumai* как боге грома и молнии оставили следы в диалектах вепсского языка. Так, у шимозерских и пяжозерских вепсов слово *g'itou* сохранило два значения – бог и гром: «*G'itou g'ureidab i lämin iškeb*» – «букв. Бог (= гром) гремит и высекает молнию». Судя по данным лексики оятских вепсов, слово *jutou* имело у них три значения – «бог, гром, молния», например: «*Jumou jureidab*» «Бог (= гром) гремит», «*Jumal iški heboho*» – «Молния (=Бог) ударила в лошадь» [Зайцева, Муллонен, 1972, 151]. У южных вепсов также гром и Бог отождествлялись. Услышав раскаты грома, крестьяне имитировали баранье блеянье: «*Jumā juraidab, kulin, miše tarīž bäkkähtada, dei iče radlimā. Štobi vödm'an ei kibišta rahndes*» – «Гром (Бог) гремит, слышала, что нужно блеять, да и сами делали. Чтобы не болела поясница во время жатвы» (Боброзеро) [Винокурова, 2006]. Данный любопытный факт, соотнесенный с культурными аналогиями других народов, заставляет выдвинуть предположение, что спутником бога Юмоу в вепсских верованиях мог быть баран. В Скандинавии, например, бог грома Тор представлялся едущим на повозке, запряженной баранами [Тресидер, 2001, 21]. У западноафриканского народа йоруба баран – символ и атрибут бога грома Шанго, а гром воспринимается как оглушающее баранье блеянье [Бидерманн, 1996, 24].

В то же время некоторые данные вепсской метеорологической лексики могут говорить о *Jumai* как боге неба, производящем различные погодные явления, поскольку в вепсском языке названия, обозначающие гром, грозу, радугу, содержат имя этого бога: *g'umalangüru* – «гром» (букв. «божий грохот»), *g'umalansä* – «гроза» (букв. «божья погода»), *jumalanheboine* – «радуга» (букв. «божья лошадка») или *jumalankušak* (букв. «божий кушак»).

Еще в дохристианское время у финнов и карелов название небесного бога и громовержца *Jumala* (*Jumal*) было заменено лексикой *Укко*. По своему коренному значению *ukko* – это представитель мужского пола, считающийся старшим по возрасту и званию. Первоначально термин *ukko* использовался как эпитет, выражающий благоговение и почтение по отношению к небесному богу *Jumala* (*Jumal*). Когда же слово *Jumala* (*Jumal*) постепенно стало обозначать вообще сильного и могущественного бога, даже христианского, его громовые и небесные функции стали соединять с

именем Укко, т.е. праотца, старца [Кастрен, 1853, 511]. В финском и карельском языках термины, обозначающие гром, грозу, радугу, содержат корень *uk*, а не *jutoi*, как у вепсов: *ukkonen* (фин.) – «гром» (уменьш. от *ukko*); *ukonilma* (кар.), *ukkossää* (фин.) – «гроза» (букв. «божья погода»); *ukonkuari* (кар.) – «радуга» (букв. «божья дуга») и др. Следов перехода от *Jutai* к *Uk* в вепсской культуре не обнаружено, за исключением одного языкового примера: «*Uk jureidab*» – «Гром (= старик, Бог) гремит» [Богданов, 1952, 156].

После крещения вепсов под словом Юмау стал пониматься христианский Бог, а громовые функции перенеслись на христианского святого Илью Пророка [Винокурова, 2003, 427].

Прибалтийско-финский пласт. К прибалтийско-финскому периоду можно отнести появление персонажа Сюнд – вепсск. *Sünd*, который после христианизации приобрел значение «Бог-Творец, Иисус Христос (повсеместно)». Однако первоначально под этим термином у вепсов понимался «предок, прародитель, пребывающий на земле в период зимних Святок» – *sündum*. Данное утверждение основывается на привлечении культурных аналогий родственных народов. Обратимся к ним.

Sünd/sünt- – корень прибалтийско-финских слов, обозначающих «рождение»: вепс. *sündutada* – «родить», *sündüda* – «родиться»; кар. *süntüyö* – «родиться»; фин. *syntyä* – «рождаться, родиться», *syntytäjä* – «роженица; творец, создатель», *synty* – «рождение; происхождение; начало; возникновение»; эст. *sünnitada* – «родить, рожать, рождать», [SSA, 2000, 231].

У южных групп карелов под термином *Sündü*, наряду со значением «Бог-Творец, Иисус Христос», может пониматься и мифологическое существо, которое находится на земле от Рождества Христова до Крещения Господня и выполняет функции оракула в гаданиях. Карельские названия Святок – *sünnittua* (сев. кар.), *sünnittua* (лив.), *sündüntua* (люд.) – буквально переводятся как «земля Сюндю». В карельской народной поэзии раскрываются новые грани значения слова *synty*. В заклинаниях *synty* – дух предка рода, которого колдун призывает на помощь. В карельских плачах употребляется производная от *synty* форма – *syndyzet* (*syntyset*), представляющая всегда множественное число с использованием

диминутивных суффиксов. Основное и первоначальное значение *syntyset* в плачах – это умершие родственники, прародители, а также загробный мир [Конкка, 1992, 34К36]. Эти карельские значения слова *synty* свидетельствуют о его языческом происхождении. Таким образом, у вепсов, как и у карелов, под словом *Sünd* первоначально подразумевался «мифологический родоначальник (один или во множественном числе), существовавший при начальном этапе становления миропорядка» [Левкиевская, 2009, 250] – начале времени и земли, которое впоследствии отмечалось праздником – зимними Святками (*sündum*). С приобщением вепсов к христианской религии слово *Sünd* «прародитель» приобрело у них значение Бога, Иисуса Христа, по преданию, родившегося в это время.

У северных вепсов, наряду с христианизированными представлениями о *Sünd*, встречаются и более ранние, зафиксированные у многих народов мира, – о сезонном пребывании предков на земле и их последующем возвращении на «тот свет». По данным представлениям, *Sünd* – явный представитель мира мертвых, который появляется на земле в период зимних Святок. В верованиях и обрядности, связанных с приходом *Sünd*, как и в универсальном культе предков, важное место отводилось его кормлению обычно горячей пищей для обогрева. Одним из угощений являлись блины – поминальное блюдо у вепсов. Блины, испеченные специально для *Sünd*, носили название *kotad* «башмаки» и *hatrad* «пирожки». По северновепсским поверьям: «*Raštvan kanunan tehtihe Sündule kotad i hatrad. Nénid ei voittet voil. Kut koljale ei voitelkei sapkeid, muga ei voitelkei Sündule kotad*» – «Накануне Рождества делали Сюнду «башмаки и пирожки». Их не смазывали маслом. Как мертвым не смазывали сапоги, так Сюнду не смазывали башмаки» [Perttola, N 138]. Семантика обуви чрезвычайно актуальна в представлениях о предках. Она не дает им мерзнуть во время пребывания на земле и необходима при возвращении на «тот свет». Аналогичные до мельчайших подробностей представления были известны южным карелам, и, скорее всего, именно от них распространились в среде северных вепсов. У ливвиков в Рождественский сочельник для встречи с Сюнду также жарили блины, которые назывались *syppup hattarat* (букв. «пирожки для Сюнду»). Их пекли для того, чтобы «у Сюнду

руки и ноги не мерзли». Когда приходила пора для Сюндю уходить обратно, говорили: «Уходит Сюндю, надо в дорогу портнянки испечь» [Иванова, 2012]. В отличие от северных вепсов и южных карелов у русских были известны блины под названием «Христовы (или Божьи) онучи» [Гура, 2002, 43].

Помимо блинов, важным угождением для Сюнду у северных вепсов была коврига хлеба из ржаной муки под названием *sündunkourig* (букв. «коврига Сюнду»). В течение зимних Святок днем *sündunkourig* держали в ящике стола, а ночью клади его вместе с солонкой на стол, предварительно постелив скатерть, «*miše Sünd voiš söda*» – «чтобы Сюнд мог есть». Верили, что когда Сюнд придет на землю, он скажет: «*Oli talos leib milei*» – «Был в доме хлеб мне» [Perttola, N 139]. Выпекание хлеба под названиями *joululeipä* «рождественский хлеб»; (фин., эст.) или *sünnyleibü* «хлеб Сюндю»; (кар.), который оставался нетронутым на столе в течение Святок и предназначался для мифологических персонажей иного мира, а затем использовался в аграрных обрядах, было характерно также для других прибалтийско-финских народов [Винокурова, 1994, 38]. У людиков д. Михайловское каждый святочный вечер на стол стелили скатерть, на скатерть ставили солонку, а на нее – хлеб *synnyleiby* («хлеб Сюндю») [Иванова, 2012, 75].

Предки наделялись способностью всеведения, поэтому вступая в контакт с ними, когда они на земле, можно было попросить предсказать будущее. Для одного из самых популярных у прионежских вепсов гаданий, основанных на слуховых галлюцинациях, использовалось устойчивое название *sündud kundelta* (букв. «слушать Сюнду»), ср. то же у карелов [Конкка, 1980, 91–92]. Анализ этого гадания, которое само по себе рассматривалось Церковью как греховное, свидетельствует о том, что участники действия имели дело с персонажем *Sünd* не в христианском значении. «Слушать Сюнду» обычно ходила группа девушек, иногда в сопровождении парней, в места, где, по мнению народа, обитала нечистая сила: на перекрестке дорог, в бане, риге, колодце, проруби. Лучшим временем для гаданий считались полночь и ночь – периоды наивысшей активности потусторонних сил. Выход на контакт с *Sünd* был возможен в том случае,

если гадающие освобождали себя от христианских атрибутов – крестов. Обезопасив себя универсальным магическим оберегом – кругом, очерченным вокруг гадающих одним или несколькими железными предметами (кочергой, ухватом, сковородником или косой-горбушей), участники приступали к слушанию. По доносившимся звукам каждый из них определял свою судьбу: звон колоколов – к свадьбе, стук топора – к смерти [Винокурова, 1996, 81–82]. Еще одна форма гадания под тем же названием встречается в материалах С. Вальякка. Судя по описанию, данному исследовательницей, оно также достаточно далеко от православия и Иисуса Христа: «*Sündud kundeltihe* «Сюнду слушали». Шли накануне Крещения ночью на улицу, брали снег в подол юбки, трясли его и приговаривали: «*Hüppüta, hüppüta, lumut; hüppüta, voukteine lumut; kus koir nuutab, siga minun maksaine eläb*» – «Прыгай, прыгай, снег; прыгай белый, снег; где собака лает, там мой любимый живет» [Valjakka, N 638]. Примерно такое же гадание было известно южным карелам, которое у них дополнялось народным объяснением, что «у Сюнду есть собачка, которая своим лаем предсказывает девушке, откуда будет жених» [Иванова, 2012, 97].

Балтийские заимствования. Влиянием балтов на прибалтийско-финскую общность, в составе которой в ту далекую пору находились и «древние вепсы», можно объяснить и наличие обнаруженного в южновепсском мифологическом пантеоне духа под названием кюхаро, кахаро – *kühärö, kaharö*. Сведения о данном персонаже были записаны Л. Кеттуненом во время его пребывания в южновепсских деревнях с целью изучения диалектных особенностей вепсского языка. Можно предположить, что в искашенном виде, как *кикаго*, наименование этого духа было зафиксировано в начале XX в. в д. Корвала исследователем Киселевым. Последующим поколениям исследователей не удалось подтвердить и дополнить информацию о данном персонаже. Видимо, он довольно рано исчез из памяти населения. Л. Кеттунен рассказывает, как в д. Сташково утром нового года приносили в ригу горшок с кашей, всей семьей становились вокруг него и, прежде чем начать есть, кланялись в каждый угол риги и произносили заклинание:

*kühärō, kaharō,
tule pudrot sömhä,
gomnan ižandāné, gomnan emagāné,
tūgat pudrot sömhä,
da abutagot meile tapmišt tapta,
ūdō vodō rahništ rahnda!*

*кюхяроо, кахароо,
иди есть кашу,
хозяин гумна, хозяйка гумна,
идите есть кашу,
и помогите нам смолотить,
в новом году собрать зерно!*

Сущность духа *kühärō, kaharō* вследствие недостаточности сообщений определить трудно. В некоторых заклинаниях, записанных Л. Кеттуненом, жнецы после уборки урожая просили *kühärō, kaharō* перенести зерно из скирд других хозяев в свои скирды:

«*Küheroi, kaheroi, kanda i karguta kaikutšes kegospä milén ližata i kaikutšes skirdaspä abuta milén toda, minun zapolkale, minuŋ kegho ...*» – «Кюхерой, кахерой, принеси и сделай больше с каждого снопа мне добавку и с каждой скирды помоги мне принести на мое заполье, в мой стог ...»;

«*Kühärō, kaharō kandab, karkatab, tob, torkutab, baiařškeiš kegospä, bohatšūden skirdaspä, meid'eŋ kegōhe, meid'eŋ skirdōhe, raudāžil vädril, vaškšil kanambruslōl*» – «Кюхаро, кахаро приносит, делает больше, приносит, дергает с боярских стогов, со скирд богачей в наши стога, в наши скирды железными ведрами, медными коромыслами»;

«*Kühärō, kaharō, tule munańitšut sömhä, kańd'tše leibad, rugišt' i kagrad verhīš skirdōšpä i verhīš kegospä meid'eŋ kegōhe i meid'eŋ skirdōhe, raudāžō kanambruslā, ülüiši ühtsäs mas*» – «Кюхаро, кахаро, приходи яичницу есть, принеси хлеба, ржи и овса с чужих скирд и чужих стогов в наши стога и наши скирды, железными коромыслами через девять земель» [Kettunen, 1925, 371–372].

Такое же смысловое значение имел и текст вепсского заклинания, записанный с ошибками на кириллице Киселевым, который он сопроводил русским переводом, не вполне соответствующим подлиннику. «Когда жнут последний сноп, называемый *пожинальная бабка*, говорят: «Кикаго-гаммгела Тимой Галмгела Ваней кагерой канда минут галмгела Ваней Никифорот гамлгепяй» (т.е. по-русски: «Весь хлеб с поля Ивана Тимофея и т.д. пусть переходит ко мне») [Киселев, № 37]. Имея варианты заклинаний, записанные Л. Кеттуненом, можно в какой-то мере попытаться реконструиро-

вать запись Киселева: «*Kiharō kagrkegole, Timoin kagrkegole, Vanein, kagroid kanda minun kagrkegole, Vanei Nikiforon kagrkegospä*» – «Кихаро на овсяный стог, на овсяный стог Тимофея, Ивана, овес принеси на мой стог, с Ивана Никифорова стога». По предположению, выдвинутому А. Туруненом, эти тексты свидетельствуют о том, что *kühärō, kaharō* был духом воровства зерна [Turunen, 1956, 187]. Однако, вероятнее всего, *kühärō, kaharō* был духом зерна, одной из функций которого было увеличение урожая хозяина за счет урожая соседей, т.е. это был дух, приносящий добро одним и вредящий другим.

Название *kühärō, kaharō* Л. Кеттунен считает описательным, связанным со словом *küherdan* «я сгибаюсь, я глубоко кланяюсь». Данное предположение находит подтверждение в балтийских языках и данных культуры. Вепсский дух *kühärō* ведет свое происхождение из древнебалтийского мифологического пантеона. В мифологии балтийских племен был известен бог *Curche (Kurke)*, совпадающий с *kühärō* по названию и некоторым функциям. О нем также сохранились чрезвычайно фрагментарные сообщения. Это божество имело отношение к ниве и земледельческим обрядам. Согласно древнейшему свидетельству (1249 г.), пруссы изготавливали изображение *Curche (Kurke)* раз в год при сборе урожая и поклонялись ему. Немецкий хронист XVI в. С. Грунау определяет *Curche (Kurke)* как божество еды. В других письменных источниках *Curche (Kurke)* обычно помещается в списках богов по соседству с Пушкайтсом (воплощением земли, священной бузины) и Пергрубрюсом (воплощением весны, листвы, травы), т. е. как бы на границе между сферой леса и поля. По мнению В. Н. Топорова, *Curche (Kurke)* – злой дух, вредящий злакам и собственно зерну (ср. литов. Крумине и другие божества, ведающие зерновыми, урожаем и т. п.); его действиям приписывали неурожай, об этом свидетельствует терминология: ср. латыш. *kurka* ‘мелкое, сухое, съежившееся зерно’; лит. *kurkt* ‘высыхать’ и т. д. [Топоров, 1972, 306].

Образ *Curche (Kurke)* вошел и в русскую мифологию под несколько измененным названием *Коркуша*. *Коркуша* – персонифицированный образ лихорадки в русском заговоре [Майков, 1869, 47]. В русском названии персонажа, как и у балтов и вепсов, нашла отражение идея согнутости, скрюченности; *коркуша* – та, что

причиняет корчи, судороги. Характерно, что немецкий автор XVII в. М. Преториус указывает обряды и заговоры, связанные с *Curche (Kurke)* (*Gurcho, Gurklio* – искаженное имя) и напоминающие, с одной стороны, жатвенные обряды в Прибалтике, Белоруссии и Польше (ср. польск. *kurka zbozowa*), а с другой – русские заговоры от лихорадки с участием *Коркуши*, злого духа, вредящего зерну [Иванов, Топоров, 1997, II, 30].

Русские заимствования. Значительную часть вепсского мифологического пантеона составили персонажи, заимствованные у соседнего русского населения. Одни из них имели среди вепсов повсеместное распространение, другие, которых явно больше, – узколокальное, периферийное. В качестве примера русского заимствования, широко бытующего у вепсов, является букач *bukač* – дух, которым пугают детей. Его диалектные названия – сев., ср. вепс. *bukač, buka, bukoi*; южн. вепс. *bukō* – происходят от русского мифологического персонажа *бука*, выполняющего аналогичные функции в детской демонологии [Черепанова, 1983, 121]. Страшилище, называемое *букой*, которым пугают детей, имеет достаточно широкий ареал распространения – Север и Северо-Восток России. Сведения о нем у украинцев и белорусов крайне эпизодичны (укр. *бука* – «привидение; пугалище, которое в сказках пожирает детей») [Хафизова, 2000, 198].

Информация о *bukač* у вепсов, как и у русских, несмотря на ее повсеместное распространение, довольно однообразна и скучна, встречается в вепсских поверьях и формулах запугивания детей: «*Endo laps’id’ toropl’aid’ihe bukačuil’, sanut’ihe: ”Ala voika, ika bukač tulob”*» – «Раньше детей пугали буквами, говорили: «Не плачь, а то буква придет»» (Пондала) [Зайцева, Муллонен, 1972, 50]; ср. у русских: «Пугали, говорили. [...]»: «Не плачь, вон Бука идет, тебя унесет»» (д. Саунино Каргопольского района Архангельской обл.) [Хафизова, 2000, 200].

Портрет страшного буки неопределенный. Вместе с тем анализ некоторых данных позволяет говорить об этом персонаже как о покрытом шерстью, грязном и толстом.

По отдельным сообщениям, *bukač* – это подставное название медведя, важным признаком которого является шерстистость, лохматость. Такие же представления встречаются на некоторых рус-

ских территориях: «Букой детей пугали, это медведь значит» (Вологодская обл.) [Власова, 1998, 55]. Впрочем, под названием букा мог подразумеваться дух-хозяин леса, выступающий в облике медведя [Винокурова, 2006, 108].

У северных вепсов название *buka* имело и такое значение, как «ряженый» (в шубе навыворот, возможно, изображающий медведя), возникшее в результате актуализации такого признака персонажа, как наличие шерсти. От слова *buka* в значении «ряженый» произошло название северновепской игры *bukal väta* «играть в жмурки» по признаку закрывания лица [Зайцева, Муллонен, 1972, 50].

По единичным сведениям, *bukač* – мифологический персонаж, отождествляемый у вепсов с духами-хозяевами риги и бани: «Bukač eli ríhen au i külbet’iš» – «Бука жил в риге и в бане» [Зайцева, Муллонен, 1972, 50]. Как известно, одним из наиболее распространенных внешних признаков этих духов, встречаемых в описаниях, также называется шерстистость. *Rig’ibukō* (букв. «бука риги») – одно из названий духа риги у южных вепсов. При описаниях духа риги указывалась и такая черта внешнего облика, как грязный. Отсюда производное от южновепского слова *bukō* наименование неряшливого человека, грязнули – *réduvikō* [Зайцева, Муллонен, 1972, 466].

По мнению О. А. Черепановой, образ и семантика этого персонажа «создаются словом» [Черепанова, 1983, 115]. Исследовательница возводит слово букा к обширному индоевропейскому гнезду с корнем *b(e)u-, bh(e)ū – «надувать, отекать, пухнуть, вздуваться, набухать (о почках), наполняться». Как вытекает из данной этимологии, определяющими признаками в создании имени является уродливость, толщина, изогнутость. К тому же эти признаки отражены в немифологических значениях слова букा и его производных: «малыш, карапуз», «мешок с золой» и т. д., а также в названиях домовых духов и чертей у многих европейских народов: ирл. *phuka*, англ. *ruck*, нижненем. *pook*, древнешвед. *rike*, древненорв. *ruki* и т.д. – «домовой», «черт» [Черепанова, 1983, 118–119]. О. А. Черепанова подвергла критике этимологию слова букा, предложенную М. Фасмером, Д. К. Зелениным и др., которая исходит из звукоподражания. По мнению этих ученых,

наименование «бука» – производное от общеславянского *bukati* – «реветь, плакать и вообще издавать различные звуки – мычать, реветь, жужжать, бурчать, урчать»; предполагается, что *бука* – образование в детской речи от междометия «бу». По данным Л. Р. Хафизовой, *бука* у русских (во всех выявленных жанрах) действительно не имеет никаких акустических характеристик. «Но зато одна из типичных ситуаций угрозы появления *буки* в жанре пугания – это плач, рев ребенка, который и привлекает *буку*» [Хафизова, 2000].

У вепсов выявляются две формы запугивания детей, цель которых добиться от ребенка нужного поведения. Первая форма обозначается императивом «не ходи» (на территорию опасного духа): «[А *букача* не вспоминали?] Как же! „Там *буката*“ – скажут. „*Бука* там есте, не ходи туда“. – Это так ребят пугали» (Пустынка); вторая – «не плачь», «не шали» и т. д., иначе *bukač tulob* («бука придет») туда, где находится ребенок, и накажет.

Из основного значения слова *bukač* в вепсских диалектах развилось несколько переносных: 1) *bukač* – это нелюдимый пугливый человек; 2) упрямый; 3) тупой: «*Vareidei, dei kut-ni upfami lapška, da tupi. Sanud: "Oi, sinä bukač, sinä"*» – «Боязливый, да как будто упрямый ребенок и тупой, так скажешь: „Ой, ты *букач*, ты“» (Пондала) [ПМА, 1998]. Такой же смысл слову *бука* иногда придавался соседним русским населением Лодейнопольского и Подпорожского районов Ленинградской области [Черепанова, 1983, 116–117].

Среди мифологических персонажей русского происхождения узколокального характера можно назвать, например, духов, связанных с ржаным полем. У северных вепсов с. Урицкое в Петров день совершался такой обряд: все члены семьи шли с миской творога в ржаное поле, там они садились на полосу, съедали немного творога, а затем разбрасывали его ложками через плечо на поле с заклинанием: «Будильница-кадильница! Иди сыру есть!» [Винокурова, 1994, 85]. По данным О.А. Черепановой, *кадильница, кудельница, удельница* – женский дух, обитающий в ржаном поле, функциями которой являлась охрана ржи и обеспечение плодородия, связанного с урожаем [Черепанова, 1983, 113–114]. У вепсов с. Пондала Бабаевского района Вологодской области зафиксировано заимствованное из мифологической лексики русского языка

название *balovnicad* («баловницы»), под которым понимались духи в облике девушек, населяющих поле. Колыхание колосьев ржи объяснялось в народе игрой баловниц [Зайцева, Муллонен, 1972]. У русских *баловница* – локальный термин, обозначающий колдунью, ведьму [Черепанова, 1983, 15].

От соседнего русского населения в мифологический пантеон вепсов с. Пондала проник также персонаж под названием *kikimora* «кикимора» – дух в облике женщины, проживающий в подполье дома. Он потеснил обитающего здесь по местным верованиям вепсского домового *karzinižand* (букв. «хозяин подполья») [Зайцева, Муллонен, 1969, 182]. Время появления кикиморы – вечер. В портретную характеристику этого духа входит лишь два устойчивых внешних признака: принадлежность к женскому полу и распущенные волосы. Характерным занятием является прядение, поэтому постоянный атрибут кикиморы – прядлка: «*Tulí, ištihe, h'ibusot pässtut, mugažo kožal h'änni, k'ezerdab*» – «Пришла, уселилась, волосы распущены, у нее тоже прядлка, прядет» [Зайцева, Муллонен, 1969, 190]. Кикимора – вредоносный дух. Она наносила материальный ущерб семье: съедала все пищевые запасы, находящиеся в подполье на хранении. Данный образ имеет общерусское распространение с преимущественным употреблением на северорусской территории [Черепанова, 1983, 124].

В вепсском мифологическом пантеоне имеются также духи, которые ассоциируются с различными болезнями. Часть из них – русского происхождения. Например, оспа и корь.

Оспа (*paharubi*) – заразное заболевание, осмысливаемое как воздействие на человека демона болезни, одним из последствий которого являлись особые, уродующие лицо и тело, пожизненные шрамы – осины (*ropak, rupoz, šadr*). В вепсском языке зафиксировано довольно много названий, обозначающих человека с подобным дефектом лица, которые свидетельствуют о частых случаях появления этого эпидемического заболевания в прошлом: *paharubikaz, ropakoikaz* (Пондала), *šadrakaz* (Сидорово), *šadrovitj* (Пондала, Озера) – «рябой от оспы»; *ropakmod* (Пондала), *ropakroža* (Пяжозеро) – «человек с рябым лицом» [Зайцева, Муллонен, 1972].

В диалектных названиях оспы у вепсов также отразились кожные признаки этой болезни: *paharubi* – букв. «плохая короста»

(Пондала, Озера, Ярославичи, Шимозеро, Шелтозеро), ср.: фин., сев. кар. *rupi* ‘струп, корка, болячка’; *rok* (Озера, Сидорово, Белая), сев. кар. *rokko*, ливв. *rökkö*, люд. *rokk* ‘волдырь’, фин. *rokko* ‘оспа’ [СОСД, 2007: 134]; *ospitsa* (Вехручей) < русск. *оспа*, *оспитса* < о.-слав. *озъра* и *o(b)sypati* ‘обсыпать’ [Усачева, 2004, 576].

У северных вепсов, как и у соседних народов – карелов, русских и коми, оспа персонифицировалась в виде женщины. Ее почтительно величали по имени-отчеству – Оспа Ивановна или Оспа Андреевна (ср. у карелов – Оспа Осиповна; у русских – Осп(иц)а Ивановна (олонец.), Осп(иц)а Афанасьевна (архангел.) [Алимов, 1929, 19; Усачева, 2004, 576; Ильина, 1997, 80].

Северные вепсы так представляли течение болезни: «*Ospitsa* приходит трое суток, убывает трое суток, вырастает трое суток, стоит трое суток, убывает, когда не сердится, а когда сердиться, то еще больной». В связи с этим боялись рассердить оспу, иначе она останется на продолжительное время и осложнит состояние больного [Perttola, N 460]. Считалось, что избавиться от оспы можно только различными способами задабривания болезни. У северных вепсов при появлении *Оспитсы* в двух домах деревни, хозяйка одного из них готовила лучшую еду и шла вместе с больным просить прощения в другой дом. Поскольку в этот дом соседей не пускали, они тайком просили прощения у оспы за окном, а принесенную для нее снедь клали в какое-нибудь укромное место. Ни в коем случае нельзя было, чтобы больной сердился, иначе и оспа рассердится. Если больной просил что-то поесть, то предлагали несколько блюд, полагая, что оспа смягчится [Perttola, N 234].

Эти формы и представления об оспе как женском демоне, обращения к ней по имени-отчеству были заимствованы вепсами от русских. Они встречаются и у славянских народов. Русские Олонецкой губернии в честь появившейся в округе оспы пекли пироги, блины и шли в дом больного, кланялись ему в ноги и просили Оспу смилиостивиться и простить: «Прости меня, Оспица, прости Афанасьевна, чем я перед тобой согрубила, чем провинилася» [Власова, 1998, 381; Усачева, 2004, 577].

Русские антропоморфные представления об оспе и способы избавления от нее были известны также среди карелов и коми-зырян.

Например, карелы для излечения больного пекли 27 пирогов на одной сковороде сразу, затем одевали ребенка (или больного взрослого) и отправляли с пирогами в другой дом, где есть подобный больной, но с легким течением болезни. Придя в гости с пирогами, больной должен был причитывать: «Оспа-Осиповна, в чем ты прогневалась. Мы очень рады, что ты в гостях у нас, мы виноваты перед тобой, прости нас глупых, неразумных людей», и с этими словами давали легкобольному принесенные 27 пирогов. Если больной возьмет, то тяжелострадающий выздоровеет, а если повернется спиной к пирогам, то умрет [Алимов, 1929, 19]. Коми-зыряне верили, что оспа в виде женщины является во сне и предупреждает человека: «Готовься, я приду». Если ей не сумеют угодить, то рассердившись, она может попортить лицо [Ильина, 1997, 80]. По наблюдению исследовательницы народной медицины И.В. Ильиной, для коми не характерна антропоморфизация образов болезней и представления об оспе можно считать заимствованными от русских. Этот вывод подходит и вепсам, которые большинство болезней представляли в виде духов неопределенного вида.

У северных и шимозерских вепсов подобные обряды русского происхождения, в основе которых лежало не лечение болезни, а стремление умилостивить ее и, тем самым, добиться того, чтобы она скорее ушла, распространялись и по отношению к кори. Диалектные названия: сев. вепс. – *ruskii* (Шелтозеро), *ruskei* (Каскесручей); ср. вепс. – *ruskič* (Озера, Корбиничи, Озровичи, Ошта), *rusttaine* (Войлахта, Пондала, Пяжозеро, Шимозеро); южн. вепс. – *kor’* ‘корь’ [Зайцева, Муллонен, 1972, 485; СОСД, 2007: 134]. Названия кори происходят от слова *rusked* ‘красный’. В названиях отразился главный внешний симптом болезни: высыпание на коже красных мелких прыщей и покраснение горла. Под этими названиями у вепсов, как и у карелов [см.: Пашкова, 2008, 35], иногда называли краснуху, сходную по внешним проявлениям с корью.

Корь у вепсов олицетворялась с неким существом, появившимся среди людей: «*Rusttaine kävel’eb d’er’uunas*» – «Корь ходит в деревне» [Зайцева, Муллонен, 1972, 485]. В вепсском Прионежье из дома, в котором появилась корь, шли в дом, откуда она пришла. Исполнитель обряда вставал перед больным соседом, протягивал

ему гостинцы и просил прощения у кори. Если страдающий недугом брал гостинцы, то считалось, что *ruskei* смилиостивилась и уйдет, а больной, ради которого исполнялся обряд, поправится [Perttola, N 443].

В Шимозере, если дети в доме заболевали корью, то совершали ритуальное потчевание болезни. В избе развешивали нарядные полотенца с кружевами и красными каймами – красный цвет был приятен кори. Специально приготовленные в этот день пряженые пироги и другую выпечку, а также кисель выставляли на стол. Больных детей отводили в другое помещение, им запрещалось находиться в избе во время исполнения ритуала. Бабушка или мать кланялись в пояс и приглашали невидимую корь в гости. Так делали каждый день утром, пока больные не выздоравливали. Уроженка с. Шимозеро А.В. Романова (1926 г.р.) рассказывала: «*Russtaiñe – краснуха или корь, не знаю. Так, у меня вся четверка болела: Люсенька и Надя и Саша Я привезла их всех. Надя заболела, клюквы захотела. Я побежала, принесла клюквы ей. Домой привезла ребят. Свекровушка видит дело. Сейчас их встретила. Полотенце хорошее с кружевами, с красными каймами повешала. Так, чтобы деток не было в избе никак. Пирогов напряжила, пряничков надела. Это так она корь встретила, угощала. "Adivoihe, adivoihe russtaiñe tuli. Hüvä-ki, hüvä. Adivoiče!"* – "В гости, в гости корь пришла. Хорошо-то, хорошо. Угощайся!". Потом лучше, лучше. Болеет, а потом легче, легче. И каждый день надо. Киселя наварит, пирогов наделает, полотенцев навешает. "Угощайся, Russtaiñe!". С утра кланяется, Господу Богу помолится бабушка бывало. А Шурик говорит: "Матои, кор' ии тарту" – "Мама, корь не пристанет". А к Шурику корь все равно пристала».

Данные примеры – лишь малая толика образов вепсской мифологии, однако уже по ним можно говорить о вепсском мифологическом пантеоне как о гетерогенном явлении. Сравнительное со-поставление лексических и этнографических данных по мифологии вепсского, прибалтийско-финского и русского народов позволило выделить в вепсском пантеоне несколько разностадиальных пластов – субстратные (общефинно-угорский и общеприбалтийско-финский) и заимствованные (балтийский, русский, христианизованный, южнокарельский).

ЛИТЕРАТУРА

- Алимов Т. М. Знамарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1.
- Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996.
- Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб, 1994.
- Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1996.
- Винокурова И. Ю. Мифология и верования // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.
- Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006.
- Власова М. Н. Русские суеверия. СПб, 1998.
- Гура А. В. Блины // Славянская мифология. М.: Международные отношения. 2002.
- Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969.
- Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- Иванов В.И., Топоров В.Н. Курке // Мифы народов мира. II. М., 1997.
- Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Часть первая. М.: Университет Дмитрия Пожарского. 2012.
- Ильина И. В. Народная медицина коми. Сыктывкар: Сыктывкарское книжное издательство, 1997.
- Кастрен М. А. О значении слов: Юмала и Укко в финской мифологии. Из лекций профессора М.А. Кастрена // Уч. зап. Императорской академии наук по I и III отд. 1853. Т. 1.
- Конкка А. П. Традиционные сельские праздники // Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. Л., 1980.
- Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992.
- Левкиевская Е. Е. Предки // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009.
- Майков Л. Великорусские заклинания. СПб, 1869.
- Седов В. В. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финно-угроведение. № 2. 1997.
- СОСД – Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков. Петрозаводск, 2007.
- Топоров В. Н. Заметки по балтийской мифологии // Балто-славянский сборник. М., 1972.
- Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 2001.

Усачева В. В. Оспа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004.

Хафизова Л. Р. Бука как персонаж детского фольклора // Славянский и балканский фольклор. Народная demonология. М.: Индрик, 2000.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Ленинградский университет. Л., 1983.

Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva, 2007.

Kettunen L. Tähelepanekuid vepslaste mütologiast // Eesti Kirjandus. 9. Tallinn, 1925.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Helsinki, 2000.

Turunen A. Über die Volksdichtung und Mythologie der Wepsen // *Studia Fennica*. VI. Helsinki: MEML II, 1956.

Архивные источники

Богданов Н. И. История развития лексики вепсского языка. Дис. ... уч. степ. канд. филол. наук. Л., 1952. Машинопись // АКНЦ, ф.1, оп.43, № 204.

Киселев. Техника в чухарском быту // РЭМ, ф.2, оп.2, № 37.

Пашкова Т. В. Народные названия болезней в карельском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2008.

Perttola J. N 138, 139, 234, 443, 460 // *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran arkisto*. Helsinki.

Valjakka S. N 638 // *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran arkisto*. Helsinki.